

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 11

№ 8(95)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2012

Волгоград
2012

ББК 4481.22

Учредитель: ГОУ высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника «Известия ВолгГТУ»
академик РАН *И. А. Новаков*

Редакционная коллегия серии: д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева* (ответственный редактор);
д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;
д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;
д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;
д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*;
д-р ист. наук проф. Российского государственного гуманитарного университета *В. Д. Зими́на*;
д-р филос. наук, зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;
д-р пед. наук, зав. каф. иностранных языков ВолгГТУ *А. М. Митина*;
канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь);
д-р ист. наук, зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;
д-р филос. наук проф. ВолГУ *Н. В. Омельченко*;
д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовицков*;
член-корр. РАО, д-р пед. наук, зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. № 8(95) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2012. – 142 с. (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 11).

ISBN 978–5–9948–0996–9

Содержит статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитарных наук.

Ил. 3. Табл. 2. Библиогр.: 234 назв.

ISBN 978–5–9948–0996–9

© Волгоградский государственный
технический университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Букин Д. Н.</i> Коррелятивная онтология математики: проблемы и перспективы.....	5
<i>Захаров А. В.</i> Гносеологическая катастрофа сознания. Два вида отмены.....	8
<i>Стручалина А. П.</i> Иррациональные превращения денег.....	12
<i>Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.</i> Онтологические основания войны.....	16
<i>Димитрова С. В., Леонтьев А. Н.</i> Власть целерациональности и целерациональность власти.....	20
<i>Виноградова Н. Л., Артюхович Ю. В.</i> Социальные отношения: особенности традиционного восточного общества.....	24
<i>Кленина Е. А.</i> Диалектическое единство ценностно-смысловых аспектов жизни и смерти.....	27
<i>Черемушников И. К.</i> Рефлексия смыслов в культурном пространстве (на примере русских исторических женских образов).....	30
<i>Варакин С. В.</i> Философские основания «политической культуры» на русской почве.....	33
<i>Штыров А. В., Казанова Н. В.</i> Модернистские педагогические ценности как причина сегодняшнего кризиса образования.....	36
<i>Комиссарова Е. В.</i> Досуг как объект культурологического исследования.....	40
<i>Болдырева Н. Е.</i> Генезис промышленных музеев как части культурного наследия человечества.....	44
<i>Ледушкина С. Н.</i> Новые технологии и субъекты художественной коммуникации: парадоксы компьютерного искусства.....	47
<i>Смольникова С. А.</i> Специфика лидерства в художественно-творческом коллективе: методологический аспект.....	50

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Могилевич Б. Р.</i> Специфика социальной коммуникации при межкультурном взаимодействии...	53
<i>Галеева Я. И.</i> Культурная идентичность в региональной прессе.....	56
<i>Момов М.</i> Ритуал и повседневность.....	59
<i>Ефимов Е. Г.</i> Социальные группы как объект исследования социальных интернет-сетей.....	63
<i>Сергеева О. В., Пармонова В. А.</i> Практики как средство различения: исследование компьютерного опыта пожилых людей.....	67
<i>Лагутин С. Г.</i> Информационная открытость взаимодействия органов местного самоуправления с населением: социологический аспект.....	71
<i>Мельников М. В.</i> Социальная приватизация, общее благо и право.....	73
<i>Селезнева И. Г., Сухова А. С.</i> Проблемы современного этнополитического экстремизма.....	76

<i>Андрянова Т. В.</i>	Феномен разделения (separation) церкви и государства в контексте формирования гражданской религии в США.....	79
<i>Шурбе В. З.</i>	Качество жизни различных возрастных групп населения: анкетирование в технике одного вопроса.....	82
<i>Дегтярева Е. С.</i>	Рационализация труда в современной России: социологические аспекты.....	85
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i>	Экономическая социология: от истории к определению основных понятий.....	87
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ		
<i>Солянкина Л. Е.</i>	Акмеологические технологии продуктивного развития профессиональной компетентности специалиста на этапе его вузовской подготовки.....	92
<i>Васильева В. Д., Петрунева Р. М.</i>	Проектная подготовка будущих инженеров в новых условиях двухуровневого образования.....	95
<i>Сидякина Н. Ю., Сазонова З. С.</i>	Проблемы оценки качества компетентностно ориентированного образования...	100
<i>Шеина А. В.</i>	Условия формирования мотивационной готовности будущих инженеров к социально-ответственной деятельности.....	106
<i>Севрюкова Г. А., Тюменцева Е. В., Севрюкова П. Л.</i>	Некоторые аспекты адаптации студентов в процессе обучения в высшем учебном заведении.....	108
<i>Ермакова А. А.</i>	Реализация компетентностного подхода в процессе обучения математике студентов технического вуза.....	111
<i>Ситникова О. И., Наумов И. Н.</i>	О задачах преподавания истории в техническом вузе.....	113
<i>Митина А. М., Карасик А. В.</i>	Использование компьютерных технологий в обучении английскому языку студентов вузов.....	115
<i>Белякова Л. Ф.</i>	Язык СМИ и анализ языковых ошибок в университетском курсе культуры речи.....	117
<i>Сафина Л. А.</i>	Влияние психолого-педагогических условий на эффективность образовательного процесса в области дизайна.....	121
<i>Ситникова О. В.</i>	Педагогические условия овладения студентами инструментальным исполнительством в системе подготовки специалистов в области музыкально-педагогической деятельности.....	123
<i>Тухбатуллина Л. М.</i>	Дополнительное профессиональное образование специалистов полимерного профиля.....	126
<i>Стельник В. В.</i>	Социально-педагогические аспекты образования в Германии.....	129
<i>Тельтевская Н. В.</i>	К проблеме развития творческих способностей студентов.....	130
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ		
<i>Дулина Н. В.</i>	Новые проблемы социокультурной эволюции регионов (по материалам конференции).....	135
<i>Ситникова О. И.</i>	Следуя традиции... (по итогам краеведческих чтений «Край родной, навек любимый...».).....	137
РЕЦЕНЗИИ		
<i>Каргаполова Е. В.</i>	Регион в динамике социокультурных полей (рецензия на монографию Н. В. Дулиной, О. В. Естриной, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситниковой «Социокультурное пространство региона: методология исследования»).....	139
	К сведению авторов.....	141

УДК 111.1
ББК 87.21

Д. Н. Букин

КОРРЕЛЯТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ МАТЕМАТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волгоградский государственный университет

E-mail: hetfieldukin@mail.ru

Автором обосновывается применение релятивной онтологии для изучения оснований математики. Показано, что бытие математического объекта может быть рассмотрено как соотношение, а в основании математики лежат абсолютные представления, отражающие универсальные требования к объектам реальности с точки зрения человеческой деятельности.

Ключевые слова: математический объект, онтологические категории, субъект, отношение.

D. N. Bukin

CORRELATIVE MATHEMATICAL ONTOLOGY: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Volgograd State University

The author proves the relative ontology application for the study of mathematical bases. It is shown that the being of mathematical object can be considered as a relation, and in the mathematics basis the absolute representations reflecting universal requirements to objects of a reality from the point of view of human activity lie.

Keywords: mathematical object, ontological categories, subject, relation.

Центральной проблемой любого направления в философии математики была и остается проблема существования математических объектов. Обзор ведущих философских течений, каждое из которых отстаивает собственную точку зрения на математическую реальность и способы ее описания, позволяет сделать вывод о том, что конфликт между ними так или иначе касается «онтологии, то есть, вопросов о том, что существует» [1, с. 9]. В рамках философии математики развивается особая дисциплина, нацеленная на выявление всеобщих закономерностей бытия математического объекта и математической действительности в целом – онтология математики. В отличие от смежных направлений, ее предмет характеризуется предельной *всеобщностью*, связан с наиболее глубокой формой рефлексии над основаниями математики. Другим важным моментом данного предельного вида философского знания является *абстрактность* объектов математики, по определению подразумевающая их выводимость из других реальных объектов путем отвлечения от ряда несущественных свойств по-

следних. Данное обстоятельство, в свою очередь, напрямую затрагивает проблему первоначал, традиционно составляющую предмет метафизики в ее классическом понимании.

Итак, один из важнейших аспектов сугубо онтологической проблемы существования математического объекта может быть сформулирован следующим образом: каковы *первоначала* математической действительности? Трактующий традиционно как чисто метафизический, данный вопрос на самом деле связан с более глобальной темой проведения водораздела между метафизикой и онтологией, явившегося переломной вехой в истории последней и ознаменовавшего легитимацию в конце XIX – начале XX века множества новых онтологий. О. А. Назарова так комментирует данную ситуацию: «Метафизика стремится к познанию мироздания, то есть к конструированию истинного бытия, и, следовательно, к объяснению и оправданию мира, а «новые онтологии» – к описанию действительности как того, что фактически открывается человеческому сознанию» [2, с. 65]. Действительно, современная

онтология вовсе не ограничивается поиском первооснов бытия, неизменных сущностей-первоначал, традиционно составляющих предмет метафизики. Уже согласно этимологии слова, онтология есть учение о сущем и должна быть нацелена на изучение «всеобщих структур и закономерностей развития *вещей и процессов как таковых (или самой по себе объектности любого рода)*» [3, с. 15]. Но тогда логично было бы заключить, что те метафизические теории бытия, которые признают возможность познания абсолютного первоначала всего сущего, должны органически включаться в общую онтологическую картину мира. С другой стороны, приумножение онтологий сверх необходимости также приводит к нарушению принципа всеобщности сущего – мы выступаем не против множественности различных *типов* бытия, но против множества *учений* о нем. Впрочем, как будет показано далее, продуктивное онтологическое исследование вовсе не требует ни раздвоения действительности на порождаемый и порождающий миры, ни умножения реальностей с последующим конструированием соответствующих им специфических онтологий.

Сама по себе идея преодоления метафизики далеко не нова и имеет солидную историю. Этой теме посвящен ряд работ И. Канта и его последователей В. Шуппе и Й. Ремке, а также отдельные труды Ф. Ницше, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Н. Гартмана и т. д. Однако, несмотря на столь обширный вклад классиков в изучение данной проблемы, открытым остается краеугольный вопрос онтологии о порождающей причине. Автор согласен с В. Н. Сагатовским: «Ни Ницше, ни Хайдеггер, ни их последователи не сумели расстаться с порождающей моделью онтологии. Ни замена сущего на бытие, ни пребывающего на становление не решают этой проблемы. Пока что мы имеем дело, все же, не с «постметафизической» философией, но с «неклассической метафизикой». Конец метафизики настанет только тогда, когда онтология откажется от порождающих моделей и поиска начала в бесконечности (хоть вечного, хоть становящегося)» [4, с. 34]. Поиск мифической порождающей причины наличного бытия можно сравнить в терминах математики с попыткой записать последний член бесконечного числового ряда, апеллируя к доступности расчета суммы последнего. Автору представляется тупиковым путь выведения бесконечного сущего из конечного наличного бытия, поскольку,

на наш взгляд, искать конечное в бесконечности можно лишь как некий онтологический момент последней – данность или явленную определенность.

Таким образом, мы отказываемся от *causa finalis* не как от *начала* вообще, а как от требования признать во что бы то ни стало всеобщую диктатуру порождающего безусловного *finalis*. Вместе с тем определение новой онтологии как неметафизической, постклассической и тому подобное было бы негативным, то есть подразумевающим отрицание изживших себя взглядов и идей, но в целом не предполагающим появления никакого качественно нового содержания. В этом случае открытыми остались бы вопросы об онтологическом статусе объектов, их взаимосвязи, методологии их исследования и т. д. Другими словами, обновляемый вариант учения о бытии требует включения в него ряда непротиворечивых принципов и методов, направленных на получение новых результатов. Именно таким образом формируются основы *релятивной* онтологии, разработка концептуальных оснований которой в отечественной философии началась сравнительно недавно, но уже принесла некоторые осязаемые результаты, отраженные прежде всего в работах санкт-петербургских ученых В. Н. Сагатовского [4] и П. М. Кольчева [5].

Фундаментальной установкой *релятивной* (коррелятивной) онтологии является то, что *всякое бытие (существование, реальность) понимается как соотношение (коррелят)*. Помимо этого, в контексте заявленной темы также будут рассматриваться две основные *задачи* *релятивной* онтологии: «рассмотрение бытия с позиций критики метафизического удвоения мира на порождающее основание и внешние проявления» и «придание категориального статуса понятию «есть» как исходному всеобщему моменту категориальной структуры отношения (взаимодействия) любой природы, истолковав бытие как соотношение» [4, с. 6]. Далее будет сделана попытка наметить основные пути решения поставленных задач применительно к онтолого-математическому исследованию.

Итак, как было заявлено выше, понятие «*начало*» в онтологии вовсе не обязано носить характер порождающей причины – оно вполне может соответствовать некоему отправному пункту, фундаменту и интерпретироваться как *основание*. В этом случае реальность мира мо-

жет быть принята как «самоочевидная и самоудостоверяющаяся», «первичная по отношению к имманентной субъективности» [6]. При этом указанные первичность и самость отражают не генетическое превосходство объективного над субъективным, а интуитивно схватываемую событийность субъекта и объекта, смыслом которой является фиксация первым того факта, что второй есть, то есть наличествует, пребывает. Следовательно, устранение «порождающего раздвоения» не только не отменяет, но и упрочивает фиксацию в снятом виде по сути своей диалектической (а не метафизической) субъектно-объектной оппозиции. Уже И. Кант (в отличие от Р. Декарта) полагает, что объективное бытие столь же достоверно, как и субъективное бытие мыслящего «Я» (*cogito*). Он показывает, что сознание субъекта неотделимо от представления о существовании других вещей вне него. При этом следует отметить, что конструктивная субъективная деятельность сознания способна породить не любые, а вполне определенные рациональные взаимосвязи элементов, заданных на многообразии, но все же обладающих атрибутом всеобщности. Применительно к объектам любой природы (в том числе математическим), всеобщность предполагает *повторяющееся*, закономерное, то есть такую онтологически инвариантную основу, которая позволяет отличать объективное от уникальности единичного субъективного. В этом отношении показателен пример из истории математики, предлагаемый А. В. Чусовым: «До возникновения чистой теоретической математики еще не было такой сущности, как число, инвариантное по отношению к конкретным задачам. Даже существенно развившаяся греческая математика еще демонстрирует качественные различия между числами в виде чисел «треугольных», «квадратных» и так далее» [7, с. 218]. Другими словами, до определенного исторического этапа развития своего математического мышления человек оперирует не числом как всеобщим объектом, а некоей интуицией единичного проточисла, для характеристики которого больше подойдет понятие «величина».

Всякое современное рассуждение о существовании математического объекта непреложно приводит к сведению его к определенному классу объектов, то есть фиксации его максимально мыслимой всеобщности в рамках формально-логического понимания универсума. При этом речь идет не о том, как образуется

математический объект, а о том, как он возможен (неотменим) в случае положительного ответа на основной вопрос онтологии математики: *существует ли* математический объект? Автор полагает, что данный вывод имеет решающее значение в выборе методологии современного онтолого-математического исследования, поскольку требует изначально зафиксировать «то всеобщее, что будет характерно для исследуемого нами предмета на всех этапах его развития, начиная с момента зарождения и обретения своей самости по отношению к другому» [8, с. 79]. Это означает, что самому бытию должны быть имманентны некие инвариантные структуры или принципы, которые и определяют строение математического объекта, его вид, взаимосвязь с другими объектами и т. п. В. Я. Перминов, демонстрируя доопытность математического мышления в его реальной связи с первичными структурами действительности, отмечает: «Особенность математики состоит в том, что, являясь развитой и постоянно развивающейся наукой, она в своих основаниях покоится на абсолютных представлениях, отражающих универсальные требования к объектам реальности с точки зрения человеческой деятельности» [9, с. 44]. Схожую позицию занимает и В. Б. Губин: «Принципы деятельности... едины для всего живого, не зависят от конкретного мира, в котором находится субъект. По этой причине и математика – сама по себе – в разных мирах одна и та же...» [10, с. 199–200]. При этом реальность математического объекта, то есть то, что с необходимостью существует, становится доступным нашему сознанию посредством всеобщих философских (прежде всего онтологических) категорий бытия, сущего, объекта, количества, меры, отношения и т. п. Выяснение роли данных предельных смысловых структур сознания, отражающих и/или конструирующих математический объект, является темой отдельного исследования и значительно превысило бы объем данной работы. Следует отметить, что в данном вопросе автор полностью разделяет позицию В. Н. Сагатовского, согласно которой онтология есть не что иное, как «учение о категориальной структуре любого предмета» [4, с. 16].

Так или иначе, бытие математического объекта может быть понято прежде всего как *соотношение* субъективного и объективного, фундируемое изоморфизмом структур мышления и бытия, составляющим суть предметности

математики как объективированной деятельности, изначально укорененной в бытии. Более того, многие математические объекты вообще образуются посредством *отношений* между другими, базовыми объектами. Наиболее яркими примерами могут выступить: взаимнооднозначное соответствие (широкому кругу читателей больше известно как математическая функция), производная функции, числовой ряд и т.д.

Итак, в настоящей работе была сделана попытка конкретизировать некоторые аспекты коррелятивной онтологии для предмета математики. Полагая устаревшим метафизический вариант учения о бытии, подразумевающий раздвоение действительности на явленный и сверхчувственный миры, автор приходит к выводу о целесообразности рассмотрения бытия математического объекта в качестве коррелята, находящегося в отношении изоморфизма к структурам онтологически обусловленной человеческой деятельности. В этом случае онтология математики предстает как совокупность специфических описаний, связь между которыми обеспечивается содержанием системы исходных всеобщих категорий бытия, объекта, отношения и т. п.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Целищев, В. В.* Онтология математики: объекты и структуры / В. В. Целищев. – Новосибирск: Nonparel, 2003. – 240 с.
2. *Назарова, О. А.* Онтологическое обоснование интуитивизма в философии С. Л. Франка / О. А. Назарова. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 196 с.
3. *Миронов, В. В.* Онтология и теория познания: учебник / В. В. Миронов, А. В. Иванов. – М.: Гардарики, 2005. – 447 с.
4. *Сагатовский, В. Н.* Триада бытия (введение в метафизическую коррелятивную онтологию) / В. Н. Сагатовский. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 123 с.
5. *Кольчев, П. М.* Релятивная онтология / П. М. Кольчев. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 227 с.
6. *Карпицкий, Н. Н.* Философское значение идей В.Н. Сагатовского [Электронный ресурс] / Н. Н. Карпицкий. – Режим доступа: <http://www.anthropology.ru/library/fm/kud-gya.html>.
7. *Чусов, А. В.* Обоснование математики: логическая норма или предметно-конструктивная реальность / А. В. Чусов // Философия науки: исторические эпохи и теоретические методы / под ред. В. Г. Кузнецова (отв. редактор), А. А. Печенкина, А. С. Кравца, Е. Н. Ищенко. – Воронеж: Издат.-полиграф. центр Воронежского гос. ун-та, 2006. – С. 175–230.
8. *Леонтьева, Е. Ю.* Восхождение от абстрактного к конкретному: обращение к истокам и современный взгляд / Е. Ю. Леонтьева, Н. Л. Виноградова // Философия и общество. – 2008. – № 2. – С. 78–89.
9. *Перминов, В. Я.* Априорность и реальность исходных представлений математики / В. Я. Перминов // Вестник Моск. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 24–44.
10. *Губин, В. Б.* Математика как формализованная имитация этапа структурирования мира в отражении субъекта / В. Б. Губин // Философские науки. – 1996. – № 1. – С. 199–216.

УДК: 130.3
ББК: Ю212.2

А. В. Захаров

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА СОЗНАНИЯ. ДВА ВИДА ОТМЕНЫ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: extrangere@hotmail.com

В статье описываются гносеологические модусы человеческой субъектности: сознательный и интуитивный. Автор доказывает, что в настоящее время сознательный модус достиг предельности и теряет свою цель. Подобная ситуация дефинируется как гносеологическая катастрофа сознания. Единственной возможностью ее позитивной отмены является развитие интуитивных способностей человека.

Ключевые слова: сознание, интеллект, гносеологическая катастрофа сознания, интуиция.

A. V. Zakharov

GNOSEOLOGICAL CATASTROPHE OF CONSCIOUSNESS. TWO TYPES OF ABOLITION.

Volgograd State Technical University

The paper covers the two types of human subjectivity gnoseological modi: conscious and intuitive. Author argues the conscious gnoseological modus has reached its limits in the modern times. Such situation is defined as gnoseological catastrophe of consciousness. The only prospect to abolish it positively is to develop the intuitive capacities of human mind.

Keywords: consciousness, intelligence, consciousness gnoseological catastrophe, intuition.

Ключевые положения

В момент рождения каждый человек встречает бытие – огромную, идеальную и материальную данность, подаренную ему для жизни. Каждый пришедший в бытие человек наделен врожденной способностью *познавать*, то есть извлекать из любого объекта его идею. В данном контексте идею познанный, в отличие от идеи, к которой еще не прикасался человек, автор называет информацией. Опираясь на факт антропного принципа, возможно заключить, что каждый элемент бытия имеет определенную цель. Познавательные способности человека также выполняют определенную задачу. Ее смысл состоит в том, чтобы обеспечить личность возможностью использовать те элементы бытия существующего, которые необходимы для создания бытия нового. Согласно открытиям психологии XX в., гносеологические потребности каждого субъекта носят индивидуальный характер. Основатель аналитической психологии К. Г. Юнг отмечал: «Общие типы (...) отличаются друг от друга своеобразной установкой по отношению к объекту. У интровертного это отношение абстрагирующее (...). Экстравертный, напротив, относится к объекту положительно» [1, с. 351].

Познание реализуется в двух модусах: сознательном и интуитивном, радикально отличном от первого по своим методам и, вероятно, используемым более совершенной компонентой человеческой субъектности – сверхсознанием. Гносеологический модус сознания реализует себя посредством взаимодействия органов чувств человека с тем или иным объектом мира, интеллекта – орудия обработки ощущений с помощью логических процедур, памяти – средства хранения информации для последующих операций. Результатом гносеологической деятельности сознания является восхождение к понятию, суждению и умозаключению – формам извлеченной идеи.

Гносеологический модус сверхсознания реализует себя в интуиции – некоем необъясненном в настоящее время методе соединения познающего субъекта и идеи познаваемого объекта без взаимодействия с ним органов чувств человека, применения интеллектуальных и мнемонических процедур. Однако результатом интуитивного познавательного акта, как и сенсуально-интеллектуального, также является извлечение искомой личностью идеи во всех необходимых формах. Доказательствами

существования интуитивно полученных идей о сущности бытия является знание младенцами, которых невозможно заподозрить в сенсуально-интеллектуальном исследовании мира, самых простых законов физики и навыков счета [2, с. 27]. Подобный метод познания, присущий в той или иной степени всем людям, остался неразвитым в родовом человеке. Вероятно, очевидность восприятия и достаточность для повседневной жизни субъекта сенсуально-интеллектуального познания – причины, послужившие забвению интуиции. Неадекватность реальности космологических картин мира первобытных народов и цивилизаций древности доказывает, что заблуждения часты, когда человек неспособен непосредственно наблюдать изучаемый объект во всей необходимой для умозаключения полноте, а отсутствие прагматической необходимости познания объекта способствует небрежности его описания. Другими словами, еще на заре своей истории человечество в силу объективных телесных причин избрало определенный метод познания мира. Именно этот выбор стал началом гносеологической катастрофы сознания.

Развитие гносеологической катастрофы сознания

Хотя посредством чувственно-интеллектуального контакта гносеологических субъекта и объекта крайне сложно познать идеи всех необходимых личности элементов бытия и взаимосвязей между ними по причине их огромного числа, чрезвычайной медлительности и трудоемкости подобного метода, человечество, смущенное его поверхностными преимуществами, пустилось в его развитие. В доисторические эпохи человечество вследствие неразвитости интеллекта обладало весьма ограниченным объемом информации, которую могло удерживать в памяти поколений без помощи вспомогательных средств. Возникновение письменности свидетельствует о значительных достижениях интеллекта в познании самого себя, а ее активное применение в античности доказывает, что число идей, извлеченных из природы и добавленных к бытию людьми, стало превышать гносеологические способности сознания – интеллект и память перестали справляться с поступающими объемами информации. Для повышения эффективности познавательной работы возникла необходимость переносить информацию на внечеловеческие носители. Рост

населения, распространение грамотности, развитие науки, предельно оптимизированного метода сознательного познания в Новое время привело к значительному увеличению объемов информации. Однако, как и в поздней античности, и ученый, и обыватель эпохи буржуазных революций был вынужден прилагать значительные физические усилия для соединения своей субъектности с познаваемым объектом и выполнять все мыслительные операции, необходимые для его познания, самостоятельно, без использования интеллектуальных автоматов по причине их отсутствия. Эффективность познавательных практик сознания как средств, достаточных для постижения бытия с целью изменения жизни людей, то есть создания нового, доказывалась в каждом научном открытии, каждом техническом изобретении и не могла быть подвергнута сомнению в ту эпоху.

С изобретением в XX в. электронных средств производства и хранения информации сознательное, сенсуально-интеллектуальное познание получило дополнительный стимул, поскольку наука приобрела эффективные инструменты экспериментального моделирования, а человечество – орудия фиксации гносеологических идей любого содержания. Возникновение сети Интернет, благодаря которой распространение информации достигло скорости света, довершило ситуацию: сенсуально-интеллектуальное познание достигло катастрофической фазы, качества, дальнейшее развитие которого невозможно, а его продление грозит физическому уничтожению человечества. Такое радикальное суждение автор выдвигает, поскольку:

1) Компьютерные программы еще в прошлом веке начали вытеснять интеллект, как орудие познания, опережая его в скорости принятия логических решений и мнемонических операций. Генерирование понятия, суждения и умозаключения в XXI в. возможно во многих случаях поручить программе, которая, обрабатывая информацию, за считанные доли секунды предоставляет искомый человеком результат, на достижение которого интеллект тратит долгие годы. В июне 2011 года «K computer» возглавил список самых производительных суперкомпьютеров мира с результатом в тесте «LINPACK» в 8,162 петафлопс или 8,162 квадриллиона операций с плавающей точкой в секунду [3]. Очевидно, что стандартный человек неспособен производить аналогичное число математических операций в указанную единицу времени.

2) Использование глобальных поисковых систем предполагает взаимодействие субъекта познания с непрерывно обновляющимся миром извлеченных идей, динамику которых интеллект не может охватить без помощи вспомогательных средств. Согласно исследованиям компании IDC: «...к 2011 году общие объемы информации, хранимые во всем мире на всех существующих цифровых носителях, превысят 1800 экзабайт, что в 10 раз больше, чем в 2006 году, когда суммарные объемы хранимых во всем мире данных составили 180 экзабайт (1 экзабайт = 1 миллиард гигабайт)» [4]. Не лучшим образом дело обстоит в сфере печатных изданий: проект «Google Books» оценил количество книг, созданных за всю историю человечества, в 129864880 единиц. «Правда, поскольку издательства по всему миру выпускают новинки сотнями каждый день, число будет постоянно обновляться», – отмечают кураторы проекта [5].

Если еще в XIX – начале XX вв. исследователь мог самостоятельно осознать необходимый материал, то в настоящее время интеллект не познает сам по себе, но активно взаимодействует с интеллектуальными орудиями познания. Данный факт свидетельствует о смерти познающего интеллекта как такового. Незаметно для себя цивилизованное человечество создало среду сенсуально-интеллектуально-машинного познания. Другими словами, мы отказались от непосредственно сознательного метода познания и создали его компьютеризированную модификацию. Ее дальнейшее развитие предполагает полностью автономный искусственный интеллект, вооруженный телесными сенсорами, который полностью вытеснит человека из процесса познания бытия. Искусственный интеллект, быстрый, способный воспринимать миллиарды фактов, безошибочно логирующий, обладающий совершенной памятью, вероятно, будет поставлять человеку не только все необходимые результаты познания, но и сам начнет избирать наиболее перспективные области изучения непознанного бытия. В итоге, формально, в своей интеллектуальной ипостаси, гносеологический модус сознания уже лишен смысла.

Содержательно гносеологическая катастрофа сознания реализуется:

1) в невозможности отделения истины как соответствия своего представления идее объекта от лжи, заблуждения или фантазии, поскольку рядовой субъект познания не обладает необходимыми для подобной операции инструмен-

тами. Познание теряет цели – ориентиры своей деятельности, поскольку сознание не знает, познает ли оно бытие как таковое либо его человеческие производные;

2) в невозможности использования подавляющего большинства информационных единиц для какой-либо цели познающим субъектом. Платон, желавший создать идеальные условия жизни в своем государстве, отмечал: «...самая главная проверка, имеются ли у человека природные данные для занятий диалектикой или нет. Кто способен все обозреть, тот – диалектик, кому же это не под силу, тот – нет. ... Вот тебе и придется подмечать, кто наиболее отличится в этом, кто будет стойким в науках» [6, с. 322]. Предельное разнообразие информационной среды XXI века, ее назойливость и часто обязательность, отсутствие выявления индивидуальных гносеологических потребностей человека принуждает очень многих людей познавать идеи бесполезные и даже вредные для той или иной личности. Снова необходимо упомянуть Интернет, в котором гносеологический субъект практически не имеет возможности отстраниться от познания бессмысленных, бесцельных и неприятных для него объектов.

В результате в XXI в. человечество осознает и чувствует себя в среде, наполненной непрозрачным и бесполезным содержанием. Подобный информационный материал мало пригоден для создания нового бытия, так как практически не раскрывает идеи объектов мира уже существующего своей неverifiedированностью, и бесполезен для многих людей, поскольку противоречит их природе. Не случайно в развитие современных познающих бытие наук вовлечено по сравнению с общим населением планеты незначительное количество людей, которым посчастливилось непосредственно наблюдать объект изучения и ежедневно удовлетворять личностные потребности в своей научной деятельности.

Совокупность перечисленных факторов порождает катастрофическую атмосферу невыносимости жизни: осознание бесцельности и вызываемые этим негативные эмоциональные переживания, потому что существование ни для чего противно самой структуре бытия.

Небытийственная отмена гносеологической катастрофы сознания

Небытийственная отмена гносеологической катастрофы подразумевает самоуничтожение человечества. Информационная перегружен-

ность современной жизни тягостна своей бесцельностью сама по себе. Наполнение подобными идеями-ни-к-чему сознания людей уничтожает понимание целей себя, своего общества, человечества и бытия в целом, следовательно, лишает все ценности. Жизнь в мире бесцельном, неценном для людей, существ, предрасположенных к целенаправленной деятельности, диктует ее отмену. Тем более, что человечество уже как шестьдесят лет располагает оружием для реализации этого проекта. Осознание гносеологической катастрофы имеет основания стать одним из скрытых мотивов действий, направленных на уничтожение всего человечества либо его большинства.

Наполненность современной жизни идеями, которые человек в принципе не может верифицировать, то есть везде обоснованно возможно подозревать пропаганду и ложь, также является достаточным основанием для силовой отмены цивилизации, породившей подобную ситуацию.

Кроме этого, избыток информации, ее противоречивость, следовательно, сложность анализа, крайне замедляет принятие решений. Реакции человечества становятся слишком медленными, особенно в современной среде сверхбыстрой истории. Переизбыток бесцельной информации результируется в неспособности эффективно управлять даже известными процессами, поскольку отсеив ненужных идей засоряет интеллектуальные ресурсы операторов того или иного процесса. Описанная ситуация реализуется в вялотекущей хаотизации интеллектуальных, социальных и технологических процессов. В предельной реализации это означает неспособность принять какое-либо решение вообще, следовательно, катастрофу для жизни.

Однако по той причине, что и философией, и психологией признается реальность интуитивного познания, есть все основания моделировать иную отмену гносеологической катастрофы сознания.

Счастливая отмена гносеологической катастрофы сознания

Счастливая отмена гносеологической катастрофы сознания подразумевает постепенный отказ от сознательных познавательных практик, развитие интуиции и, следовательно, радикальное облегчение человеческой жизни. Наполнение ее новым, неизвестным в истории смыслом, новой целью и радостью от переживания смысла и целей. Трудно представить какой станет жизнь людей, если не все, но многие из нас

смогут быстро, легко и безошибочно познавать идеи, в которых нуждаются. Трудно представить, какие цели созидания поставит перед собой человечество, осознав М-теорию, назначение каждого гена генома, подлинный онтологический статус возможного [7, с. 30] и технологии уничтожения зла в самом себе. Чувство легкости бытия и осознание безграничных перспектив человеческим существом по праву возможно назвать счастьем – радостью и предвкушением радости еще большей. По этой причине подобный, достаточно вероятный вариант снятия гносеологической катастрофы сознания автор называет ее счастливой отменой.

Философы, психологи, создатели компьютерных программ, педагоги, медики, биологи и другие ученые могут найти цель своей жизни в развитии интуитивных способностей человека до такого уровня, когда интуиция станет гла-

венствующим познавательным методом каждого человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юнг, К. Г. Психологические типы / К. Г. Юнг. – М.: АСТ, 2006. – 528 с.
2. Майерс, Д. Интуиция / Д. Майерс; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.
3. К Computer // Википедия 2011. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/K_computer.
4. Общие объемы информации превысят 1800 экзатбайт в 2011 // IT News. 2008. – URL: <http://itnews.com.ua/38640.html>.
5. Белкин, Н. «Google» подсчитал, сколько в мире книг / Н. Белкин // Вести. – 2011. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=384232>.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Платон; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
7. Захаров, А. В. Теории множественности миров в современной науке и пост-философии. На пороге нового мировоззрения / А. В. Захаров // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 26–30.

ББК Ю21

А. П. Стручалина

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: astruchalina@yandex.ru

В статье рассматриваются деньги в диалектической взаимосвязи количества и качества, выявляются формы возможных противоречий между этими характеристиками денег. Раскрываются онтологические основания различных форм иррациональных моделей денежного поведения, предлагается их типология.

Ключевые слова: деньги, количество, качество, рациональное, иррациональное, денежное отношение, денежное поведение.

A. P. Struchalina

IRRATIONAL MAKING MONEY

Volgograd State Technical University

The article deals with money in a dialectical relationship of quantity and quality, identify the form of possible contradictions between the characteristics of money. Reveals the ontological foundation of various forms of irrational money behavior, proposed their typology.

Keywords: money, quantity, quality, rational, irrational, monetary relations, monetary behavior.

Деньги, несомненно, одно из наиболее полезных изобретений человечества, их появление связано с рационализацией общественных отношений. Как всякая другая субстанция, деньги могут быть рассмотрены в диалектике качества и количества. В философском понимании, качество – суть, содержание, смысл предметов. Являясь заменителем вещей товаров, деньги *качественно безграничны* (на них можно купить все или условно все). Реализация этой возможности зависит от одного условия – их *количества*, но такое до-

пущение упрощает действительное многообразие и сложность отношения «мир людей и мир вещей». Деньги обуславливают лишь *внешнюю* сторону отношений, обеспечивают саму возможность возникновения связи, часто не проясняя ее жизненный смысл. Деньги не могут быть определяющим началом в *безусловных* отношениях (дружба, родственные связи, любовь и т. д.) Эти субстанции не взаимозаменяемы. «Дареному коню в зубы не глядят» – речь идет о безусловном поступке, о «подарке без условий».

Деньги сопровождают человеческие отношения, но не определяют их *качество*. Между тем в реальности часто присутствует стремление подменить качественные характеристики количественными, выдать деньги за показатель качества свойств, вещей, отношений. При этом происходит искажение реальности, порождающее обман и самообман. В начале 1990-х годов в России появились незаработанные трудом крупные состояния, а вместе с этим и поговорка: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», свидетельствующая о резком сдвиге в ценностном самосознании определенного круга людей. Расхождение количественных и качественных показателей в товарно-денежных отношениях возникло не сейчас. Предпосылки к этому заложены в символической природе денег. В натуральном хозяйстве совершался непосредственный обмен усилиями и способностями индивидов, воплощенными в продуктах труда, а количественные характеристики обмена определялись добровольными соглашениями субъектов. Деньги вытеснили субъектность, выступили всеобщим эквивалентом, носителем абстрактного труда, их величина стала определяться надличностным рыночным спросом. Количество денег и качество товаров перестали находиться в прямой зависимости, и это расхождение постоянно увеличивалось по мере превращения денег в бумажный заменитель товара и труда. Рост противоречий усилился отказом США от золотого обеспечения доллара как мировой валюты. Выпадение денег из диалектической связи количества и качества вело к иррационализации рыночных отношений: все в большей степени стали цениться и покупаться не столько потребительские свойства вещей услуг, сколько их социальные символы: престиж, принадлежность к группе.

Наличие подобных противоречий не отменяет полезности и значимости применения количественных показателей и математических методов в экономической теории и практике. Любое экономическое действие тщательно просчитывается. Но одни количественные показатели не дают достоверной картины, а порой искажают ее, скрывают неблагополучие.

Рациональное - иррациональное

Управление деньгами требует от человека определенных личностных интеллектуальных и психологических качеств: расчетливости, осторожности, аналитического и стратегического

мышления, умения предвидеть риски. Все это сопряжено с понятием «рациональность», которое несводимо к логической упорядоченности мышления, но связано с целеполаганием, предвидением и умением достигать цели оптимальными по эффективности средствами. Это сопоставимо с определением экономики в «Экономикс» как такого экономического поведения, которое позволяет использовать ограниченные ресурсы с наибольшей эффективностью. Нельзя не согласиться с тем, что развитие денег и денежных отношений шло параллельно и взаимодополняемо с общей интеллектуализацией и рационализацией общества. Известный афоризм «деньги любят счет» в реальном жизненном содержании несводим к умению определять количество банкнот, он указывает на то, что денежные отношения формируют особое поле социальных связей, свободное от лично-психологических обязательств (симпатий, антипатий, дружбы, семейных отношений). На этом поле каждый выступает в роли партнера и должен выполнять обязательства другого рода: финансовой порядочности и ответственности. В социальном плане эти регулятивы обеспечивают надежность и долговременность экономических отношений.

Деньги – динамичная, постоянно движущаяся субстанция. Деловые люди руководствуются принципом «деньги должны работать», подчеркивая их обслуживающую роль и бессмысленность денежного накопления. «Алчность к деньгам, – писал Г. Форд в книге «Моя жизнь, мои достижения», – важнейшее средство – не добиться денег. Но если служить ради самого служения, ради удовольствия, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в кубышке». Тем не менее в реальной жизни каждый человек склонен к сбережению, накоплению, которые могут быть вызваны разными жизненными обстоятельствами (осуществить какую-либо важную для человека цель – построить дом, совершить путешествие, обеспечить благосостояние в старости и т. д.).

Влияет на эти процессы и неустойчивость банковской системы, возможность финансовых кризисов. Деньги изымаются из банков, перестают работать в экономике, из средства платежа переходят в накопления, становятся денежным сокровищем, которое склонно к обесцениванию. Но и в повседневной стабильной жизненной ситуации люди, хотя и в разной степени, трудно расстаются с деньгами в силу

их способности создавать иллюзию возможности обладания всем в этом мире. Любая сумма денег (даже незначительная) обладает способностью реализоваться во множестве земных благ (то, что ранее было определено как их качественная безграничность). Человек как бы уже обладает этими вещами в уме и отдает себе отчет в том, что, обменяв деньги на какую-то реальную вещь, он теряет возможность обладания множеством других вещей. Эта связь создает психологическую зависимость от возможности обладания: он отказывается от реального ограниченного обладания в угоду ирреальному безграничному. Этот психологический мотив может стать стимулом бессмысленного, а значит, нерационального накопления.

Денежное поведение

Помимо понятия «денежные отношения», которое используется в экономической теории и определено через четыре функции (как мера стоимости, средство накопления, средство платежа, средство обращения), следует ввести понятие «денежное поведение», имеющее социологический статус и включающее более широкий комплекс мотивов, стимулов приобретения денег и их использования. С начала 1990-х годов Россия переживает колоссальные социальные, нравственные, культурные трансформации. В сознание народа настойчиво внедряется культ денег, создается иллюзия, что демонстрируемое богатство дается лучшим; поэтому социальное расслоение закономерно. Когда же иллюзия получения богатства законными и нравственно достойными средствами рассеивается, возникает соблазн получить его любым путем, ведь «деньги не пахнут». Тем более, что в начале 90-х годов произошла социальная легитимизация нетрудовых доходов: в результате быстрой приватизации небольшой слой людей (сначала 2–3 %, а затем до 10 % населения) стали собственниками 90 % национального богатства России. Тем самым обществу был дан сигнал: «обогащайтесь, как можете». Помимо получивших размах действий антизаконного обогащения – бандитизм, воровство, мошенничество и т. д., возникли ничего не производящие, но сконцентрировавшие большую массу денежных средств сферы деятельности: игровой, шоу-бизнес, рекламная, посредническая деятельность. Произошло всеобщее «оденежение сознания». Если западный капитализм в своем экономическом развитии на стадии строительства индустриальной цивилизации,

породил «экономического человека» (*homo faber* – «человека работающего»), то современный западный мир и следующая за ним Россия возвеличили «человека денежного» (*homo monetary*) и «человека развлекающегося» (*homo ludens*). Денежное богатство вышло из тени, им стали кичиться, его стали демонстрировать (особенно в России). Возникли зоны «демонстративного поведения»: Рублевка, Куршевель, Лазурный берег и т. д. Подобный образ жизни усердно пропагандируют СМИ. Он распространяется и на менее обеспеченные слои населения, свой «денежный реванш» в виде взяток, «откатов» берут чиновники, судьи, полиция и др. Казалось бы, ничего особенного не происходит: сверхприбыли одних лишь частично переходят в руки других. Но происходящее несводимо к частным экономическим потерям: по опубликованным в СМИ сведениям, только через оффшоры в 2008 году из России ушла сумма, равная 2/3 годового российского бюджета; экономисты называют разную (от 20–40 %) цифру средств, ушедших в «теневой оборот» [1]. В обществе растет недоверие к власти, к ее способности и желанию устранить или хотя бы снизить (через изменение законодательства, реальный контроль) объективные причины социального расслоения, дестабилизации и иррационального поведения: игнорирование законов, стремление к роскоши, почитание денег как главного символа значимости и успеха, вовлечение людей в бесконечную потребительскую гонку, потери иных жизненных ориентиров и обесмысливание самой жизни. В обществе появилась большая группа людей, не вовлеченных в повседневный труд и подчинивших свою жизнь цели быстрого обогащения, вновь оживился как социальный тип «игрок». Актуализировался вопрос: в какой мере человек способен справиться с объективными обстоятельствами? Есть ли у него психологическая защита от власти денег, может ли он разумно управлять этой субстанцией?

По мнению автора, в денежном поведении по-разному проявляют себя несколько психологических типов.

«Скупец» – персонаж многих классических литературных произведений. Гобсек – у О. Бальзака, «скупой рыцарь» – у А. Пушкина, Плюшкин, Коробочка – у Н. Гоголя. Поведение этого психологического типа укладывается в правило: «деньги – сокровище, их надо оберегать». Скупец – слуга этого сокровища, он ценит «во-

ображаемое потребление», которое неиссякаемо и безгранично, он в мыслях «обладает всем» и «властвует над всеми», что доставляет ему наслаждение, может быть, более сильное, чем реальное обладание. Такое обладание не разочаровывает. Он рисует в своей голове множество возможных предметных удовольствий и ни одну из этих возможностей не хочет потерять.

«Игрок» – сложная и трагическая фигура: игроки теряют большие состояния, связи с близкими людьми, порой с жизнью ради острого ощущения новизны, перехода из одного качественного состояния в другое. Им дорог *миг* – «не было ни гроша, да вдруг – алтын», если даже результат – «все имел – все потерял». Они постоянно испытывают состояние риска, ощущение непредсказуемости, они готовы рисковать вновь и вновь. Они обладают эмоциональной, неустойчивой психикой, слабой саморегуляцией воли, не способны к самоограничению.

«Транжира – гедонист» живет сегодняшним днем, ему доступна многообразная гамма наслаждений, ибо он способен устанавливать индивидуальный личностный контакт с миром вещей. Обладанию вещами он придает дополнительную значимость, как бы «одухотворяет мир вещей», через него демонстрирует себя окружающему миру. Он замещает несостоявшиеся человеческие отношения предметным обладанием. Мир для него – супермаркет, а деньги – лишь средство, он легко расстается с ними. Казалось бы, он преодолел денежную зависимость, деньги не властвуют над ним; но попал в другую – зависимость от мира предметного (без постоянного изменения среды обитания он теряет ощущение жизни).

«Стратег» – скорее планирует расходы, чем их осуществляет, находится в плену «воображаемого потребления» (этим похож на «скупца»). Такое отношение к деньгам свойственно людям неуверенным, они надеются обрести и сохранить стабильное существование, и деньги – средство для ощущения стабильности. Такая установка не позволяет им быстро реагировать на возможные риски: если даже они их предвидят, то не умеют управлять ситуацией. Стремление сохранить

«статус-кво» часто приносит им финансовые потери, которые крайне травмируют их.

«Доброхоты» – люди, способные легко давать в долг, заниматься благотворительностью не потому, что они не ценят деньги. Совершая подобные поступки, они «возвышаются в своих глазах», обретают собственную значимость, надеются, что и другие это заметят и оценят. Для них важны знаки благодарности и признательности.

«Прожектеры» – видят в деньгах самостоятельную значимость и способность самовоспроизводиться, тем более что подобные иллюзии активно поддерживаются современной рекламой. Они способны ввязываться в сомнительные финансовые проекты типа денежных пирамид, их толкает к этому надежда быстро и легко заработать, они не особенно рефлексировать по этому поводу и всякий раз обескураженно заявляют: «опять обманули».

Общество потребления породило еще и психотип «кредитоман» – человек, живущий в долг, желающий «получить все и сейчас», если даже его реальные финансовые возможности не совпадают с его желаниями.

Каждый из нас узнает себя в каком-то из перечисленных психотипов. Но даже осознавая возможные социальные риски, мы с трудом преодолеваем в себе склонность к преобладающей потребительской модели. Потому что наше отношение к деньгам формируется под влиянием внутренних побуждений (преобладающего типа потребностей, склонности к рефлексии, самооценке, самоуправлению, силы воли) и внешних факторов (социального статуса, финансовых возможностей, культурных традиций общества), которыми мы не в силах управлять в достаточной степени. Но надо пытаться это делать. С этой целью человечество и не оставляет своего вечного стремления – проникнуть в тайную магию денег.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Костиков, В. Сапоги Саввы Морозова. Где бизнес с человеческим лицом? / В. Костиков // АиФ. – 2010. – № 5. – С. 6.

УДК 111
ББК Ю21

А. Н. Гулевский, Н. А. Гулевская***

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЙНЫ

*Волгоградская академия МВД России

**Волгоградский государственный технический университет

E-mail: gulewski@rumbler.ru

В статье предпринята попытка пересмотреть парадигму о том, что война – есть продолжение политики иными средствами. Основания войны заложены глубоко в истории, в момент, когда человек возвысил себя над природой. С этого момента существование человека характеризуется как вечная борьба, основанная на вере в свою силу.

Ключевые слова: война, политика, справедливость, сила, различие, дисгармония, творчество, борьба.

A. N. Gulevsky, H. A. Gulevskaya***

THE ONTOLOGIC BASES OF WAR

*Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

**Volgograd State Technical University

*War, as well as love, will always find
To itself road ... What for to it to stop?*

In article attempt to reconsider a paradigm that war – is policy continuation by other means is undertaken. The war bases are put deeply in the history, during the moment when the person has ennobled itself over the nature. From this point on existence of the person is characterized as the eternal struggle based on belief in the force.

Keywords: war, a policy, justice, force, distinction, disharmony, creativity, struggle.

*Война, как и любовь, всегда найдет
себе дорогу... Зачем же ей прекращаться?*

Проводя философский анализ природы и сущности войны, необходимо определить ее онтологические основания, выяснить, что есть война, определив ее характеристики.

Следует начать философский анализ войны с тезиса о том, что война представляет собой инструмент политики, которая является основанием войны. Такое понимание войны встречается у К. Клаузевица в его трактате «О войне», где он утверждает: «Война – не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [1, с. 12]. Для философии подобное утверждение не является достаточно обоснованным. Во-первых, остается неясным, почему политики прибегают к такому средству, как война; во-вторых, как быть с теми многочисленными войнами, которые возникали вопреки или вне политики. Известный теоретик войны М. Кревельд в своей работе «Трансформация войны» доказывает неочевидность идеи о том, что война – слуга политики. Подобное осмысление ясно характеризует природу войны эпохи Нового времени, но не может претендовать на универсальность в контексте всего исторического процесса. Военное командование не всегда подчиняется поли-

тикам или политическим соображениям. Война не всегда ведется исключительно по политическим мотивам. Политика не всегда является критерием суждений об итогах войны или ее подготовке. М. Кревельд утверждает, что мысль о войне исключительно как о проблеме использования силы в политике могла быть рассмотрена в античности или в эпоху средних веков как «отвратительная, циничная и преступная» [2, с. 192]. Именно в Новое время между понятиями «сила» и «справедливость» образовался разрыв. А обусловлен он был утратой религией своих главенствующих позиций в обществе и появлением светской гуманистической идеологии со свойственным ей атеизмом. Впервые мысль о том, что война – это инструмент власти в руках государя заявил Николо Макиавелли. В своем произведении «Государь» он утверждает, что государь может добиться могущества умением или силой. Для того, чтобы добиться власти, необходимы смелые и решительные действия, порой предательство, вероломство, жестокость. «Жестокость хороша в тех случаях – если позволительно дурное назвать хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности», – заявляет Николо Макиавелли [3, с. 35]. В средние века воен-

ную силу необходимо было использовать только по справедливости а, не из корыстного интереса. Справедливые намерения – это стремление отомстить за оскорбление, возместить нанесенный ущерб. Размер возмещенного ущерба должен соответствовать ущербу нанесенному. Таким образом, война могла быть оправдана только как справедливая война. Такая война есть наказание, а не хищничество. Средневековый рыцарь должен был воевать лишь за правое дело. Он должен был сражаться за Бога, веру, за слабых и обиженных, а не по вероломному приказу политиков. Подобные предписания, конечно, далеко не всегда соблюдались в реальности, но нельзя сказать, что они не имели авторитета. В отличие от войн эпохи Нового времени, в которых принимали участие народные массы, в эпоху средних веков конфликты представителей высшего сословия часто разрешались индивидуально посредством дуэлей, что предотвращало кровопролитие среди христиан. Можно ли представить себе, чтобы современные политики, вызвали друг друга на поединок, не привлекая к этому свои народы?

Война может быть орудием справедливости, но может быть также и орудием религии. Религиозные войны могли вестись против народов, отмеченных Богом как его враги, или велись ради какой либо священной цели, например, завоевание священной израильской земли с целью обратить население в свою веру. Религиозная война между Израилем и Палестиной ведется и в современности, между тем известно, что на священной земле нет ни залежей золота, ни других полезных ископаемых, которые могли бы быть латентной целью политиков. Право объявлять религиозную войну принадлежит религиозным, а не светским властям. На время некоторых священных войн даже запрещалось занимать дома врага, они должны были быть разрушены до основания. Религиозные войны всегда были на порядок более жестокими, чем войны, вводимые светскими политическими властями. Пленных в религиозной войне брали для принесения их в жертву Богом. Религиозные фанатики сражались самоотверженно и беспощадно к врагам. В 1099 году крестоносцы захватили Иерусалим, убивая стариков, женщин и детей мусульман до тех пор, пока улицы не были залиты кровью.

Католики даже учредили ряд воинских орденов, совмещая идеал монаха и воина. В Древнем Китае монахи монастыря Шаолинь также

совмещали путь веры и путь воина и считались лучшими мастерами воинского искусства в стране. В настоящее время идея религиозной войны находит свое продолжение в религиозном экстремизме, в борьбе с которым трудно найти нужные средства, понимая его лишь как расчетливую политику в целях наживы.

Еще одним примером того, что война не является только средством политики, служит война за выживание. Находясь между жизнью и смертью под угрозой полного уничтожения населения и культуры, народы ведут борьбу не за политические цели, не по воле политиков, а просто, чтобы выжить, защитить себя и свои семьи. Такая война становится не инструментом политики, а сливается с политикой, и, по сути, становится единственной политикой государства. Каким бы не было широким значение термина «политика», оно не тождественно любому виду властных отношений в обществе любого типа. Политика связана с государственной властью. Там где нет государства, происходит слияние политики с другими факторами.

Итак, политика как основание войны является недостаточным. Чтобы попытаться выявить онтологическое основание войны, необходимо выявить те субстанциональные основы, без которых война как явление невозможна. Для ведения любой деятельности, тем более военной человеку, необходимы силы, умственная и физическая энергия. Являясь биосоциальным существом, человек потребляет, аккумулирует и тратит энергию. Это свойство человеческого существа, как любого биологического организма, вынуждает его действовать в целях поиска необходимой для существования энергии. Аккумулированная энергия дает человеку на короткое время силу, которую необходимо тратить на приобретение новой энергии. В отличие от других живых существ человек наделен силой разума, способной к инновационным, творческим решениям сложившихся проблем. Итак, человек наделен творческими способностями, которые позволили ему выйти за его природные запреты, в том числе за пределы своих биосфер. Сила разума позволила человеку противопоставить себя природе, относиться к установлениям природы критически. Если на ранних этапах истории человек почитает природу, что видно на примере политеизма, то с возникновением монотеизма статус природы падает, сужаясь до идеи единого Бога, напоминающего могущественную личность. С этого

времени Бог становится предметом зависти человека, стремящегося быть подобным Богу, а затем и превзойти его. Новое мировоззрение сформировалось в результате переосмысления человеком своего места в этом мире. Появление такого мировоззрения связано с тем, что человек стал выделять себя из природы и противопоставлять свое бытие окружающему миру. Он начал смотреть на мир как на предмет, то есть то, что противостоит и может быть объектом угрозы [4, с. 124].

Таким образом, в основе существования человека лежит сила. Умственная сила человека превышает силу физическую. Соединяясь в общество, люди увеличивают свою силу и направляют ее для еще большего увеличения. Сила не есть нечто данное, как просто предмет, она воспринимается лишь в проявлении с другой силой. Бытие человека представляет собой постоянную борьбу с применением умственных и физических сил. Сила не является ни насилием, ни властью. Однако власть и насилие не могут существовать без силы.

Человеческое бытие изначально характеризуется конфликтом. Сущность конфликта в том, что человек выделил себя из природы и противопоставил свое социальное бытие окружающему природному миру. Возникающая дисгармония, ощущение своей отличности и одиночества задает условия для преодоления дисгармонии. Человек использует свои творческие силы для преодоления дисгармонии. Побеждая природу и расширяя границы социального мира, человек стремится победить природное социальным, но он не может полностью уйти от природы, так как она часть его самого, человек связан с ней своей телесной оболочкой.

В обществе человек борется с дисгармонией по трем основным направлениям в отношении: дисгармонии внутри себя, дисгармонии с космосом, дисгармонии с другим человеком. По всем трем направлениям человек ведет деятельность с применением творчества. Внутренняя дисгармония связана с противоречием жизни и смерти. Человек – живое существо, но он обречен на смерть и испытывает страх, который мешает быть ему свободным и счастливым. Человек желает быть сильным, но видит в себе множество противоречий, слабостей и стремится их побороть. Дисгармония с космосом проявляется в том, что он бесконечен и человек не может им обладать полностью; характеризуется неопределенностью, таит множество

опасностей (стихии, эпидемии, дикие хищные животные) и существует вечно в отличие от смертного человека. Дисгармония противоречия человека с человеком возникает по многим причинам. «Другой» имеет двойное значение: с одной стороны, он может быть близким, но с другой – эта близость никогда не доходит до полного тождества, что делает человека одиноким, лишенным опоры. «Другой» навсегда остается отличным. Это выражается в различиях в культуре, степени богатства, расе, половой принадлежности, сословию, политической принадлежности и другим основаниям. Преодоление дисгармонии человека с человеком может привести как к дружбе и любви (эросу), так и к конфликту, раздору, если силе одного человека противостоит сила другого человека. Сила, направленная на преодоление другой силы, становится насилием. Противостояние многих умственных и физических сил может привести к борьбе и к такой форме борьбы, как война. Вооруженная борьба или война представляет социальное явление. Чем чаще контактируют современные сообщества людей, тем чаще они видят друг в друге соперников, пока они не объединены в одно общество. Целью войны является преодоление дисгармонии и установление гармонии, мира, в котором должно исчезнуть различие. Однако рано или поздно социальная дисгармония сил в обществе вновь приводит к конфликтам, снова зреет война, нарастают противоречия.

Итак, подводя итоги, можно выделить несколько тезисов:

1. Онтологическое основание войны следует искать в категориях «сила», «различие», «дисгармония», «борьба». Человек наделен силой и стремится прийти к единству, согласно путем преодоления различия. Преодолевая различия и приходя к единству, человек прибавляет свои силы. Для этого человек преобразует мир. Он создает государства и союзы государств, ведя войну с несогласными. Человек стремится покорить мир, объединив его под своим началом. Для своего существования война нуждается в силах, без которых, как без горючего, она иссякает. «Отсутствие силы – это нехватка жизни», – утверждал греческий философ Гераклит. Война – есть модификация силы. Сила – это категория, которая не может существовать автономно, мы воспринимаем ее лишь в проявлении. Сила нуждается в противнике, на которого она направлена, и в другой силе, силе

противодействия. Обладая силой, человек обречен на деятельность, так как обязан применить свою силу для получения новой силы. Общество – это поле различных сил, борющихся между собой за устранение различий и установление гармонии. Что касается политики, религии, выживания или борьбы за справедливость, то эти основы появления конфликтов – следствие наличия более глубоких бытийных основ человеческой жизни, указанных выше.

2. Война – социальное явление. Общество представляет соединение сил многих людей, что делает потенциально возможной войну. Одиночка, оторванный от общества, не может воевать, у него нет достаточных сил для ведения войны. Его силы расходуются на выживание в природной реальности. Различия людей проявляются по-настоящему лишь в обществе, в сравнении себя с «Другим» близким или дальним соседом. Общественные противоречия проявляются как внутри самого общества, так и в отношениях с другими обществами. Причинами войн являются как противоречия внутри обществ, связанные с различиями между членами общества и последующей дисгармонией, так и наличие противоречий между соседними сообществами, особенно имеющими общие границы, так как степень различия между их членами выше, чем между членами своего общества.

3. Война – это один из видов творческой социальной деятельности человека, связанный с применением вооруженного насилия и направленный на преобразование социума, посредством преодоления дисгармонии. Война – часть творческой деятельности, присущей человеку, связанной с попыткой устранить различия в общественной жизни. Уникальность вой-

ны в том, что она самый творческий вид деятельности. Война требует от человека неограниченной отдачи всех способностей человека. Воюя, человек ведет борьбу с оппонентом, который потенциально также силен, как и сам человек. На войне, в отличие от иной деятельности человека, действует парадоксальная логика. В отношении неразумных объектов любое успешное действие при неменяющихся обстоятельствах будет успешным и в следующий раз. Разумное существо быстро обучается и делает правильные выводы, поэтому простое повторение успешного в прошлом маневра почти наверняка потерпит неудачу. Таким образом, на войне человеку приходится действовать творчески, предпринимать неожиданные парадоксальные решения, искать инновационные решения проблемы, находясь между жизнью и смертью. Иными словами, на войне встречаются два разумных, творческих существа, и побеждает тот, чей подход будет более инновационным, чьи действия будут более оригинальными и потому эффективными. В войне человек преодолевает себя, природные препятствия и, наконец, другого человека. От того, как успешно человек справится с этими задачами, зависит успех войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. – М., 2007. – 425 с.
2. Кревельд, М. ван. Трансформация войны / М. ван Кревельд. – М., 2005. – 344 с.
3. Макьявелли, Н. Государь: сб. / Н. Макьявелли; пер. с итал. Г. Д. Муравьевой, М. А. Юсима. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 461 с.
4. Гулевский, А. Н. Философский анализ сущности и природы войны / А. Н. Гулевский, Н. А. Гулевская // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2009. – № 4 (11). – С. 119–124.

УДК 141.132, 321.01
ББК 66.0, 87

*С. В. Димитрова**, *А. Н. Леонтьев***

ВЛАСТЬ ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОСТЬ ВЛАСТИ

***Камышинский технологический институт (филиал) ВолгГТУ**

****Волгоградский государственный технический университет**

E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru, leont@vstu.ru, leopr@rambler.ru

В статье представлен анализ современных властных отношений, в которых примитивные формы порабощения уступили место обезличенной универсальной форме господства, реализующей собственную цель. Основной функцией власти становится продуцирование типов деятельности и форм коммуникации, определяющих ориентиры, ценности жизни людей и обществ, что и выступает новой формой зависимости и порабощения.

Ключевые слова: власть, целерациональность, цель и результат действия, тоталитарность, одномерность.

S. V. Dimitrova, A. N. Leontyev

POWER OF GOAL-ORIENTED RATIONAL AND GOAL-ORIENTED RATIONAL OF POWER

***Kamyshin Technological Institute (affiliates) of**

Volgograd State Technical University,

****Volgograd State Technical University**

The article presents analysis of contemporary power relations, in which the primitive forms of slavery gave way to impersonal universal form of domination, which realizes its own purpose. The main function of power become the production of types and forms of communication determining orientations, values human life and societies, that acts as a new form of dependence and servitude.

Keywords: power, goal-oriented rational, goal and result of the action, totalitarian, one-dimensional.

Власть как способность и возможность оказывать определенное воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких-либо средств по сути своей направлена на достижение определенных целей. Хотя, безусловно, существуют и иные трактовки власти [1]. Содержательно власть может быть определена по тому, к каким целям стремятся люди, какие средства (систему ресурсов) используют для целереализации.

Господство в современном мире целерациональности, высокий уровень эффективности действий, масштабность воздействия человека на окружающую среду качественно изменили характер властных отношений. Примитивные формы порабощения одних людей другими в современном социуме уступают место обезличенной, универсальной форме господства. Власть перестает быть конкретной системой запретов и разрешений, основной функцией власти становится продуцирование типов деятельности и форм коммуникации, определяющих ориентиры, ценности жизни людей и обществ. «На самом деле, – пишет М. Фуко, – власть производит; она производит реальность; она производит область своих объектов, а также методы добывания истины относительно них» [2].

Сущность развития современных, рационально ориентированных видов социума, в которых проявление властных отношений заключается в воспроизводстве, продуцировании реальности, по мнению авторов, была гениально описана в учении Г. В. Ф. Гегеля «о хитрости разума». Разум, по гегелевскому учению, использует индивидов в качестве инструментов в своем поступательном развитии. Взаимодействие людей в условиях гражданского общества предполагает борьбу за собственные потребности и интересы, при этом людям совершенно неизвестно, что результатом их борьбы станут реализованные цели мирового разума.

Также ученый подчеркивает, что несоответствие личных целей и объективных результатов деятельности – это процесс закономерный и необходимый для поступательного развития мирового разума. Действия людей, побуждаемые интересами и страстями, для истории не самоценны. Осуществление различных действий и преследование бесконечного числа интересов складываются таким образом, что посредством них осуществляются основные тенденции развития мира.

Несоответствие целей и результатов человеческого действия создает ситуации, при которых люди, подчиняясь логике развития, действ-

вуют вопреки своим интересам, получая результаты прямо противоположные своим намерениям. У Г. В. Ф. Гегеля история иронизирует над попытками отдельных личностей добиться желаемого.

Драматизм ситуации заключается в том, что «... субстанция действия, а, следовательно, и действие вообще, обращается против того, кто совершил его; он становится по отношению к нему обратным ударом, который сокрушает его» [3, с. 27–28]. Человек может достичь своих целей, если последние совпадают с целями объективного развития, если цели отдельных личностей содержат в себе всеобщее. Конкретная личность приносится в жертву всеобщим интересам, становясь условием процветания абстрактного понятия «человечество»! При этом индивиду не только не предоставляется право самому решать, чем жертвовать и во имя чего, человеку не дано даже знать об истинных целях развития разума. Абсолют освобождает себя через познавательную, практическую и духовную деятельность людей. По существу, отдельная личность выступает средством, орудием при помощи которого абсолют стремится к собственным целям.

Разнообразные формы человеческой деятельности используются для реализации логики всемирного развития, выступающей внешней силой для индивида и человечества в целом. В современной реальности сложились условия, при которых внешняя логика выражает развитие не абсолютной идеи, а выступает в виде инструментального разума, господствующего в науке и неподвластного контролю человека. «Логическое, рациональное, будучи абсорбированной, поглощенной, отчужденной душой науки и техники, вышло из-под контроля человека и превратилось в господствующую и повелевающую ими силу, в демона современного человека. Специфически западная идея Ratio воплотилась в системе материальной и интеллектуальной культуры (экономике, технике, образе жизни, науке, искусстве). Свое полное развитие это нашло в индустриальном и постиндустриальном обществе, где возобладали технологическая рациональность, тождественность, инструментальность» [4, с. 59].

Таким образом, проявление власти выражается в воспроизводстве социумов, в которых господствует инструментальная рациональность. Особенность такого господства заключается в том, что стремления человека преодолеть

власть целерациональности обретают вид разрушения своей обеспеченной жизни, подрывая благополучие других людей. Успешно действующие люди (достигающие адекватного совпадения целей и результатов) сами создают условия, рабами которых потом становятся.

Последствия господства инструментального типа рациональности являлись и продолжают быть предметом изучения. Так, в работах теоретиков Франкфуртской школы говорилось о репрессивности цивилизации. Системность действия технологического аппарата производства и распределения приводит к тому, что он «определяет не только общественно необходимую деятельность, навыки и поведение, но и индивидуальные потребности и желания ... техника приводит к новым способам социального контроля и социальной сплоченности» [5, с. 261].

Репрессивность цивилизации заключается в том, что постоянное несоответствие потребления и производительности используется как принцип подчинения, связанный с необходимостью увеличивать рост производительности не только для удовлетворения потребностей, но и для формирования последних. Тем самым развитие производительности, совершенствование контроля осуществляется не для достижения целей, а для утверждения собственного существования. Контроль ради контроля!

В тоже время общество как интегрированное целое содержит внутри себя множество противоречий, последние не находят практического разрешения и подавляются мощными силами индустриальной цивилизации. Власть целерациональности проявляется в том, что устраняются не только силы, борющиеся с системой, а уничтожается сама способность к критике.

«Люди, умело манипулируемые и организованные, свободны» [5, с. 115]. Человек не может выступить против того, что способствует росту уровня жизни и предоставляет возможность удовлетворять потребности. Главная проблема заключается в том, что формируются и контролируются эти потребности не самим человеком, а общественными силами, внешними инстанциями. Осознать эту навязанность также невозможно, ибо утрачена критическая сила разума, «последний превращен в инструмент, который порождает все больше фактов, соответствующих данному образу жизни, индивид даже не способен осознать, что не существует

фактов, которые были бы не репрессивными» [5, с. 214].

Рационализация господства, специализация различных видов деятельности, система тотального контроля, выступающие условием для повышения производительности труда, необходимого для удовлетворения растущих потребностей людей, приводят к обезличиванию человека. Особенность проявления обезличенности в реализации властных отношений заключается в том, что, с одной стороны, возникает одномерное пространство, в котором все цели и стремления должны отражать содержание существующего «универсума языка и действия». Человек не может выступать как субъект свободного целеполагания, ведь он также ограничен и его цели уже заданы существующими условиями, подчинены созданным средствам. С другой стороны, обезличенность, усредненность, одномерность – это сущностные характеристики не только управляемых, но и правителей.

Представив продуцирование, производство реальности как базисную характеристику власти в современных высоко технологичных обществах, необходимо подчеркнуть, что закономерным следствием власти целерациональности является деперсонализация угнетения. Обезличенность, деперсонализация власти наиболее ярко проявляется в механизме делегирования полномочий, выступающего одной из распространенных форм управления в современных обществах. Как отмечал в своей статье П. Бурдые, представительство имеет «изначально круговой характер», поскольку существование любой социальной группы возможно при наличии делегатов, а делегирование существует благодаря наличию группы.

Существование группы обусловлено возможностью выразить свои интересы, поэтому сначала некоторые представители получают особые полномочия, делегируются. На следующей ступени развития группа, отдав свои полномочия, позволяет делегатам выдвигать цели, конструировать средства, определять дальнейшие стратегии.

Тем самым актам делегирования имманентно присущ факт узурпации. Представитель группы обладает непререкаемым авторитетом, которым наделяет его сама группа, делегату дается право применять насилие, диктовать цели любому из членов группы. Происходит манипулирование группой от имени самой этой

группы, ибо она наделила авторитетом и дала право осуществлять над ней насилие определенному представителю. Итогом данных рассуждений является убежденность в том, что интересы и цели группы не могут быть адекватно представлены, они всегда искажаются. Возникает вопрос: достигает ли сам представитель группы собственных целей? Являясь узурпатором групповых целей, способен ли он осуществлять сознательную, целеустремленную деятельность? Может быть, результат не будет соответствовать целям группы людей, интересы которых представляются, но сами представители способны достичь собственных целей?

П. Бурдые подчеркивает: «...легитимное лицемерие только потому и оказывается успешным, что узурпатор – не расчетливый циник, сознательно обманывающий народ, а человек, совершенно искренне принимающий себя за нечто другое, чем он есть» [6, с. 252]. Таким образом, обе стороны оказываются в одинаковом положении, выполняя навязанные им цели. Искажение целеполагания происходит даже в тех случаях, если доверенное лицо верит, что у него нет иных интересов кроме интересов своих доверителей. Такое искреннее служение интересам других не позволяет в полной мере реализовать свои интересы. Таким образом, делегируемые, равно как и делегаты, идут на компромиссные решения, минимизируют собственные стремления для того, чтобы иметь возможность хотя бы заявить о своих интересах. Появление единообразия мыслей и интересов, нивелирующих личностное начало, выступает условием для успешного достижения цели.

Власть осуществляет себя на достижении великих целей, отдаленные перспективы которых она собирается реализовать, принуждая остальных к тем или иным действиям. Напротив, логика взаимодействия целеформирования и целереализации заключается в том, что неизбежным является несовпадение цели и результата. Появление побочного продукта, непреднамеренного результата неизбежно ведет к необходимости его устранения, формируя тем самым новую цель, продиктованную не желаниями человека, а объективным положением дел. Следовательно, субъект оказывается вовлеченным в бесконечный процесс, переходя от одного действия к другому. Господство целерациональности заключается в том, что в процессе достижения частных целей формируется страте-

гия развития, однако нет лиц, стремящихся к данным перспективам. Таким образом, не человек идет к своей цели, а цель сама выбирает его. Деперсонализация угнетения, анонимность развития – это характерные черты власти целерациональности.

Рассматривая основные черты власти целерациональности, следует вернуться к концепции «дисциплинарной власти» М. Фуко. Он справедливо утверждает, что власть и сопротивление сосуществуют. Однако все формы сопротивления, существующие в целерациональных социумах, продуцированы самой властью. Особенность властных отношений заключается в том, что для них нет ничего внешнего. Власть нуждается в существовании сопротивления, создавая для индивида бесконечное количество вариантов выбора, создавая иллюзию свободы. Находясь в ситуации постоянного выбора и самостоятельно принимая бесконечное число решений, человек уверен в том, что контролирует ситуацию. Между тем разнообразные возможности неизбежно сводятся к некоей априорной форме видения, которую индивид застает как данность. Людям предлагается определенное число альтернатив, выйти за рамки которых у них нет возможности. «Наши свободы служат тому, чтобы скрывать и поддерживать нашу глубинную несвободу» [7, с. 8].

Еще одна форма зависимости в современном типе культуры – отсутствие у человека возможности артикулировать собственную несвободу. Бесконечная борьба и отстаивание всевозможных видов демократических свобод становятся надежной опорой рабства. «Единственный способ закреплять рабство – это свобода мысли», – замечает С. Жижек [7, с. 9].

Таким образом, сложившаяся система власти (власть целерациональности) имеет тоталитарный характер. Тоталитарность проявляется не в абсолютном подчинении правителю, государству, а в том, что власть проявляется «на таких уровнях и в таких формах, которые выходят за пределы государства и его аппарата». Власть деперсональна, она постоянно воспроизводится в различных социальных процессах, продуцируется в целерациональных формах и типах взаимодействия. «Власть вездесуща; не потому, что она охватывает все, но потому, что она исходит отовсюду» (Там же). «Власть – это не институт, не структура и даже не могущество, которым наделены некоторые: это название, которым обозначают сложную стратегическую ситуацию данного общества» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Леонтьева, Е. Ю.* Власть как удовольствие / Е. Ю. Леонтьева // Феномен удовольствия в культуре: Материалы международного форума, 6–9 апреля 2004 г. – СПб., 2004.
2. *Сокулер, З. А.* Концепция «дисциплинарной власти» М. Фуко / З. А. Сокулер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec-dejavu.net/p-2/Power_Foucault.html
3. *Гегель, Г. В. Ф.* Сочинения в 9 т. Т. 8. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 480 с.
4. Судьбы гегельянства: философия религия и политика прощаются с модерном. – М.: Республика, 2000. – 383 с.
5. *Маркузе, Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.
6. *Бурдьё, П.* Социология политики / П. Бурдьё. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
7. *Жижек, С.* Добро пожаловать в пустыню Реального! / С. Жижек. – М.: Фонд науч. исслед. Прагматика культуры, 2002. – 159 с.

УДК 101.1: 316
ББК 86.7

Н. Л. Виноградова, Ю. В. Артюхович

**СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО ВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: NVinogradova@yandex.ru, philos@vstu.ru

В статье рассматриваются принципы социальных отношений традиционного восточного общества, что представляется актуальным в плане осмысления России как страны, однозначно не принадлежащей ни Западу, ни Востоку. Кроме того, открытость современного мира выявляет насущную необходимость ближе знакомиться с восточным мировоззрением. В статье делается вывод, что традиционные социальные отношения восточного общества строятся на принципах диалога.

Ключевые слова: социальные отношения, Восток, Запад, диалог, традиционная культура, глобализация, традиция.

N. L. Vinogradova, J. V. Artjukhovich

SOCIAL RELATIONS: FEATURES OF TRADITIONAL EAST SOCIETY

Volgograd State Technical University

In article principles of social relations of traditional east society that is represented actual in respect of judgement of Russia, as the countries unequivocally not belonging neither to the West, nor the East are considered. Besides, the openness of the modern world reveals an absolute must more close to get acquainted with east outlook. In article the conclusion becomes that traditional social relations of east society are under construction on dialogue principles.

Keywords: social relations, the East, the West, the dialogue, traditional culture, globalization, tradition.

Социальные отношения в российской действительности нельзя свести ни к западным, ни к восточным, и в то же время можно найти проявления и тех, и других. Предполагая понять истоки российского мировоззрения, представляется целесообразным рассмотреть принципы формирования социальных отношений ее ближайших соседей – восточных стран.

Необходимо обратиться к традиционным философским корням восточной ментальности, которая наиболее ярко может продемонстрировать особенности социальных отношений восточного общества. Следует согласиться с китайским исследователем Ху Ши, который считал, что именно «особенности», но никак не «различия» составляют мировоззренческую основу разных цивилизаций.

Непреходящие, общечеловеческие ценности Востока едины по духу с западными, религиозные доктрины, сохраняя самобытность, повествуют практически об одном и том же. Различные аспекты социально-философской доктрины Востока рассматриваются в трудах русских классиков Н. Бердяева, Н. Я. Данилевского и современными учеными М. Т. Степанянц, Н. С. Кирабаевой, В. Г. Бурова, Е. В. Листвиной, Г. С. Табатадзе и других отечественных философов.

Несомненно, восточная и западная культурные традиции имеют особенности в представ-

лениях о мировом и социальном пространстве. Коротко эти особенности могут быть охарактеризованы как эстетические и метафизические, поскольку последние – это лишь одно из социальных выражений иной культуры, мироощущения и миропорядка в целом. Для анализа социальных отношений необходимо обратиться к восточной социально-исторической традиции отображения реальности.

К особенностям традиционных восточных обществ, как правило, относят: неразделенность собственности и административной власти, экономическое и политическое господство бюрократии, отсутствие гарантий частной собственности и прав граждан. Традиционный Восток характеризуется изучением этико-философских трактатов, привязанностью к традиции, ритуалу, обычаю и авторитету учителя, толкователя книги, учения. Наука на Востоке остается в рамках технологически predetermined деятельности. Восточные ученые не стремятся к постижению логического мышления, доказательства; нет потребности в строгой формализации знания и в понятийном аппарате. Поэтому все восточные системы знания воспринимаются европейцами как донаучные [5]. Консерватизм способов деятельности и медленные темпы эволюции отличают традиционную восточную цивилизацию от западной. Все

это предопределило своеобразие социальных отношений традиционного Востока.

По мнению авторов, наиболее существенные особенности социальных отношений: во-первых, диалогичность имманентно присущая мировоззрению, в постоянном диалоге находится все сущее, и это есть модель целого; во-вторых, отношения между субъектами строятся по типу семейно-родственных; в-третьих, приоритет в социальных отношениях играет гармония, реализуемая в ритуалах и обрядах [1].

Выделяя особенности социальных отношений в традиции восточного социального пространства, можно сказать, что одной из наиболее существенных сторон является приоритет дихотомичности отношений как сущностная черта всей традиционной культуры. Соответственно, диалог и диалогичность представляют собой одно из центральных явлений социальных отношений, это есть единство, модель самого целого, внутреннее свойство бытия (инь – янь, тьма – свет, мужское – женское и т. д.) восточного социума. «Единое ци пронизывает все, поэтому мудрый ценит Единое», – говорит даосский мудрец Чжуан-цзы [4, с. 264].

Согласно восточным учениям, необходимо опираться не на волю человека, а на волю Вселенной, что на буддийско-даосском Востоке называют Срединным Путем. Срединность становится одним из основных принципов мировоззрения традиционного восточного человека и социума, которым надлежит не отклоняться ни вправо, ни влево, поскольку надо держаться середины. В древнем трактате «Постоянство в середине» сказано, что крайности ведут к гибели [4, с. 315]. Данное положение наглядно демонстрируется на отношении ко времени, когда отстает идея не уничтожения прошлого ради будущего, а в будущем необходимо хранить память о прошлом, то есть придерживаться некоторой середины между прошлым и будущим в настоящем – и это будет основой.

Одним из постулатов основы является принцип недвойственности, непротиворечивости, непротивопоставления одного другому, ибо в своей сущности все Едино. Понятие «противоположность» не характерно для Востока. Наглядно данный тезис подтверждают слова восточного мудреца: «Нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего... Одно во всем, и все в одном» [4, с. 10]. Все это позволяет говорить о недуральной модели мира, которая обусловила соответствующий тип мышления, ло-

гики, культуры, психологии, организации социального бытия.

Однако в восточном мировоззрении принцип недвойственности и непротиворечивости нельзя трактовать как стремление к единообразию и к подобию. Согласно древним трактатам, гармонию можно достичь только во взаимодействии нетождественных сущностей. Именно этому принципу отвечает диалог и диалогическое социальное отношение.

Согласно восточной традиции миропорядка, гармония выражена в единстве нетождественных инь и ян. Во взаимодействии инь и ян высвечена квинтэссенция идеи о том, что противоположности дополняют друг друга. Можно сказать, что диалогический принцип заложен в основании восточной модели социальных отношений. Это есть модель целого или, по мнению авторов, модель социальных отношений на Востоке.

Итак, социальные отношения Востока исходят из изначальной диалогичности всего сущего и, следовательно, возможна лишь гармонизация этого диалога, придание ему большей эстетической ценности и значительного упорядочивания. Однако, исходя из восточного миропонимания, упорядочивать, не разрушая, возможно только внутреннюю сущность явления, вещи, личности. Социальное отношение имеет своей направленностью внешние проявления, которые описаны в виде ритуалов, обрядов и предписаний социальной жизни человека, что позволяет относиться к ежедневным отношениям как к некоторой не подвергаемой сомнению данности. Диалогичность может быть направлена внутрь социальной группы, например, семьи, общины, селения и тому подобное, вплоть до государства в целом. Данное положение продемонстрировано в обычае социальных отношений, которые представлены «колесом», которые расходятся кругами.

В восточной философии социальные отношения построены по принципу родственных, что определяет специфику социального бытия, которая наиболее ярко выражена в отношении семьи как внутренней группы. Семья имеет границы и сфокусирована в центр. Понятие становится все более расплывчатым по мере того, как она растягивается диахронически, в направлении чье-либо происхождения, и синхронически как общество, полное дядюшек и тетушек. Это выражено термином «лунь», «колесом», обычаем социальных отношений, которые расходятся кругами и «полем беседы». Личность оказывается вписан-

ной во множественные личностные отношения посредством разнообразных по ролям социальных взаимодействий, что в совокупности определяет социальное бытие.

И. А. Гобозов, поясняя разницу в правовых отношениях Востока и Запада, пишет: «Восточный человек, даже в развитых капиталистических странах, имеет другие представления о своих правах. Он уважает традиции и обычаи предков, прислушивается к голосу старших, особенно родителей. На Востоке радиус родственных связей намного шире, чем на Западе. В восточных странах сильны традиции патернализма» [2, с. 20].

Отношения семьи и общества построены на отношениях обычая – это объединение вокруг возникающего авторитета, который характеризуется как центростремительный центр. Шэ-хуэй (термин для обозначения общества) в буквальном смысле создает образ «почтительного собрания вокруг священного места, воздвигнутого в центре селения». Это начинается с родовых табличек, которые характеризуют каждую семью в сообществе. Здесь надо особо пояснить, что центростремительный центр характерен для структуры, центр которой находится в постоянном перемещении. «Такая общественная жизнь, базирующаяся на селении, имела своим религиозным центром алтарь, где находилось местное божество. Таким же образом существовал алтарь для сообщества страны, и каждое княжество, каждая область имели свой собственный алтарь» [3, с. 96]. Семья как восточная модель социальных отношений – вариант центростремительной, диалогической гармонии.

Еще одной характерной особенностью социальных отношений на Востоке является предзаданность многих отношений ритуалом. Ритуал на Древнем Востоке выступает важной формой интеракции. Действия ритуала-взаимодействия строго предписаны каждому из участвующих и описаны в священных книгах. Один из исследователей древневосточных рукописей считает, что литература Древнего Востока не знает графомании. Все ее произведения строго функциональны, и функциональность эта отражается в песнях. Дошедшие до нас гимны в большинстве своем являются хвалебными песнями, посвященными определенному божеству и его храму, некоторые предназначены для прославления обожествленной царской власти. Каждый такой гимн возникает как литературная обработка определенного ритуала, имеющего привязку к календарному празднику.

Таким образом, в социальном бытии традиционного восточного типа референтными являются отношения гармонии; преобладает неярко выраженная конкуренция; Восток ориентируется на высокую степень стабильности и гарантированности должности, отношение к совместным действиям направлено на выполнение предписанных обязанностей; в процессе выработки стратегии единых действий характерно движение снизу вверх; делегирование власти непопулярно; отношения в совместной деятельности, с подчиненными в том числе, мыслятся как семейные (отеческая забота, длительные связи).

Иными словами, традиционное социальное бытие восточной мегацивилизации основывалось на семейственности, традиции, обычае, предписании внешнего ритуального поведения в отношениях субъектов. Диалогические отношения являются неотъемлемой, сущностной чертой социальных отношений Востока. Диалог выступает как модель целого или как сама целостность, наглядным примером которой принято считать единство инь-ян. Эти основания социальных отношений выступают в роли матриц, формирующих традиционный восточный тип цивилизации.

В настоящее время, говоря о своеобразии западной и восточной цивилизации, необходимо подчеркнуть тенденции вестернизации Востока на основе модернизации. Современный мир, принявший за образец путь развития Запада, превращает весь мир в арену активной деятельности человека. Однако традиции не так просто изменить, социальные отношения в восточных обществах нельзя приравнивать к отношениям западным. Для сохранения мира и добрососедских отношений между Россией и восточными странами необходимо глубже узнать мировоззренческие основания социальных отношений в восточных обществах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградова, Н. Л.* Межкультурное взаимодействие и диалогичность как факторы становления славянской цивилизации / Н. Л. Виноградова, В. В. Макаров // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 3. – С. 42–46.
2. *Гобозов, И. А.* Глобализация и «этическая политика» / И. А. Гобозов // Философия и общество. – 2004. – № 3. – С. 5–23.
3. *Григорьева, Т. П.* Синергетика и Восток / Т. П. Григорьева // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 90–102.
4. *И-Цзин.* Древнекитайская «Книга Перемен» / И-Цзин. – М.: Эксмо, 2003. – 559 с.
5. *Тельнова, Н. А.* Целостность человека: специфика модальности и способы измерения / Н. А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. – Волгоград, 2005. – № 4. – С. 73–79.

УДК 128
ББК 87.21

Е. А. Кленина

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: klenina.el@yandex.ru

В статье рассматривается проблема соотношения жизни и смерти как показатель ценностно-смысловых приоритетов человеческого существования. Жизнь и смерть входят в человеческое бытие не только как принципиальные и неповторимые ценности, но и как опорные точки отсчета всех ценностей. Осознание ценностно-смыслового единства жизни и смерти выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни.

Ключевые слова: жизнь, смерть, ценностно-смысловые аспекты, диалектическое единство, осознание смертности.

E. A. Klenina

DIALECTICAL UNITY OF VALUE-SEMANTIC ASPECTS OF LIFE AND DEATH

Volgograd State Technical University

The paper considers the problem of the relation of life and death as an indicator of value and meaning of human existence priorities. Life and death are a human being not only a fundamental and unique values, but also as a reference, starting point for all values. Awareness of the value-semantic unity of life and death serves orienting and projecting the beginning of human life.

Keywords: life, death, value-semantic aspects, awareness of mortality.

Необходимо заметить, что для понимания многих явлений важно изучить то, что их ограничивает. Соглашаясь с утверждением И. Канта, можно говорить: пространство и время, причина и следствие, и многие другие категории – это трансцендентальные категории, которые ограничивают человеческий опыт, но в то же время делают его возможным. В связи с этим автор рассматривает смерть как трансцендентальную (предельную) категорию по отношению к категории «жизнь». Уникальность смерти – в ее пограничности, и соответственно, в ее гносеологической неопределенности. Осознание смерти предстает как осознание жизни, взятой в ее предельном проявлении. Это оказывается возможным благодаря тому, что человеческое существование – это единство жизни и смерти, это целостность. Вот почему познавательное движение здесь возможно только через герменевтический круг: от частей, элементов структуры к пониманию целого, и наоборот. Именно при таком подходе актуализируются вопросы диалектики структурных частей целого.

Характерно, что человеческое поведение, его поступки связаны с отношением не только к бытию, но и к его ценности (не случайно в философской традиции бытие наделяется ценностным измерением). Такова, по существу,

исходная стратегия человеческой экзистенции. Поэтому когда характеризуется человеческое существование как «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер), тогда встает вопрос о правомерности наделяния ценностно-смысловым содержанием жизни в перспективе смерти и смерти, нивелирующей жизнь. В связи с этим вектор рассуждений будет сфокусирован на следующем положении: нельзя удовлетворительным образом рассматривать вопрос о смысле и ценности жизни без осознания человеком своей смертности. Осознание смерти есть предпосылка понимания смысла и ценности жизни. Иначе говоря, комплекс смысложизненных вопросов является ценностной квинтэссенцией проблемы соотношения жизни и смерти.

Жизнь как пространственно-временное существование и развитие человека предполагает не только рождение, но и смерть, первый и последний день, так как вместе с жизнью одновременно рождается и смерть. Первый день в связи с последним наглядно показывает генезис человеческого существования, где последний день актуализирует сущность первого.

Жизненный цикл (от рождения до смерти) есть сам по себе биологический факт, который способен нести также мощную символическую нагрузку. Он есть процесс непрерывного создания и пересоздания системы образов и симво-

лов, и связанная с ним символика рождения и смерти – самая универсальная форма человеческой символики. Она фиксирует факт рождения и смерти, которые всегда неотделимы друг от друга.

Диалектика жизни и смерти подтверждается тем, что признаки витального и танатального тесно взаимосвязаны: «Смерть предполагает жизнь, начинается с жизни и с жизнью же – каким бы парадоксальным это не показалось – заканчивается. Конец жизни, конец сознания есть одновременно и конец смерти» [1, с. 445]. Умереть – значит уничтожить бытие, следовательно, утратить смерть. Поэтому нет сомнения в том, что рождение (как начало жизни) и смерть (как ее предел) являются основополагающими характеристиками человеческой экзистенции и в единстве, поскольку одно немыслимо без другого, образуют то целое, которое называется жизнью. Смысловое пространство смерти, соответственно, может существовать только в витальном контексте.

Значит, при решении смысложизненных вопросов нельзя не учитывать каждый существующий элемент этой единой структуры. И в этом случае от того, как решается вопрос о смысле и ценности смерти, зависит решение вопроса о смысле и ценности жизни: «В конце концов: чем будет для нас смерть, тем будет для нас и жизнь. Если ничтожна, не имеет цены и смысла наша смерть, то столь же ничтожна и наша жизнь» [2, с. 107].

Рассматривая формулу М. Хайдеггера «человеческое бытие – есть бытие-к-смерти» [3] как аксиому, автор склонна полагать, что в жизни не существует феноменов и событий, лишенных смысла, ибо само бытие в своей основе есть мир смыслов. И смыслообразующим началом выступает интенциональность человеческого сознания. Именно она является первичной смыслообразующей устремленностью к миру, смыслоформирующим отношением сознания к предмету, вещи, явлению.

Смыслы, по сути дела, составляют ментальное пространство, так как сущим оказывается все то, что постигается субъектом. Смысл – нечто, имеющее ценность. Он есть со-мыслие, сообразность мысли, абсолютное утверждение чего бы то ни было как реально существующего. Следовательно, не может быть существования без смысла. Благодаря этому и смерть имеет определенную смысловую наполненность: конечность, являясь неотъемлемой составляю-

щей бытийного пространства, помогает осмыслить его, наполнив смыслом каждую жизненную ситуацию. Стоит заметить, что ценностное понимание бытия вообще связано с представлением о нем как о смыслополагающей деятельности человека. В каждом своем осознанном проявлении человек открывает и утверждает смыслы. В силу этого, поиск смысла – это характерная черта человека, его глубинная витальная сущность.

Смысл, как представляется автору, есть то, что в процессе человеческого бытия обнаруживается, творится и познается одновременно. Человек в акте творчества наделяет нечто человеческим смыслом и одновременно познает, открывает смысл. Другими словами, понятие смысла предполагает отношение человека к кому-то или чему-то.

В перспективе человеческого духа смерть – это то, что следует сотворить (смерть – это производное жизни, ее «про-изведение»), это источник постоянной активности. Как писал М. Бланшо, «...в зависимости от своей смерти человек есть, он крепко связан со своей смертью...», поэтому «соприкосновение со смертью» побуждает человека творить и придавать смысл своим творениям [4, с. 201].

Тем самым обнаруживается, что осознание смертности, где смерть – итог жизни, – это не только рождение самости, но и импульс к постижению глубинных основ человеческого существования, импульс к творческому самоутроению и духовному самосозиданию. Осознание человеком самого себя как смертного существа раскрывает его духовные потенциалы. Именно в этом, как полагает автор, состоит назначение свободно-мыслящей и развивающейся личности.

Постигая мир, человек делает смерть возможной. Но «смерть как возможность» (М. Бланшо) не есть единовременный акт: она оказывается множественной и растянутой во времени и в индивидуализированном виде существует как совокупность частичных смертей (микросмертей). Человек умирает постепенно, по частям: в каждом последующем возрастном периоде, в детях, в расставаниях («расставанье – маленькая смерть»), в смерти близкого, в творческих достижениях (у М. Бахтина, например, творческая смерть понята как принцип скульптурирования смысла жизни «Я», а у Р. Барта «смерть автора» влечет за собой рождение текста). В результате, смерть предстает как про-

цесс («Я есть Я, но уже другое Я»): она рассредоточивается по всему жизненному пространству в своих микропроявлениях. Смерть в данном случае обнаруживает качественно иной модус своей объективации. Размещаясь в структурах сознания, она обретает динамический статус и предстает в модусе умирания, то есть в модусе бытийного существования. Жизнь и смерть, в результате, становятся объемно совпадающими по своим содержаниям.

На первый взгляд может показаться, что понятие «смерть», концентрируя такие смыслы, как «предел», «разрушение», «разрыв», «необратимость», наносит серьезный удар по ценностной характеристике бытия. Вероятно, причина заключается в том, что ценности не создаются и не разрушаются, а должны быть найдены в самой сущности человека. Ценность выступает как объективная значимость процесса или явления в качестве ориентиров человеческой деятельности. Время относится не к ценностям как таковым, а к образам ценностей в сознании, культуре, а также к оценкам вещей и действий с точки зрения ценностей.

Можно предположить, что без смерти появилась бы необходимость мыслить человеческое существование как процесс, в котором не могла бы завершиться ни одна стадия, а любое жизненное событие стало бы обратимым. Это, на взгляд автора, не менее эффективно элиминирует смысл, ведь смерть – это то, что позволяет человеку делать выбор в жизни.

Смысл не рождается и не умирает, поэтому не может быть начат и не может быть завершен смысловый ряд жизни, так как смысл совершается и творится всегда в процессе бытия. Смысл, сообразно с этим, существует благодаря событию, или, точнее, смысл и есть осознание события. Ситуация смерти – это ситуация человеческого события, так как смысловая осознанность события здесь более значима, чем само событие.

Смерть как событие имеет смысл, поскольку делает посыл на уровне сознания к остающимся жить: «человек мертв, но жив другой человек (автор мертв, но жив скриптор)» [5, с. 389]. Это оказывается возможным, так как существует реальное единство человеческого рода. Более того, только «через отношение со смертью съжившееся в своем одиночестве существо оказывается в области, где возможна связь с другим» [6, с. 76].

Актуальной представляется также позиция русского психолога С. Л. Рубинштейна, кото-

рый рассматривал смерть как завершение-обращение к своему народу и человечеству. Развивая свою мысль, он писал: «Смерть моя – для других – остающихся жить после моей смерти – есть мое не-бытие. Для меня самого, то есть для каждого человека, для него самого смерть – последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь. И в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как отношение к жизни» [7, с. 415].

В результате можно утверждать, что смерть витализируется не только в мире индивидуальной экзистенции, но и в мире коллективного со-бытия. Трактующаяся как со-бытие, она наделена смысловой потенцией и, сообразно с этим, не может быть завершением смыслового ряда, а наоборот: не будет преувеличением сказать, что все производство смысла – это «работа смерти». Однако поскольку человек сам творит смысл собственной жизни и соответствующим образом определяет смысл смерти, такое решение всегда индивидуализировано, хотя и провозируется социальной установкой.

Резюмируя сказанное, можно предложить следующий вариант решения рассматриваемой проблемы.

Во-первых, очевидно, что все возможные попытки ответить на вопрос о смысле жизни или смысле смерти оказываются несостоятельными, если нет предварительного понимания единства жизни и смерти. (В принципе, можно отрицать само существование смысла, в том числе смысла жизни и смерти. Но эта идея, по мнению автора, абсурдна. Человек – мыслящее существо, поэтому можно утверждать, что сама постановка проблемы о смысле или о его отсутствии есть уже потенция смысла). Жизнь и смерть слиты воедино, несмотря на то, что жизнь может быть (или казаться) бессмысленной (ведь известно: то, что умер, еще не доказывает, что жил), да и сама по себе смерть как следствие насилия, несчастного случая выступает символом бессмыслицы. Следовательно, понимание жизни невозможно без понимания смерти и наоборот. Жизнь и смерть распределяются и сопрягаются в едином жизнесмертном пространстве человеческого существования, где смерть преломляет жизнь, и представляемое значение смерти формирует понятие о жизни. Присутствие смерти в жизненном пространстве и времени человека делает его существование осмысленным, полновесным.

Во-вторых, самые решающие «да» и «нет», которые человек вообще может выбрать, – это его «да» или «нет» жизни и смерти. Поэтому в поле человеческого мироотношения жизнь и смерть входят не только как принципиальные ценности (а ценности, как полагает автор, это не столько полезное, необходимое, сколько неповторимое, конкретное, единственное, чем как раз являются жизнь и смерть), но и как опорные точки отсчета любых (всех) ценностей. Таким образом, осознание ценностно-смыслового единства жизни и смерти выступает ориентирующим и проектирующим началом человеческой жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трубников, Н. Н. [Перспектив книги о смысле жизни] / Н. Н. Трубников // Квинтэссенция: Философский альма-

нах / сост. В. И. Мудрагей. – М.: Политиздат, 1990. – С. 425–447.

2. Трубников, Н. Н. Проблемы смерти, времени и цели человеческой жизни / Н. Н. Трубников // Философские науки. – 1990. – № 2. – С. 104–115.

3. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост. В. В. Биbihин. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – (Мыслители XX века).

4. Бланшо, М. Смерть как возможность / М. Бланшо // Вопросы литературы. – 1994. – № 3. – С. 191–214.

5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика, поэтика / Р. Барт; пер. с фр.; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, Универс: Рея, 1994. – 616 с.

6. Левинас, Э. Время и Другой. Значение и смысл. Гуманизм другого человека / Э. Левинас; пер. с фр. А. В. Парибка. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 265 с.

7. Рубинштейн, С. Л. Очерки. Воспоминания. Материалы: К 100-летию со дня рождения / С. Л. Рубинштейн; отв. ред. Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1989. – 435 с.

УДК 316.6

ББК 70

И. К. Черемушникова

РЕФЛЕКСИЯ СМЫСЛОВ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере русских исторических женских образов)

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: inhabitus@mail.ru

В статье аргументирована способность имиджа к рефлексии культурных смыслов, отражающих ментальность эпохи. Показана роль нормативных имиджей в процессе сохранения и трансляции культурного кода через отбор и продвижение социально-полезных имиджей.

Ключевые слова: образ, типический имидж, культурный смысл, манифестация, трансляция смысла, культурная кодификация.

I. K. Cheremushnikova

REFLECTION OF MEANINGS IN THE SPACE OF CULTURE (on the sample of the Russian historical female images)

Volgograd State Medical University

The paper stated the image ability to reflection of cultural senses, revealing the mentality of the epoch. The role of the typical images in the process of preservation and translation of cultural code by means of selection and spreading of the social-positive images is demonstrated.

Keywords: image, typical image, cultural sense, sense manifestation, sense translation, cultural codification.

В социально-культурном пространстве идет постоянный процесс манифестации, легитимации, трансформации, приращения и трансляции смыслов. Связь между чувственно-воспринимаемыми и умственно постигаемыми сущностями реализуется в культуре, в том числе и через имидж, который превращает ноуменальное в феноменальное, делает сакральные смыслы частью повседневного бытия. Имидж является *выразителем культурных смыслов* и может быть представлен как наиболее адекватный смыслосохраняющий канал передачи социально значимой информации как на уровне общения отдельных ин-

дивидов, так и для кодирования целых идеологий, важных для общества в целом. Имидж выступает как *культурный код эпохи*, фиксирующий и воспроизводящий картину мира. Каждая культурная традиция создает собственную установку, определяющую процесс восприятия культурных феноменов, определяет круг некоторых привилегированных образов, априорно значимых для данной культуры. Приобщение к ним гарантирует каждому индивиду принадлежность к определенной культурной общности и обеспечивает его включенность в заданный этим кодом культурно-исторический универсум.

Мысль о том, что во внешнем облике отдаленно взятого человека отражается целая эпоха не нова: русский историк моды Ф. Комиссаржевский полагал, что «религия, искусство, философские учения влияют на людскую внешность, и по ней мы всегда можем создать себе представление об этих культурных двигателях в известную эпоху», [1, с. 7], а немецкий исследователь нравов Э. Фукс подчеркивал, что общество отражает себя «не только в идеологиях, философии, науке, системах права, ... но и в своих представлениях о телесной красоте» [2, с. 86].

Через образы, придаваемые телу, выражаются идеалы физической красоты, отношения между полами, взгляд на институты семьи и брака, отношение к природе, труду и богатству, понимание ценности человеческой уникальности, представления о социальной справедливости и многое другое. Обычно эти образы тесно связаны с модой, поскольку мода всегда появляется под влиянием доминирующих в обществе настроений, вкусов, увлечений» [3, с. 156]. Томас Карлейль справедливо полагал, что «Костюм – это форма, которую дух придает телу во вкусе времени». Не случайно сегодня утвердился взгляд на костюм как на историко-культурный феномен, который играет роль социального маркера и показывает принадлежность человека к определенной социальной группе или полный отказ от нее.

Женский костюм традиционно более чутко реагирует на все изменения, происходящие в культуре. Л. Бакст замечал, что именно «женщина... во всех своих линиях, в прическе, в украшениях – есть пластическое воплощение современных господствующих идей» [4, с. 3]. Следует рассмотреть, какими культурными смыслами был нагружен образ женщины в русской культуре.

Женщина допетровской Руси имела довольно высокий социальный статус, поэтому основными идеями ее образа были мудрость, величавость, неспешность, присущие матери-прародительнице, основательнице рода. Именно такие представления о месте и роли женщины повлияли на появление одежды, которая исключает всякий намек на сексуальную привлекательность. Одежда была длиннополой, многослойной, с пирамидальным силуэтом, скрывающим линии тела и рождающим ощущение уверенности, покоя, монументальности. К примеру, *летник* сильно расширялся книзу за счет вшитых боковых клиньев, имел очень ши-

рокие колоколообразные рукава. Длинный в пол, он шился из тяжелых узорных тканей и богато украшался шитьем. Такой же расширяющийся книзу силуэт имели *опашень*, *однорядка*, *охабень*, *паневы*, *душегрея*, которая расширялась за счет крупных трубчатых складок, расходящихся книзу [5, с. 59]. Одежды, отрезные в талии, и делающие силуэт Х-образным, встречались редко. Не случайно иностранцам, побывавшим в Москве допетровского времени, русские женщины, одетые в многослойные одежды, казались дородными. Австрийский путешественник И. Г. Корб писал, что стан московских барышень «формировался иначе, чем у прочих европейок, и тело нигде не стеснялось убором», поэтому «могло разрастаться как попало» [6, с. 88].

Плавными и размеренными, под стать такому облику, были и движения. Умение ходить «словно плыть», «как лебедушка», иметь горделивую посадку головы, а глаза «опускать долу» делали образ завершенным и цельным [6, с. 84]. Основой как мужского, так и женского костюма являлась длинная прямая рубаха, что говорит о том, что мужчина и женщина не воспринимались как космически противоположные существа, несмотря на выраженное различие их социальных ролей.

В культуре русского средневековья сохранялось настороженное отношение ко всему броскому или намеренно украшенному. Правильное социальное поведение заключалось не в том, чтобы быть уникальным и непохожим, гораздо важнее было уметь соответствовать коллективно одобренным образцам, подчинять свою индивидуальность типичному, личное поведение – установившимся обычаям.

Вместе с петровской модернизацией традиционный русский костюм подвергся вторжению иностранных влияний. С проникновением абсолютистского идеала красоты в русском костюме появились чуждые смыслы, никак не связанные с национальной культурной традицией: он был полностью оторван от жизни, не согласовывался ни с климатическими условиями, ни с физиологией, ни с возрастом, ни с традиционными занятиями и образом жизни. Новый образ более отчетливо подчеркнул различия в мужском и женском костюме. Поскольку деторождение начинает восприниматься как низменный труд, то тело женщины меньше всего должно демонстрировать способность к деторождению и вскармливанию. Сама женщина

теперь рассматривается как орудие рафинированных наслаждений, а ее тело было разделено на «прелести», рамкой для которых было затянутое в талии платье с декольте. Красивыми стали узкая кисть, хрупкая фигура, крошечная ножка, бледное лицо, пугливость, плавность и грациозность движений. Даже мужской костюм становится как никогда женоподобным. Из характера и костюма исчезают все атрибуты мужественности, а кружево, румяна, духи, помада, сложные прически, банты и безделушки также охотно носятся мужчинами.

После Великой французской революции «на смену раздушенным петиметрам пришло новое поколение, которое вело себя уже не так приторно, как их напудренные предшественники, и глядели на женщин не как на богинь в фижмах, а как на равных себе охотниц повеселиться», – так писал об этом периоде русский писатель В. А. Соллогуб. Идеи революции проникли в Россию, несмотря на все обещания Николая I остановить «крамолу» у границ империи. Распространение новой идеологии начинается среди самой просвещенной части общества и лишь со временем проникает во все другие слои. Эти «другие слои» познают новые веяния отнюдь не через идеологические и научные трактаты, а через знаки, рассыпанные в повседневной жизни. Раньше всего такие знаки появляются в костюме.

Имиджи, признанные социальной нормой, и антиимиджи, стоящие за ее гранью, зримо противостоят друг другу в переломные моменты, отражая борьбу двух идеологий, противостояние отцов и детей. Процесс формирования имиджа начинает выглядеть как ответственный акт *культурно-адресованных усилий* [7, с. 158]. Немного найдется исторических эпох, когда образ нового человека создавался так осознанно как в 60-70 гг. XIX века. Нравы шестидесятых годов XIX века требовали от женщины «улучшать свою природу» и «уничтожать свою природную пошлость» [8, с. 32]. Женщины делали все, чтобы не походить на «разряженных кукол» и «кисейных барышень». Демократически настроенные молодые женщины и девушки, сочувствовавшие народничеству, одевались очень просто, демонстрируя свое негативное отношение к суетности моды. Платья перестали быть разноцветными, исчезли такие детали, как оборки, кружева, шлейфы. Чаще всего «прогрессистки» «надевали простое черное платье, лишённое каких бы то ни было украшений» [8, с. 36].

Нитка кораллов или жемчуга изредка нарушали скромность черного туалета. Если же женщина появлялась в обществе «во всем блеске своей комильфотности», ее обвиняли в «допотопности взглядов» [8, с. 108]. Женщины этого времени эстетизировали стиль независимой женщины, живущей своим трудом. Благодаря их новому привлекательному образу, труд стал новым достоинством женщины. «Нигилистская мода» требовала такого же аскетизма в причёске. Тратить время на такие пустяки, как причёска, туалет, езда по портнихам и прочее «соблюдение конвенансов», в то время, когда страна стоит на пороге великих свершений, считалось в среде прогрессивной молодежи едва ли не зазорным. Прически, которые носили следы тщательной укладки, язвительно называли «эшафотом» или «куафюрой». Таким образом был создан совершенно иной образ женщины: теперь за ней начали признавать такие же интеллектуальные возможности и социальные роли, как и за мужчиной.

Начало XX века ознаменовалось поиском новых эстетических идеалов, в том числе и в костюме. Как только женщина превратилась в равноправного члена общества, на смену замысловатым и до невероятности элегантным костюмам эпохи модерна пришло дерзкое заимствование элементов мужского костюма, который давал свободу двигаться, путешествовать, заниматься спортом, быть свободной от религиозной морали и ханжества. А. И. Затулий в работе «Трансформации костюма XX века: от благородного танго модерна до вульгарного стриптиза постмодерна» [9] прослеживает, как степень обнаженности в «костюмо-образе» отражает эволюцию сексуальных взглядов. Новый костюм начала XX века отразил тройную свободу: свободу действий, свободу сексуальную и духовную. На смену женщине-цветку, женщине-статуэтке приходит «девушка с веслом», спортсменка, летчица. Л. Бакст, рассуждая о костюме женщины будущего, писал: «Борьба за равноправие женщины и мужчины создало женский костюм поразительно схожий с мужским. Это костюм, где женщина шагает в американской обуви, костюм, в котором она ловко вскакивает в трамвай и автомобиль, ... костюм неразрывно связанный с физическими упражнениями и спортом» [10, с. 7].

Современная ситуация внесла в процесс формирования имиджа новую тенденцию не только смешения стилей и эклектичность, но и

полную потерю достоверных знаков в облике. Прочсть имиджевое сообщение становится непростой задачей по причине «отсутствия выраженного смысла». Но это не отсутствие как такое, а такое «отсутствие смысла, которое чревато всеми возможными смыслами» [10, с. 308].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Комиссаржевский, Ф.* Костюм / Ф. Комиссаржевский. – СПб.: Печатный труд, 1911. – 145 с.
2. *Фукс, Э.* Иллюстрированная история нравов. В 3 т. / Э. Фукс. – М.: Республика, 1993. – Т. 1. – 512 с.
3. *Парыгин, Б. Д.* Социальная психология как наука / Б. Д. Парыгин. – Л., 1967. – 208 с.
4. *Бакст, Л.* Мода / Л. Бакст // Петербургская газета. – 1914. – 20 февраля.

5. *Киреева, Е. В.* История костюма / Е. В. Киреева. – М.: Просвещение, 1970. – 168 с.

6. *Пушкарева, Н. В.* Варварская красота / Н. В. Пушкарева // Родина. – 1995. – № 7. – С. 80–88.

7. *Дубницкий, Д.* Особенности мотивации в современной культуре / Д. Дубницкий // Символы, образы и стереотипы современной культуры: сб. науч. статей. – СПб.: Эйдос, 2000. – С. 152–166.

8. *Водовозова, Е. Н.* На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты: В 2 т. / Е. Н. Водовозова. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 2. – 318 с.

9. *Затулий, А. И.* Трансформации костюма XX века: от благородного танго модерна до вульгарного стриптиза постмодерна / А. И. Затулий // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 169–175.

10. *Бакст, Л.* О моде / Л. Бакст // Биржевые ведомости. – 1913. – 23 марта (веч. выпуск).

11. *Барт, Р.* Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

УДК 101.1:316
ББК (Ю)87.3(2)

С. В. Варакин

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ «ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ» НА РУССКОЙ ПОЧВЕ

ГБОУ ДПО ВО «Институт молодежной политики и социальной работы»

E-mail: varakinsv@rambler.ru

Появление категории «политическая культура» не было талантливой догадкой, озарением Г. Алмонда, а было подготовлено всем ходом предшествующего развития философской и общественной мысли. Свой вклад в появление этого понятия внесли и русские мыслители Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев и другие, которые подготовили почву, обосновав реальность такого феномена политической и общественной жизни, который впоследствии получил название «политическая культура».

Ключевые слова: политическая культура, культурно-исторический тип, цивилизация, цивилизационный подход, стабильность политической системы.

S. V. Varakin

PHILOSOPHICAL BASIS of «POLITICAL CULTURE» on RUSSIAN SOIL

GOW STR «Volgograd Institute of youth policy and social work»

Emergence of the category «political cultural» were not talented conjecture, «ozareniem» of Almond, and was prepared by all the preceding development of philosophical and social thought. To «wipe» the concept made and Russian thinkers. N. Y. Danilevsky, K.N. Leontiev and others, which paved the way, the reality of the phenomenon of political and public life, which later received the title of «political culture».

Keywords: political culture, cultural-historical type, civilization, civilization approach, stability of political system.

Интерес к исследованию феномена «политическая культура» определяется прежде всего тем, что она оказывает влияние на стабильность существования политической системы и обуславливает, в конечном счете, пути ее развития. Актуальность изучения этого феномена многократно возрастает в наиболее переломные, кризисные моменты развития общества и государства. Сам термин «политическая культура» был введен в научный оборот в середине 50-х годов XX века, а вот социально-философские корни этого феномена следует искать в

предшествующие периоды развития философской и политической мысли, в том числе и на русской почве.

Рассматривая характерные черты и особенности русской философии, следует отметить, что поиск русской идеи, осмысление места России в мире, существовало с незапамятных времен. Но смысл в эти понятия в определенные исторические эпохи вкладывался различный. Разработка доктрины «Москва – третий Рим» имела целью показать преемственность России Византийской империи, подчеркнуть ее

особое положение и значение среди других европейских государств и служила оправданию деятельности царизма (царского правительства). Но эта же самая проблематика в кризисные годы, когда особенно важна стабильность, приобретает иное звучание. Исследуя культурно-исторические типы, различные философы в зависимости от своих взглядов, политических симпатий и предпочтений пытаются обосновать необходимость того или иного пути развития для нашей страны, ссылаясь при этом на целый ряд примеров из российской и мировой истории. Казалось бы, что это естественное развитие и продолжение (преемственность) взглядов, однако в иных социально-политических условиях эти мысли звучат совсем уже по-другому, наполняются иным содержанием и фактически приобретают смысл, который характерен для категории «политическая культура». Поэтому философские основания «политической культуры» на русской почве следует искать именно в эти переломные годы. Однако было бы неким философским упрощением считать, что русская общественная мысль в кризисные, переломные для России годы, которых в истории нашей страны было предостаточно, обращалась к тем или иным аспектам «политической культуры». Для этого необходим определенный уровень развития, как самой философской мысли, так и культурной, и политической среды, в которой эта мысль и появляется. Одним из первых эту тему поднял Н. Я. Данилевский, а затем развили К. Н. Леонтьев, Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин.

Не случайно корни «политической культуры» на русской почве были обнаружены консерваторами Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым. Анализируя противоречивое развитие нашего государства и, пытаясь найти аналогии в истории других государств и мировых цивилизаций, была предпринята попытка разобраться в причинах, которые приводят эти государства и цивилизации к гибели, установить срок жизни, то есть длительности их существования, найти в этом процессе закономерности и выявить, чем они обусловлены. Этот интерес имел не только теоретическое, но и прикладное значение: определить путь развития России на ближайшее будущее и перспективу. Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» вышла отдельным изданием в 1871 году, в самый разгар проведения либеральных реформ и сразу стала предметом жарких споров и дискуссий.

Одни авторы, такие как Н. Н. Страхов и К. Н. Леонтьев [7, с. 510–515; 8, с. 515–525; 9, с. 525–532; 4, с. 279], сразу и горячо поддержали выход книги, другие, например, В. С. Соловьев [2, с. 560–564] восприняли этот труд как литературный курьез. Но когда за короткий промежуток времени (с 1888 по 1895 гг.) это произведение было издано еще три раза, то против него ополчилась вся либерально и прозападнически настроенная общественность. П. Н. Милюков [2, с. 561] достаточно зло иронизировал над «сшитой довольно грубой ниткою историко-философской теорией» Н. Я. Данилевского, а В. С. Соловьев назвал его книгу «кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу» [2, с. 563].

Первоначальный выход книги был воспринят западной публикой как предупреждение о непосредственной угрозе, исходящей из славянского мира, а некоторое время спустя была дана высокая оценка тем идеям, которые содержатся в работе Н. Я. Данилевского, а сам он был поставлен в один ряд с О. Шпенглером, А. Тойнби, Ф. Нортропом, А. Шубартом, П. А. Сорокиным. В советский период также были даны различные оценки – от самых негативных, отрицательных отзывов до попыток объективно разобраться в историческом наследии Н. Я. Данилевского. Сегодня, в начале нового тысячелетия, вновь особенно остро встал вопрос о различных путях и альтернативах развития нашего общества и государства. Стоит нам и дальше идти в русле общечеловеческой, мировой цивилизации, то есть продолжить либеральные реформы, начатые еще во время Б. Н. Ельцина, и в дальнейшем попытаться интегрироваться в западный мир, одновременно разрушая постсоветское пространство, или же попытаться опереться на самобытные традиции российского народа и использовать наработанный предыдущими поколениями потенциал и общими усилиями вытащить страну из трясины кризиса и отсталости? А может быть, интересы общества и государства требуют разумного сочетания элементов того и другого подходов? В поисках ответа на эти вопросы следует вновь обратиться к книге Н. Я. Данилевского, пытаясь в изменившихся исторических условиях по-новому ее прочесть.

Для исследования важным является не столько точка зрения Н. Я. Данилевского на развитие и движение цивилизаций, сколько по-

пытка свою позицию по этому вопросу обосновать. Для доказательства своих взглядов автор «России и Европы» вводит в оборот понятие «культурно-исторический тип», которое он рассматривает как синоним понятия «цивилизация» [3, с. 85, 88]. Далее из контекста его работы следует, что время существования цивилизаций ограничивается несколькими столетиями [3, с. 107], в то время как культурно-исторический тип формируется в «неопределенно длинном», «древнем или этнографическом» периоде. Таким образом, формирование определенного культурно-исторического типа подготавливает почву для появления цивилизации. Некоторые народы, по мнению Н. Я. Данилевского, не способны создать свои самобытные цивилизации, поэтому служат лишь этнографическим материалом для великих цивилизаций, образуя «уединенные цивилизации» [3, с. 88]. Для ученого цивилизация – это преодоление «этнографического периода» в жизни народов, когда «собирается запас для будущей созидательной деятельности» [3, с. 107, 108]. Вот в этот период и происходит становление и развитие культурно-исторического типа, который в дальнейшем и определяет характер будущей цивилизации. В ходе рассуждений Н. Я. Данилевского появляется известное расхождение между понятиями «культурно-исторический тип» и «цивилизация». Под культурно-историческим типом следует понимать всю совокупность факторов, которые определяют само существование цивилизации и ее развитие. Мыслитель предлагает свою классификацию культурно-исторических типов, основывая ее на цивилизационном подходе, что также свидетельствует о различии этих понятий. Есть еще важный вывод, к которому он пришел: общечеловеческой цивилизации не существует. «Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать...» [3, с. 124]. Это очевидный вывод, который следует из предыдущих рассуждений автора. Каждой цивилизации соответствует определенный культурно-исторический тип и, наоборот, культурно-исторический тип определяет характер развития цивилизации – ее становление, расцвет, угасание и гибель. Цивилизации могут оказывать воздействие друг на друга, а также находиться под влиянием внешней среды, и это немаловажное обстоятельство при определении путей развития того или иного государства.

К. Н. Леонтьев в некоторых своих произведениях рассматривает те же вопросы, отмечая что именно эта книга служила «главным основанием» некоторых его мыслей [4, с. 279]. Если Н. Я. Данилевский считает, что срок жизнедеятельности цивилизаций колеблется от 400 до 600 лет в зависимости от вида [3, с. 107], то К. Н. Леонтьев устанавливает продолжительность их жизни в пределах 1000–1200 лет [5, с. 27, 132, 133, 135]. Для всех типов цивилизаций и государственных организмов характерны три периода развития: первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения [5, с. 116, 117]. Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя. Вырабатывается она не сразу, не вдруг, а становится очевидной лишь «в ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшего единства», за которой постоянно следует период порчи, упадка, смерти [5, с. 125]. С его точки зрения, государства Западной Европы переступили роковую черту в 1000 лет. «Они испортили у себя более или менее в частностях ту государственную форму, которая выработалась у них в период цветущей сложности» [5, с. 154]. А виноват во всем тот самый «злонамеренный либерализм» [6, с. 343], который «должен привести или к всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ, на совершенно новых и вовсе уж не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах» [6, с. 337]. Это станет следствием «либерально-эгалитарного процесса», который есть не что иное, как революция, то есть «легализованная, медленная, хроническая анархия» [4, с. 303]. В анализе К. Н. Леонтьева достаточно четко уловимы столь характерные для русской историко-философской литературы эсхатологические мотивы. Но если конец света у большинства религиозных мыслителей связывается с окончательной победой добра над злом и возникновением Царства Божия, то у К. Н. Леонтьева проглядывается апокалиптический пессимизм, который связан с ожиданием конца мира и наступлением антихриста [1, с. 224–225]. Конечно, следует принимать во внимание, что на взгляды Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева наложили отпечаток и эпоха, и их собственные симпатии, предпочтения, идеализация прошлого, но в то же время нельзя не заметить их блестящее предвидение будущего. Хотя сам К. Н. Леонтьев скромно считал себя в философии по-

следователем Н. Я. Данилевского, некоторые писатели, вслед за Н. А. Бердяевым, полагают, что «он во много раз выше Данилевского, он один из самых блестящих русских умов» [1, с. 100]. Восприятие и оценка тех или иных мыслителей дается современниками с точки зрения развития современного им научного знания и собственных позиций. С течением времени акценты смещаются, и вклад ученого может быть рассмотрен по-другому. Так, К. Н. Леонтьев лишь предполагает, что «государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой – той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае, при осуществлении пытки...» [6, с. 335–336]. В то же время для Н. Я. Данилевского очевидно, что на развитие государства оказывает влияние определенный культурно-исторический тип и что именно он и создает ту гармонию, о которой говорил К. Н. Леонтьев, или дисгармонию, которая приводит к гибели государственного образования.

К. Н. Леонтьев вплотную подошел к пониманию того, что есть нечто такое, что определяет стабильность существования политической

системы общества и оказывает влияние на различные стадии развития государства, хотя четко, определенно и последовательно не смог определить данный феномен. Теория Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах в общих чертах включает в себя всю совокупность факторов, определяющих развитие такого феномена, как политическая культура.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
2. Вайгачев, С. А. Послесловие к книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // С. А. Вайгачев. – М., 1991.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М., 1991.
4. Леонтьев, К. Н. Письма о восточных делах // К. Н. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
5. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
6. Леонтьев, К. Н. Чем и как либерализм наш вреден? / К. Н. Леонтьев // Записки отшельника. – М., 1992.
7. Страхов, Н. Н. О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» / Н. Н. Страхов // Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. – М., 1991.
8. Страхов, Н. Н. Наша культура и всемирное единство / Н. Н. Страхов // Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. – М., 1991.
9. Страхов, Н. Н. Последний ответ г. Вл. Соловьеву / Н. Н. Страхов // Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. – М., 1991.

УДК 101.1:316
ББК Ю6

А. В. Штыров, Н. В. Казанова***

МОДЕРНИСТСКИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРИЧИНА СЕГОДНЯШНЕГО КРИЗИСА ОБРАЗОВАНИЯ

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ipiito@vspu.ru, philos@vstu.ru

В статье утверждается и обосновывается, что основной причиной кризиса современной образовательной системы является ее приверженность ценностям эпохи модерна, неадекватным современному состоянию общества: стандарту, иерархии, утилитарности, вере в безусловный прогресс.

Ключевые слова: модернистская педагогика; кризис образования; дискретность образовательного процесса; сегментарность; массовость; иерархия; утилитарность; межпредметные связи; цели образования.

A. V. Shtyrov, N. V. Kazanova***

MODERNIST PEDAGOGICAL VALUE AS A CAUSE OF THE CRISIS TODAY'S EDUCATION SYSTEM

*Volgograd State Social-Pedagogical University

**Volgograd State Technical University

The article stated and proved that the main cause of the crisis of today's educational system is its commitment to the values of modernity, inadequate current state of society: the standard, hierarchy, utility, absolute faith in progress.

Keywords: modernist pedagogy; the crisis in education; discreteness of the educational process; hierarchy; utility; communication; education.

Одной из наиболее актуальных тем в современной педагогике и философии образования является приведение образовательной системы в соответствие с требованиями современного общества. По мнению авторов, есть все основания утверждать, что данная проблема возникла вследствие того, что сегодняшняя повседневная образовательная практика остается основанной на принципах, сложившихся в эпоху индустриализации (модерна) и отвечавших потребностям той эпохи. Но следование данным принципам, сыгравшим в свое время мощную прогрессивную роль, в условиях формирования постиндустриального общества приводит к ряду негативных результатов. Наблюдаемые сейчас падение качества образования, утрата доверия к образовательным и научным институтам, сопровождающаяся распространением лженаучных учений, являются во многом следствием противоречия между модернистским характером системы образования и постмодернистским образом действительности, в которой она существует и функционирует.

Сформулированные Я. А. Коменским педагогические принципы, методы и приемы, в частности, классно-урочная система, метод наглядности, последовательное обучение, закрепление материала путем повтора, стали методологическим фундаментом модернистской системы образования, основной целью которой было создание большого количества грамотных людей, обладающих знаниями в объеме, достаточном для осуществления профессиональной деятельности в условиях массового промышленного производства. В таких условиях и сами «учебные заведения – это фабрики, производящие ... упаковки со “всесторонними” знаниями» [6, с. 49].

Подобно тому, как конвейерное производство стало апогеем модернистского типа промышленности, направленного на производство стандартизованных товаров в массовом масштабе, классно-урочная система стала конвейером по массовой подготовке людей, обладающих стандартным набором знаний, умений и навыков. Потребность в действительно высококвалифицированных специалистах, ориентированных на нестандартный творческий труд, была сравнительно невысока: в массе требовались промышленные рабочие и клерки, обладающие узкой специализацией и подготовленные к выполнению рутинных действий в соответствии с установленным алгоритмом. Поэтому модерни-

стская образовательная система, в принципе, не была предназначена для раскрытия и развития личностных особенностей каждого ученика, его склонностей и способностей, несмотря на периодические декларации обратного. Напротив, массовое образование было нацелено скорее на подавление, нивелирование этих особенностей, насаждая культ «общеобязательной нормы ... со строгой иерархией ценностей» [3, с. 133].

В соответствии с иерархическим построением индустриального общества, модернистская модель образования носит четко выраженный структурированный характер. Это касается как распределения и подачи учебного материала, так и взаимоотношений между учителем и учениками. Термин «*обучаемый*», получивший широкое распространение в модернистской педагогике, подчеркивает пассивную, подчиненную роль ученика, выступающего в качестве объекта приложения педагогического воздействия со стороны активно действующего субъекта – учителя. В свою очередь, учитель занимает подчиненное положение по отношению к органам управления образованием и, в конечном итоге, к лицам и группам, осуществляющим властные полномочия. М. Фуко видит в школьной системе Нового времени механизм упорядочивания и принуждения, основная функция которого – не научить, но дисциплинировать, превратить ученика в элемент однородной массы, подконтрольной и послушной воле учителя, беспрекословно и автоматически выполняющей все инструкции. Индивид в данной системе превращается в ячейку «живой таблицы», преобразующей «беспорядочные, бесполезные и опасные массы в упорядоченные множества» [7, с. 216], обеспечивающие бесперебойное функционирование социального механизма. В дальнейшем такая модель поведения, выработанная, привитая и закреплённая в школе, будет сопровождать человека всю жизнь, где бы он ни оказался: на производстве, в учреждении, в армии или тюрьме.

Для иерархического дерева характерны не только отношения соподчиненности, вертикальной иерархии, но и изолированность ячеек структуры друг от друга на всех горизонтальных уровнях – от государственных границ до школьных классов и учебных предметов. Сегментарность социальных систем модерна во времени и пространстве подробно проанализировали Ж. Делез и Ф. Гваттари. Система образования не является исключением. Конечно, эта

изолированность не является абсолютной, но ее степень вполне достаточна для того, чтобы привести к сегментарности получаемых в школе знаний и вызывать у учеников существенные затруднения в формировании целостной все-сторонней картины окружающего мира и в понимании взаимосвязи происходящих в нем явлений. Школьные предметы не воспринимаются учениками как компоненты целостной системы: в их сознании они существуют изолированно друг от друга. Поэтому проблема налаживания межпредметных связей, то есть реализации системного обучения, являлась одной из ведущих в педагогической науке на протяжении всего периода модерна, от Я. А. Коменского и И. Г. Песталоцци до Дж. Дьюи и С. Т. Шацкого, но так и не нашла удовлетворительного решения.

Хронологическая дискретность модернистского образовательного процесса выражена в его разбиении на этапы, каждый из которых, с одной стороны, являясь продолжением предыдущего, с другой стороны, представляет собой вполне законченную, самостоятельную функциональную единицу. После завершения соответствующего этапа считался завершенным и процесс образования в целом, что формально подтверждалось соответствующим документом. Предполагалось (до определенного времени вполне оправданно), что подавляющему большинству людей для осуществления успешной профессиональной деятельности в течение всей активной жизни вполне будет достаточно того ограниченного набора общих и специальных знаний, которым они успели овладеть за время периода обучения. Допускалась возможность того, что какая-то корректировка этих знаний может потребоваться в будущем некоторой части специалистов, но считалось, что она не будет носить фундаментального характера, укладываясь в рамки первоначальной профессиональной подготовки.

Итак, образовательный процесс в эпоху модерна не был целостным и не воспринимался в качестве такового ни педагогами, ни обучаемыми. Это была более или менее длительная, поэтапная, конечная процедура. Выполнялась процедура только в специально отведенное время в определенном месте и под руководством специалистов. Покидая школьное здание в конце учебного дня, переходя на перемене с урока на урок из одной классной комнаты в другую, обучаемый завершал очередной микроцикл образовательной процедуры, чтобы вернуться к нему через определенное время со-

гласно расписанию. До наступления этого времени обучаемый отключался от информации, усвоенной в рамках данного микроцикла, чтобы включиться в новый микроцикл, не имеющий никакого отношения к предыдущему. Такая же ситуация повторялась и с более крупными циклами – переходами из класса в класс или с одного образовательного уровня на другой. Знания, вернее, информация, усвоенная в рамках одного микроцикла, как правило, не использовалась обучаемыми во время освоения других микроциклов. В результате цикл образования каждый раз фактически начинался заново. В непрерывном образовании и самообразовании в течение активной профессиональной деятельности необходимости, как правило, не было. Набор учебных предметов и методы их преподавания в модернистской образовательной системе определялись критерием полезности, дальнейшей востребованности, необходимостью включения индивида в систему производственных отношений и в социальную иерархию. Как указывает Э. Фромм, «... получаемый людьми минимум знаний как раз достаточен для того, чтобы должным образом выполнять свои служебные обязанности» [6, с. 49].

Обязательными для изучения были предметы, целью которых было формирование у обучаемого минимальных способностей к ориентации в окружающем мире, подготовка к усвоению специализированных профессиональных умений и непосредственное формирование этих умений. «Построенное по фабричной модели, массовое образование включало в себя основы чтения, письма и арифметики, немножко истории и других предметов», – пишет Э. Тоффлер [5, с. 65]. Социально-гуманитарные дисциплины – от закона Божьего или истории КПСС до базовых курсов истории, искусства и литературы – занимали в этой системе строго очерченное место. Они способствовали достижению совершенно определенной и чрезвычайно важной цели, которой было отнюдь не столько расширение кругозора обучаемого, сколько его идеологической обработке, подготовке к включению в качестве элемента в социальную общность. Как утверждают Ж. Делез и Ф. Гваттари, «машина обязательного образования не сообщает информацию, она навязывает ребенку семиотические координаты» [2, с. 124–125], то есть включает его в систему смыслов, являющихся общепринятыми в обществе. Это характерно для модернистской системы образования в целом.

Независимо от господствующей идеологической доктрины «... школы... подвергали механической обработке одно за другим поколения молодых людей, готовя из них податливую унифицированную рабочую силу...» [5, с. 66].

Однако уже в первой половине XX столетия критерий полезности информации, включенной в учебную программу, оказался существенно дискредитирован тем обстоятельством, что знания, приобретенные специалистом в процессе получения формального образования, стали устаревать еще до завершения им активной трудовой деятельности. И если поначалу данное явление касалось лишь сравнительного небольшого числа специалистов, занятых в сфере научных исследований или высокотехнологичном производстве, то к концу XX века такая ситуация стала носить массовый характер. На данный момент люди, находящиеся в активном трудоспособном возрасте, вынуждены не только повышать, но иной раз полностью менять свою квалификацию. В этих условиях модернистская образовательная система, ориентированная на неспешную передачу обучаемым надежных и устоявшихся знаний, структурированных в четкие схемы, а потому недоверчиво воспринимающая нововведения и медленно их осваивающая, оказывается в ситуации нарастающего отставания от иных, более динамичных общественных институтов и все менее способна удовлетворить запросы учащихся. В частности, традиционное образование гораздо хуже, чем раньше, стало выполнять функцию социального лифта. Как отмечает В. Бацын, «если содержание образования отвечает старой, не адекватной сегодняшним реалиям модели мира, то и те, кто получают образование, обречены на такую же неадекватность» [1, с. 18].

Еще один фактор, оказавший существенное воздействие на образовательную систему модерна – вера во всемогущество науки и научно-технический прогресс. Этот фактор способствовал ориентации образования на основные достижения науки, существенно повышая качество образования в том, что касалось его информационно-знаниевой составляющей. В большинстве случаев его ценность значительно снижалась воздействием факторов, перечисленных выше. Отсутствие межпредметных связей, взаимодействие с практикой, стандартизация и обязательное освоение установленного уровня знаний по предмету всеми обучаемыми, вне зависимости от их индивидуальных склонностей и способно-

стей, приводили к формализации обучения, расслоению образования на массовое, где дисциплины преподавались «для галочки», и элитное, где к их изучению подходили всерьез.

Актуальность данного фактора в условиях постиндустриального общества существенно возросла, а новые информационные и образовательные технологии открывают новые перспективы в дальнейшем развитии образования – при условии, что осуществляться оно будет методами, в корне отличающимися от принятых в модернистской образовательной парадигме. Научность – несомненно, ценнейшее приобретение современного периода развития образования, отказываться от которого нельзя ни в коем случае. Отход от этого принципа грозит полным разрушением системы образования, вырождением его в схоластику, окончательным превращением в инструмент манипулирования массами, которым оно начало становиться в современный период своей истории. Ложно понимаемый плюрализм знания уже сейчас приводит к тому, что в образовательную систему то и дело пытаются включить изучение креационизма, астрологии, новой хронологии и прочих сомнительных достижений человеческой мысли. Итог этих мероприятий очевиден: абсолютная утрата учащимися, обработанными подобным образом, способности к самостоятельному критическому мышлению, умения формулировать проблемы и решать их, и, самое главное, стремления к самостоятельному поиску новых знаний, которое только и может быть залогом личностного и профессионального роста в условиях постиндустриального общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бацын, В.К. Будущее как образовательный продукт / В. К. Бацын // Отечественные записки. – 2008. – № 1. – С. 17–21.
2. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
3. Калугина, Т. П. Интернет как «новая кунсткамера» / Т. П. Калугина // Виртуальное пространство культуры. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 133–135.
4. Соловьев, Ан. А. Преимущества методологического плюрализма в образовании / Ан. А. Соловьев // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 1. – С. 128–131.
5. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
6. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.
7. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с франц. – М.: Ad Marginem, 1999. – 478 с.

УДК 008: 379.8

К – 632

*Е. В. Комиссарова***ДОСУГ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****Волгоградский государственный медицинский университет**

E-mail: evkm57@mail.ru; museum@volgmed.ru

Статья посвящена изучению истории феномена досуга и его культурной организации, что возможно лишь на основе междисциплинарного культурологического подхода. Рассматривается значение досуга как центрального элемента культуры, обеспечивающего развитие личности и общества; раскрываются понятия, определяющие сферу социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: культурология, история культуры, культурные ценности, досуг, социально-культурная деятельность, учреждения культуры.

*Е. V. Komissarova***LEISURE AS AN OBJECT OF A CULTUROLOGICAL STUDY****Volgograd State Medical University**

The paper deals with the historical context of Culturology. The object of this paper is to present representations of author's ideas about leisure as the important part of society. Leisure as a factor in the socialization, in the kind of life of everybody, and its political, economics, aesthetics features. This article is about the problem research history so phenomenon as leisure and its cultural organization.

Keywords: culturology, history of culture, cultural price (value), social-cultural activity, institution of culture.

Технологические и социальные революции XIX–XX веков коренным образом изменили парадигму освоения культурного наследия. Увеличение доли свободного времени, всеобщее образование и демократизация общества, утверждение концепции непрерывного профессионального и дополнительного образования в условиях информационного общества актуализируют проблему эффективного использования свободного времени. Российскими учреждениями культуры накоплен богатый опыт организации досуга населения, однако всестороннее объективное изучение этого феномена и его культурной организации возможно лишь на основе междисциплинарного культурологического подхода. История развития учреждений культуры, в том числе региональных, как объект изучения прикладной культурологии является необходимой базой для теоретической культурологии.

Свободное время составляет ресурс, который может эффективно использоваться в целях личностного развития и саморазвития. Досуг – это часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных производственных обязанностей. Досуг – центральный элемент культуры, позволяющий личности реализовать свой творческий потенциал и имеющий глубокие и сложные связи с общими проблемами работы, семьи. В жизни обще-

ства досуг важен для стабилизации, снятия напряженности, предотвращения общественных конфликтов, укрепления солидарности, взаимосвязи поколений, общения, удовлетворения потребностей личности в радости, развлечениях. Свободное время относится к центральным ценностям человека, поэтому особое место занимает вопрос о ценностной ориентации досуга. Прогрессирующая динамика производства, влияние новых информационных технологий, растущие возможности организации свободного времени сопровождаются значительным изменением жизненных ценностей, что характеризуется стремлением к оригинальности, проявлением индивидуальности, устремленностью к самостоятельным решениям на основе собственных предпочтений.

Существует много разнообразных типологий современного досуга. Наиболее значительные из них: деятельный; ежедневный, еженедельный, отпускной, праздничный; домашний и внедомашний; индивидуально организованный и коллективно-организованный. Виды деятельности человека в свободное время условно делят: на просто отдых (развлечения игры, созерцание и т. д.); просвещение (усвоение, потребление культурных ценностей); творчество (техническое, научное, художественное). Первыми элементарными ценностями досуга являются отдых и движение, служащие восстанов-

лению физических сил и душевного равновесия. Вторая группа вида деятельности в свободное время – просвещение, приобщение к культуре. Досуговые предпочтения являются одной из определяющих характеристик образа жизни человека. Таким образом, понятия «досуг» и «свободное время» взаимозаменяемы, но не идентичны по смыслу. Когда говорят о свободном времени, акцентируется потенциальная возможность вариативно использовать его на что угодно [1].

В России исследования свободного времени как пространства досуга зародились в 70–80-е годы XIX века в период формирования земской статистики. Взгляд на досуг сохранился почти в неизменном виде со времен В. Даля, определявшего досуг как «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, простор от дела». Большинство авторов определяет досуг как время, свободное от работы, распределенное между различными видами деятельности, ориентированными на удовлетворение различных (физических, духовных, социальных) потребностей людей. В 1970-е годы объективный взгляд на содержание свободного времени был дополнен точкой зрения, введившей в анализ свободного времени фактор свободы выбора и субъективное восприятие деятельности. Л. А. Гордон и Э. В. Клопов полагали, что «свободное время – это особая форма, особый характер осуществления любого (или почти любого) вида деятельности, которая обладает самоценностью» [2].

Несмотря на наличие различных подходов к трактовке досуга (культурологический, экологический), преобладающим в современной науке является деятельностный подход, согласно которому досуг – совокупность различных видов деятельности, которыми индивид занимается по собственной воле (отдых, развлечения, повышение квалификации, образования, добровольное участие в общественной жизни) после того, как он освободится от выполнения своих профессиональных, семейных и социальных обязанностей.

На основе анализа досуговой активности россиян Н. Н. Седова выявила следующие тенденции: «Свободное время и досуг, несмотря на их неоспоримое медицинское и социальное значение, остаются в российском массовом сознании «вторичными» по отношению к работе. На фоне общемировой тенденции на сокращение рабочего времени, свободное время на-

ходится под угрозой ценностной девальвации, в структуре досуговой активности россиян развивается тенденция на «одомашнивание» досуга, вытеснение его активного типа за счет роста доли традиционного и простого досуга. Эту тенденцию подтверждают и исследования досуговых предпочтений сельского населения, проведенные кафедрой социально-культурной деятельности Волгоградского государственного института искусств и культуры. Пренебрежение досугом в перспективе может привести к усугублению проблем в сфере здоровья, социализации, личностного развития и самореализации россиян. Поэтому сегодня особое значение приобретает формирование нового отношения к досугу как источнику разнообразных знаний, умений и навыков, освоения мира культуры, самореализации и общественного признания [3].

Деятельность по культурной организации свободного времени осуществляют культурно-досуговые учреждения. Социально-культурная деятельность направлена на создание условий, помогающих каждому человеку в различные периоды его жизни успешно проходить процесс социализации и социальной адаптации. Успешное прохождение человеком социализации и адаптации позволяют ему, несмотря на жизненные кризисы и экстремальные ситуации, сохранять душевное равновесие, чувство собственного достоинства, трудовую активность, быть полноценным членом общества [4].

Культурная деятельность – это выявление, сохранение, распространение, освоение и создание культурных ценностей, к которым относятся: нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения; национальные традиции, обычаи, обряды, фольклор, художественные промыслы и ремесла; произведения искусства, здания, сооружения, предметы, имеющие историко-культурную значимость. Сферы культурной деятельности – это выявление, изучение, охрана, реставрация и использование памятников истории и культуры; эстетическое воспитание, художественное образование, педагогическая деятельность в сфере культуры; научные исследования в сфере культуры; занятия творчеством: музыкой, хореографией, театром, изобразительным искусством, декоративно-прикладным творчеством. Таким образом, социально-культурная деятельность – это процесс реализации социальной активности человека или группы людей через выявление, сохранение и создание культурных ценностей пу-

тем занятия различными видами творчества, а также деятельность, направленная на саморазвитие, самореализацию и самосознание личности.

Функции социально-культурной деятельности: развивающая; творческая; рекреационная. Социально-культурная деятельность отличается добровольностью, активностью и инициативой различных групп и индивидуумов. Ей присущ свободный выбор занятий, связанных с рекреацией, саморазвитием, самореализацией, общением, удовольствием, оздоровлением. Социально-культурная деятельность обусловлена национально-этническими, региональными особенностями и традициями, характеризуется многообразием видов.

Одной из проблем исследований является сущность культурно-досуговой деятельности, ее социальная миссия. Современная цивилизация достигла той степени развития, когда дальнейшее ее движение вперед стало полностью зависеть от совершенствования человека. Всестороннее развитие личности становится не только ее гуманным идеалом, но и приобретает характер необходимости, закономерного развития общества. Потребность самовыражения побуждает личность активно включаться в трудовую деятельность и деятельность в сфере досуга. Сущность культурно-досуговой деятельности определяется состоянием всего комплекса социально-экономических, политических и культурных факторов, обеспечивающих жизнь общества. Сегодня деятельность учреждений культуры по организации досуга населения обретает особую актуальность. Учреждение культуры может обеспечить широкий диапазон и универсальность содержания этой деятельности, создает условия развития личности, коллективных форм организации, обуславливающие взаимодействие различных социальных, профессиональных, культурных, возрастных групп населения и т. д. Гуманистическая направленность культурно-досуговой деятельности, воспитание потребности индивида во всестороннем развитии вступают в противоречие с рыночными отношениями, особенно в выборе форм проведения досуга и его содержания. Основное назначение учреждений культуры – создание условий для удовлетворения изменяющихся духовных потребностей граждан и формирование культурно ориентированной мотивации их досугового поведения, что требует значительных организационно-педагогических усилий и вызывает необходимость модерниза-

ции деятельности учреждений культуры, постоянного обогащения содержания, форм и методов ее осуществления [5].

В России досуг никогда не являлся праздным времяпрепровождением, а наполнялся разнообразным содержанием, вызванным необходимостью личности решать определенные культурные задачи. Поэтому понять смысл досуга и его особенности возможно, выявив тип культуры, в котором функционируют разные формы досуга. Досуговая деятельность обладает большим потенциалом для формирования нравственных ценностей молодежи. В тоже время дефицит положительных нравственных ориентиров досуговой деятельности может оказывать негативное, деструктивное влияние на развитие личности молодого человека, выступая как асоциальная деятельность.

Культурно-досуговая деятельность становится частью конкретно-исторической программы развития личности, что создает предпосылки для ее интеграции с производственной средой. Создание эстетически организованной среды, оказывающей свое воздействие на человека в условиях досуга, является одним из элементов социальной политики. Культурно-досуговая деятельность является одним из важнейших средств реализации сущностных сил человека и оптимизации социально-культурной среды, окружающей его. В ней интегрируются моменты креативного созидания, гносеологии и аксиологии. Она является важным фактором реализации ведущих принципов демократии: гласности, свободы слова, раскрепощенного сознания. Культурно-досуговая деятельность – процесс создания, распространения и умножения духовных ценностей. Это положение подтверждается определением, данным В. Я. Суртаевым: «Культурно-досуговая деятельность есть специализированная подсистема духовно-культурной жизни общества, функционально объединяющая социальные институты, призванные обеспечить распространение духовно-культурных ценностей, их активное творческое освоение людьми в сфере досуга в целях формирования гармонично развитой, творчески активной личности» [6].

На основе диалектики социального и индивидуального в систему культурно-досуговой деятельности включаются все учреждения культуры и средства массовой информации и то, что обеспечивает условия занятий домашним досугом. Система культурно-досуговой

деятельности включает сеть учреждений культуры разных типов (клубных учреждений, парков культуры и отдыха, музеев, библиотек, центров досуга, культурных комплексов, молодежных кафе, ночных клубов и т. п.); местные органы и управленческое руководство среднего и высшего звена; научные, средние и высшие учебные заведения, институты и курсы повышения квалификации работников культуры; материально-техническую базу учреждений культуры. Современная теория рассматривает культурно-досуговую деятельность как процесс освоения человеком мира, в основе которого лежит многосторонняя деятельность, имеющая собственные функции, цели, средства, результат. Культурно-досуговая деятельность – это система со сложной структурой, а ее виды на каждом этапе исторического развития упорядочиваются, приобретая определенное значение для человека и общества.

Социально-культурная деятельность регулируется в правовом отношении «Основами законодательства Российской Федерации о культуре» от 1992 г. [7]. В этом законодательном акте определены такие понятия, как: «культурная деятельность», «культурные ценности», «культурные блага», «творческая деятельность», «культурное достояние», «государственная культурная политика», а также сферы культурной деятельности; раскрыто содержание прав человека в области культурной деятельности.

Несмотря на трудности современной социокультурной ситуации, самым эффективным институтом культурно-досуговой деятельности является учреждение культуры, где досуговая деятельность становится систематической и

приобретает творческий характер. Клубные учреждения являются самыми массовыми учреждениями культуры, многообразными по своей типологии – это Дворцы и Дома культуры, Дома народного творчества, Центры национальных культур, Центры досуга, спортивные клубы. Клубное учреждение является одним из самых демократических социальных институтов общества, так как обеспечивает равный доступ всех групп населения к участию в культурной жизни общества, способствует саморазвитию и самореализации участников клубной деятельности, обеспечивает конституционные права граждан России на приобщение к культурному наследию и свободу творчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Азарова, Р. Н.* Педагогическая модель организации досуга молодежи: исследования досуга, виды и формы деятельности / Р. Н. Азарова. – М.: Научные сообщения. – 2005. – С. 37.
2. Российская социологическая энциклопедия / под общей ред. акад. РАН Г. В. Осипова. – М., 1998; *Гордон, Л. А.* Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне-рабочего времени / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. – М., 1972.
3. *Седова, Н. Н.* Досуговая активность россиян / Н. Н. Седова // Социологические исследования. – 2009. – № 12. – С. 56–68.
4. Социально-культурная деятельность: теория, технологии, практика: коллективная монография / ред.-сост. Л. Е. Осипова; науч. ред. В. Я. Рушанин / Челяб. гос. академия культуры и искусств. – Челябинск, 2005. – Ч. 1. – С. 206.
5. *Максютин, Н. Ф.* Культурно-досуговая деятельность / Н. Ф. Максютин. – Казань, 1995. – С. 21.
6. *Суртаев, В. Я.* Социально-педагогические особенности молодежного досуга / В. Я. Суртаев. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 31.
7. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Российская газета. – 1992. – 17 ноября.

УДК 069
ББК 79.1

Н. Е. Болдырева

**ГЕНЕЗИС ПРОМЫШЛЕННЫХ МУЗЕЕВ
КАК ЧАСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Волгоградский государственный медицинский университет

E-mail: n_boldyreva@vmzko.ru

Представлена история возникновения промышленных музеев Европы, России и Волгоградской области. Обосновывается значение промышленных музеев как неотъемлемой части культурного наследия человечества. Раскрыты особенности их становления за рубежом, в России и Волгоградской области.

Ключевые слова: промышленный музей, заводской музей, культурно-историческое наследие, промышленное наследие.

N. E. Boldyreva

**THE GENESIS OF INDUSTRIAL MUSEUMS AS A PART
OF THE CULTURAL HERITAGE OF HUMANITY**

Volgograd State Medical University

This article describes the history of industrial, factory museum as an integral part of the cultural heritage of mankind. The features of their development in Europe, Russia and the Volgograd region.

Keywords: factory museum, industrial museum, cultural and historical heritage, industrial heritage.

На современном этапе развития общества заметны тенденции к регионализации научных изысканий. Ведущие волгоградские исследователи, отмечая уникальное многообразие культурного наследия Волгоградской области, зачастую забывают о такой ее составной части, как заводские музеи. Волгоградская область является наиболее крупным по величине индустриально-аграрным районом Нижне-Волжского региона. Ее административный центр Волгоград исторически сформировался как город с развитой промышленностью. Вследствие этого огромный пласт культурного наследия города и области хранится в музеях промышленных предприятий. В советское время практически на каждом крупном заводе Волгограда был музей. Изменение социально-экономической ситуации в России в конце XX века, приватизация большинства российских предприятий повлекло за собой сокращение отчислений на социальную сферу, за счет которой шло содержание заводских музеев. На некоторых предприятиях страны и Волгограда музеи прекратили свое существование, поставив под угрозу невосполнимых потерь культурное наследие России и региона. Проблема сохранения заводских музеев в настоящий момент стоит чрезвычайно остро.

История заводских музеев пока не имеет монографического изложения и практически не изучена. Однако только через сохранение культурного многообразия, как отмечается в документах ЮНЕСКО и ООН, возможно сохране-

ние культурного наследия человечества. Музеи всех профилей, включая заводские, играют двуетадную роль, являясь как частью культурного наследия, так и основным инструментом его сохранения и трансляции. ЮНЕСКО относит музеи к научным и техническим учреждениям, необходимым для сохранения и популяризации культурных ценностей, под которыми подразумеваются предметы, представляющие историческую, художественную, научную и техническую ценность [1, с. 359–360].

Согласно действующей музейной классификации, заводские музеи принадлежат к группе промышленных музеев, собрания которых документируют историю развития и современный уровень промышленности в целом и ее отдельных отраслей и предприятий в частности. Их появление относится к XVIII веку и связано с осознанием в обществе необходимости содействия развитию различных видов производства [2]. Первый промышленный музей под названием Консерватория искусств и ремесел был учрежден в 1793 году в Париже. Как отмечают исследователи, «до 50-х гг. XIX века промышленные музеи не оказывали существенного воздействия на развитие промышленности, так как заключали в себе преимущественно собрания средневековых изделий и мало пользовались правительственной поддержкой» [3, с. 122]. Положение изменилось после Всемирной выставки 1851 года, проходившей в Лондоне, в результате обнаружения англичанами существ-

венного отставания в деле художественной промышленности от своих континентальных соседей, к тому же появилась опасность потери рынков сбыта. Уже на следующий год в «Marlborough-House» был основан промышленный музей орнаментального искусства. Но особенно важное влияние на развитие промышленных музеев Европы оказал учрежденный в 1857 г. в Лондоне Кенсингтонский промышленный музей. В нем были представлены всевозможные отрасли прикладного искусства. Благодаря взаимодействию данного музея с провинцией, в Англии возникло около 35 художественно-промышленных музеев. Их воздействие на английскую промышленность было настолько значительно, что уже на 2-й Всемирной Лондонской выставке (1862 г.) Англия поражала успехами по части резьбы и изготовления ценных материй. По примеру данного музея повсюду в Западной Европе стали учреждаться новые, а также преобразовываться уже существующие промышленные музеи. В некоторых из них помимо художественного отдела особое внимание уделялось техническому отделу, представляющему весь процесс производства. Образцами промышленных музеев являются: парижская «Conservatoire des arts et metiers»; Лионский музей шелковых изделий; берлинский «Kunstgewerbemuseum», примечательный одной из лучших в мире коллекцией шелковых тканей; баварский музей в Нюрнберге; штутгартский «Landesgewerbe», поставившей перед собой цель подъема местной промышленности, содействие возникновению новых и усовершенствование прежних производств, а также расширение рынка сбыта. Широкую известность приобрели брюссельский и венский промышленные музеи, а также музеи Швейцарии. Своеобразие швейцарских промышленных музеев в том, что они развивались по инициативе ремесленных артелей, имели небольшие размеры, были удачно приспособлены к местным нуждам мелких производителей. В начале XX века в ряде стран Западной Европы почти в каждом промышленном центре имелся промышленный музей.

Несмотря на то, что в России идея учреждения музея для целей промышленности была высказана еще в 20-х годах XIX века президентом московского общества сельского хозяйства князем Д. Б. Голицыным и одобрена Императором Николаем I, проект князя был реализован только в начале 70-х годов XIX века в Санкт-

Петербурге в здании Соляного Городка. Общий музей прикладных знаний включал отделы: учебно-педагогический и технический. Основанием для учреждения политехнического музея в Москве, являющегося на сегодняшний день одним из крупнейших промышленных музеев мира, послужили коллекции политехнической выставки 1872 года, устроенной московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии. Инициатором и президентом, этого общества с 1863 года был член-корреспондент Петербургской Академии Наук, профессор Московского университета, основоположник российской антропологии А. П. Богданов [4, с. 443]. По замыслу учредителей, Московский промышленный музей должен был явиться центральным для всей промышленной России. Однако в отличие от кенсингтонского музея российские столичные промышленные музеи не смогли стать стимулом для широкого распространения музеев данной категории по всей территории страны. Как отмечают исследователи, «этому помешало недостаточное распространение профессиональных знаний в России» [3, 124]. Основную количественную группу среди промышленных музеев составляют музеи заводов [5]. Их возникновение относится к первой половине XVIII века. В качестве примеров старейших из них можно назвать музеи инструментально-хирургического (1721) и фарфорового (1744) заводов в Петербурге, а также Тульского оружейного (1724).

Благоприятный экономический климат в стране способствовал появлению музеев на многих предприятиях в различных отраслях промышленности. Их изделия «должны были свидетельствовать как о высоком вкусе..., так и об исключительном уровне развития промышленности и технологии» [6]. К первой половине XIX века относится возникновение музея Ижевского оружейного завода [7]. Образцовое оружие и инструменты были там основными экспонатами и одновременно играли роль наглядных пособий в деле подготовки будущих оружейных мастеров. Созданию Нижнетагильского музея предшествовала заводская выставка, организованная к приезду в 1837 году на Тагильские заводы наследника престола, будущего императора Александра II. Почти одновременно с организацией выставки было отдано распоряжение о создании при новом заводоуправлении «музеума искусств». Он имел сложную структуру и в его состав входили

библиотека, собрание планов, лаборатория, коллекции (металлургическая, минералогическая, геологическая, местных растений и животных), обсерватория и исторический архив. В штате числилось четыре человека: приказчик, его помощник, лаборант и минералог [8, с. 15]. В 1835 году, благодаря мудрой государственной политике, в «Полный свод законов Российской Империи» вошло положение о создании заводских образцовых с гениально исчерпывающей формулировкой «...дабы быть – школой для мастеров, кладезем идей для художников и для облегчения соображения начальству» [9]. С этих пор в заводской образцовой, называемой также Музеем хрустала Дятьковского хрустального завода, начали собирать и хранить образцы массовой и серийной продукции, заказные произведения, пробы и эксперименты, модные заграничные изделия из стекла.

История свидетельствует, что определяющее влияние на создание промышленных музеев в Европе и России оказали идеи рационализма и просвещения. Производственные коллекции призваны были показывать историю развития техники, популяризировать технические знания в обществе и способствовать профессиональному образованию. В значительной степени дальнейшему становлению заводских музеев способствовали промышленные выставки мирового и регионального уровня.

Формирование музейной сети Волгоградской области началось еще в дореволюционный период. Однако данных, что в ее состав входили заводские музеи на сегодняшний день не выявлено. Недавно удалось обнаружить, что первый заводской музей в Волгоградской области появился на Сталинградском металлургическом заводе «Красный Октябрь» в 1931 году. В нем «были представлены поперечные и продольные разрезы темплетов опытных слитков и проката» [10]. Музей активно применялся для практической работы завода, находящегося в стадии освоения производства качественных сталей. Война прервала развитие музея предприятия, тем более, что территория завода стала ареной ожесточенной боев.

В послевоенные годы быстрому росту музеев промышленных предприятий содействовал Пленум ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся» (1964 г.). Решение Пленума поддержали руководители предприятий, партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Активное

участие в организации музеев и комплектовании их фондов приняли ветераны войны.

В 60-е годы XX века в нашем городе появилась целая плеяда заводских музеев: музей истории завода «Красный Октябрь» (1964), Волгоградского тракторного завода (1964), производственного объединения «Баррикады» (1967), завода им. Петрова и судостроительного завода (1968). В 1980-е годы музейная сеть Волгограда существенно пополнилась музеями «Химпрома» (1980), «Каустика» (1980), Волгоградского алюминиевого завода (1981), Волгоградского завода тракторных деталей и нормалей (1982). По данным Волгоградского областного краеведческого музея на 01.01.2010 г., в области насчитывается 289 музеев, из них – 220 школьных, 33 муниципальных, 22 корпоративных (из которых 10 заводских), 7 вузовских [11].

На своих относительно небольших площадях заводские музеи Волгоградской области хранят свыше 38 тысяч 400 единиц хранения.

Проблема сохранения в России заводских музеев сегодня стоит необычайно остро: отсутствие государственной охраны и пассивность общества приводят к тому, что бесценное культурно-историческое наследие оказывается принесенным в жертву сиюминутной экономической выгоде. Между тем в заводских музеях собираются иногда подлинные реликвии индустриального прошлого, значимость которых может выходить далеко за рамки только данного предприятия и региона. Эти коллекции могут быть интересны не только рядовому посетителю, но и серьезным исследователям. Это столь же безусловная часть общего культурного наследия России, как и собрания государственных музеев.

Ответом на интерес общества к достижениям науки и техники, назначению и последствиям ее использования, а также развитию промышленности стало создание специальных музеев – промышленных, заводских, избравших объектом своей деятельности сохранение и трансляцию историко-культурного наследия науки и техники. За последние десятилетия ими собрано значительное количество памятных, реликвийных предметов, коллекций, накоплен колоссальный практический опыт, который нуждается в изучении, осмыслении и трансляции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международно-правовые документы по вопросам культуры / сост. и науч. ред. сборника А. С. Запесоцкий. – СПбГУП, 1996. – 360 с.

2. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. – М.: Прогресс, Рипол Классик, 2001. – 416 с.
3. Брокгауз, Ф. А. Музеи промышленные: Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб.: Типо-Литогр. И.А. Ефрона, 1897. – Т. XX. – С. 122–124.
4. БСЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 3. – 640 с.
5. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов / под ред. К. Г. Левыкина, В. Хербста. – М.: Высш.шк., 1988. – 431 с.
6. Под царским вензелем // Мир музея. – 2007. – № 10 (242). – С. 21.
7. Мал золотник, да дорог // Мир музея. – 2011. – № 2(282). – С. 19.
8. Музей горнозаводского дела. Нижний Тагил: Книга-альбом // сост. И. Г. Семенов, Л. П. Малеева. – Екатеринбург: Изд-во «Баско», 1995. – 176 с.
9. Электронный ресурс: <http://www.goroddyatkovo.ru/modules/muzei/index.php>
10. Спорышков, П. Н. Музей истории завода «Красный Октябрь». НВФ № 524/1 / П. Н. Спорышков // Освоение заводом «Красный Октябрь» производства качественных сталей. 1926–1932 гг. – Волгоград, 1970. – С. 87.
11. ВОКМ. Научно-справочный аппарат методического отдела.

УДК: 7.091

С. Н. Ледушкина

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СУБЪЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПАРАДОКСЫ КОМПЬЮТЕРНОГО ИСКУССТВА

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

E-mail: krasilnikova.sof@gmail.com

Широкое применение компьютерных технологий в области искусства является одним из актуальных принципов современного этапа его исторического развития. Охватывая различные стороны художественного мышления и творческой деятельности, данный процесс включает в себе как технические, так и практические аспекты. Их изучение и анализ носят исторически значимый характер.

Ключевые слова: новые технологии, новые художественные направления, компьютерное искусство, виртуальная культурная среда, компьютерная виртуальная реальность.

S. N. Ledushkina

NEW TECHNOLOGIES AND SUBJECTS OF ART COMMUNICATIONS: PARADOXES OF COMPUTER ART

Dubna International University Of Nature, Society, And Man

Wide application of computer technologies in the field of art is one of actual principles of the present stage of its historical development. Covering the various parties of art thinking and creative activity the given process comprises both technical, and practical aspects. Their studying and the analysis have historically significant character.

Keywords: the new technologies, new art directions, computer art, the virtual cultural environment, a computer virtual reality.

С середины XX века развитие информационных и коммуникационных технологий обозначило понимание культуры как «метасистемы самостоятельных системных образований и метамеханизма как основы ее регулирования» [1]. Как замечено французским философом и социологом М. Кастельсом, «информация в самом широком смысле, то есть как передача знаний, имела критическую важность во всех обществах, включая средневековое» [2, с. 141]. Согласно Ф. Энгельсу, информационный взрыв был вызван ростом научно-технических достижений и засвидетельствовал начало последней на сегодняшний день информационной революции. Однако ее начало связывают с изобретением в 30-х годах XX века электронно-вычислительных машин. С этого момента проблема информатизации и программирования общества принимает радикальный оборот.

В книге «Искусство и ЭВМ» французский психолог А. Моль рассматривал культуру как совокупность сообщений, пытаясь исследовать «норму оригинальности» с применением математических терминов. Вывод, который он делает в итоге, звучит на первый взгляд шокирующе: если искусство – это всего лишь эстетическая информация, значит, ее можно закодировать в суперзнаках, то есть запрограммировать [3, с. 315]. Из этого следует, что любое произведение искусства может быть создано с помощью компьютера!

Американскому математику и художнику Б. Лапоски удалось впервые создать компьютерные изображения, применив для этой цели аналоговые вычислительные машины. В результате этих опытов, осуществленных с помощью катодной трубки осциллографа, были созданы изображения, впоследствии названные

ученым «Электронными абстракциями» или «Осциллонами». По сути это были перемещения электронных лучей на флуоресцентной поверхности трубки осциллографа. По словам самого Б. Лапоски, идея осциллонов возникла у него благодаря экспериментам с различными математическими системами. Его современник Г. Франке создал ряд абстрактных композиций, имеющих отдаленное сходство с трехмерными рисунками. С 1950-х годов экспериментируя с простейшей компьютерной графикой и в дальнейшем пройдя путь от аналогового до цифрового вычисления, от механических графопостроителей до экрана с высоким разрешением и большой цифровой палитрой, он опубликовал результаты своих исследований в книге «Computer Graphics – Computer Art», ставшей первой в этой области [4]. Однако Г. Франке не удалось получить первенство за обладание исключительно эстетической ценностью в области компьютерной графики. Оно принадлежит американцу Майклу Ноллу, сконструировавшему в 1970-х годах ряд системных устройств 3D-ввода, с помощью которых он разработал ряд графических проектов. Одним из них стал «Компьютерный балет», являющийся к тому же и первой компьютерной анимацией. Этот своеобразный стилизованный танец в числе прочих работ был экспонирован на первой в истории выставке цифровой графики в Нью-Йорке в 1965 году.

В каком бы ключе не рассматривался исторический процесс, его неотъемлемой частью была и остается информация – ее получение, трансформирование, аккумуляция и использование. «Информационная составляющая и образующая истории, – по словам А. И. Ракитова, – играет в ней фундаментальную системообразующую роль» [5]. Но поскольку искусство представляет собой специфическую форму общественного сознания, отражающую действительность в художественных образах, «существование информационного пространства дает возможность взглянуть на процесс творчества не только как на самостоятельный процесс создания индивидом новых и социально значимых интеллектуальных и материальных артефактов, но и как на процесс подключения творческого индивида к информационному пространству» [6]. Трансформируя интеллектуальный продукт, накопленный информационным обществом через системы обработки информации, компьютерные технологии качественно изме-

няют само поле искусства. По прогнозу А. Моля, сделанного еще в 60-е годы XX столетия, «с помощью компьютера, могущего запоминать, синтезировать и воспроизводить широчайший ассортимент аудио и визуальных сегментов» – звук, тексты, статические и динамические абстрактные изображения, – «каждый художник, занимаясь комбинаторикой, пермутацией этого разнообразнейшего знакового материала, будет создавать уже не просто новые произведения искусства, а новые его виды!» [3, с. 265]. К таким видам сегодня относятся, net-art, и media-art, частью которых компьютер, собственно, и является. Кинематограф, будучи преемником величайших достижений прошлых эпох, в свое время синтезировав эстетические свойства литературы, живописи, театра, музыки, был основой экранной культуры как качественно новой формы передачи информации. Осуществляя почти мгновенную ее обработку, технические средства сжимают пространство и ускоряют время, создавая при этом достоверно воспринимаемую и переживаемую иллюзию, а, программируя прошлое, настоящее и будущее в одном и том же сообщении, они формируют новую виртуальную культурную среду, существующую вне времени и пространства. «Это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания» [2, с. 217].

Двадцатый век, взорвав традиционные представления об искусстве, обозначил тенденции развития новых художественных направлений. Атональная музыка, абстрактная живопись, сюрреализм, прочие авангардные течения свидетельствуют о распространении идей демократизации культуры, поиске новых ходов в художественном творчестве, отказе от трансцендентных идеалов и унификации социальных адресатов. Однако деструкция классических форм, переориентация с художественного произведения на процесс его создания, с автора на массовую аудиторию, с вербальности на интерактивность, в ряде случаев лишив искусство предметности, оставили его единственным отличительным признаком непосредственно творческий акт. Акцентируя внимание на исследовании творческого процесса, следует заметить, что различие между группами искусств выступает прежде всего во взаимоотношении между художником и зрителем. В 60–70-е годы прошлого века приверженцами данного принципа стали художники постмодернистского на-

правления, отражающего художественные события или процессы, рассчитанные как на участие самого художника, так и на зрителей. Смешение театральные элементы с реальными объектами и явлениями свойственно и традиционным видам искусства. Но в отличие от театрализованного действия незапланированность, импровизационность, манипулятивность такого явления, как перформанс с его изоморфизмами стирает грань между реальностью и художественным творчеством, давая выход лишь бессознательным побуждениям. Эта особенность сближает компьютерное искусство в первую очередь с хеппенингом. Хотя в данном случае речь может идти лишь о художественном процессе, а не готовом продукте, ведь эпизоды хеппенинга соотносятся между собой скорее композиционно и эмоционально, нежели подчиняясь какой-либо логике. Подобно тому как хеппенинг разыгрывает идею, смысл и цель которой заключены одновременно в ряде сцен, компьютер может выполнять роль подмошников для управления арт-объектами, с целью расширения художественного языка. Примером формы движущегося произведения могут служить элементы визуализаций, в которых графические объекты играют не меньшую роль, чем импликации живых участников в акциях хеппенингов. Но в отличие от перцептивного мира, «электронное изображение передает только цвет и создает иллюзию материала. Энергия живет в цвете, не привязанная к определенному способу физического исполнения и как бы идеализирующая идею» [7]. Вещественно, физически произведения как бы не существует, есть только определенная частота обновления сигнала процессора, производящего постоянно изменяющуюся идею. Между тем «цель искусства, – по мнению Ю. Лотмана, – не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения» [8]. Не случайно, что идея, стоящая за произведением, или его концепция чаще оказываются важнее технического совершенства исполнения. Однако стремление вписать артефакт в окружающую среду, обыграть естественную фактуру материалов с помощью оригинальных пространственных решений объединяет концептуалистические элементы с media-art и net-art. Утверждая тезис «искусство как идея», концепция – основная мысль, передаваемая в компьютере при помощи текстов, карт, видеопленок, фотографий, «переакцентирует ценность, традиционно ассо-

цированную с материальностью арт-объектов, в пользу обнаружения семантических систем (семантическими единицами в данном случае можно считать языки программирования, которые делают значение способным к коммуникации)» [9]. Примером этому может служить дизайнское оформление интерфейсов программ, стилей desktop, web-страниц, где структурированная концепция вписана в ограниченное пространство. Их инвариантность и дискретность отчасти способствуют усилению концепции, поскольку, по П. А. Флоренскому, техника создания, инструмент, возможности его взаимодействия с восприятием (в первую очередь с восприятием самого художника) составляют азбуку средств выразительности [12].

Между тем в мировой культурной практике до сих пор еще не снят вопрос о том, могут ли объекты пермутационных явлений, в частности, того же перформанса, являться произведениями искусства; старые границы исчезли, новые пока не ясны. В связи с этим и деятельность художника лимитирована постижением новых областей, и освоением новых возможностей. Тем не менее исторической преемственностью, как явление культуры XX века, перформанс опирается на опыт футуристов, дадаистов и сюрреалистов. Его существенное в отличие от других визуальных искусств состоит в том, что создатели акций не представляют никого и ничего, кроме самих себя, и главным оказывается не результат работы, а ее процесс. Поэтому в перформансе всецело доминирует сам художник или специально приглашенные и подготовленные статисты. Примером подобных акций может служить, в частности, мультимедийный проект С. Тетерина «Кино из мясорубки» в котором для воплощения незатейливой идеи его автором использовался оригинальный художественный элемент (так называемая «кино-мясорубка», условно проектирующая кинопоток), превратившийся в РС-совместимое устройство. Голофрагментические акции, подобные этой, не требуют глубокого интеллектуального исследования, но в них заключена идея, завуалированная в определенную художественную форму. Подобная бесперспективная роль компьютера в искусстве была чрезвычайно актуальна в эпоху зарождения акционизма и расцвета андеграунда, когда ни для каких иных художественных целей компьютер не годился. Автор рассматривает ее лишь с позиции отдельного элемента художественного языка, тем более что самой

привычной для большинства является роль компьютера в качестве универсального инструмента, с помощью которого художник в состоянии обрести практически неограниченную свободу творчества. В цикле работ художника пространственной живописи Ольги Кугемер с помощью света, цвета и линий смоделирована идея синкретизации кино, музыки, живописи и танца. Это своего рода попытка уйти от однозначности, конкретности, манипулируя прежде всего абстрактными, размытыми формами, пятнами, линиями, жестами, уйти от значений, апеллирующих к сознанию, создать некоторую азбуку средств, где были бы только свет, цвет, жизнь фактуры, световых пятен, непонятных расплывчатых очертаний, неизвестных никому предметов. И среда компьютерных инструментов способствует этому.

Изменения, произошедшие в культуре и обществе в связи с вступлением в эпоху постмодернизма, указывают на то, что именно в их контексте следует рассматривать распространение новых технологий в искусстве, то есть компьютерные виртуальные реальности – не случайное явление современной цивилизации, а фе-

номен – соответствующий уровню развития общества и современных форм культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Егоров, Б. Ф.* Искусственный интеллект как метамеханизм культуры / Б. Ф. Егоров, М. Б. Игнатъев, Ю. М. Лотман // *Ежеквартальник русской филологии и культуры. – Russian Studies*, 1995. – 277 с.
2. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. *Моль, А.* Искусство и ЭВМ / А. Моль, В. Фукс, М. Касслер. – М.: Мир, 1975. – 557 с.
4. *Франке, Г. В.* Компьютерная графика: компьютерное искусство / Г. В. Франке. – М., 1971. – 75 с.
5. *Ракитов, А. И.* Новый подход к взаимосвязи истории, информатики и культуры: пример России / А. И. Ракитов // *Вопросы философии*. – 1994. – № 4. – С. 14–34 с.
6. *Негодаев, И. А.* Информатизация культуры: монография / И. А. Негодаев. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2003. – 113 с.
7. *Портнов, А.* Мольберт или Painter? / А. Портнов. – М.: Мир ПК, 2003. – 52 с.
8. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 118 с.
9. *Горючева, Т.* Эстетические и технологические эксперименты российского видеоискусства. Взаимодействие искусства, науки и технологий. Российский вариант медиапоэтики / Т. Горючева. – М., 2002. – 49 с.
10. *Флоренский, П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М., 1993. – 94 с.

УДК [001.18+37.01]

С. А. Смольникова

СПЕЦИФИКА ЛИДЕРСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Международного университета природы, общества и человека «Дубна»
E-mail: Smallmalibu407@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы определения сущности и роли лидерства в творческой сфере, специфика управления творческим коллективом. Автор статьи анализирует и выявляет основные принципы лидерства и его роли в управлении творческим музыкальным коллективом. На основе изучения деятельности известных музыкальных лидеров и их коллективов определены основные факторы, определяющие способность оркестрового коллектива создавать высококлассную продукцию, востребованную на внутреннем и международном музыкальных рынках.

Ключевые слова: лидерство, управление, творческий коллектив, дирижер, системный подход, поведение лидера.

S. A. Smolnikova

SPECIFICITY OF LEADERSHIP IN ARTISTIC AND CREATIVE COLLECTIVES: METHODOLOGICAL ASPECT

Dubna International University Of Nature, Society, And Man

In this text we consider the problems of defining the essence and the role of leadership in creative environment, the specificity of the creative team management. The author analyzes and reveals the basic principles of leadership and its role in the management of creative musical team. Due to the observation of work of famous musical leaders and their teams we identify the key factors of ability of orchestra-team to create the high-class orchestras products, which are in demand in domestic and in international markets.

Keywords: leadership, management, creative team, the conductor, systems concept, behaviour of leader.

В теории и практике наук об управлении проблема соотношения эффективности управления и лидерства – одна из самых ключевых.

Любой руководитель, обеспокоенный эффективностью своей работы, стремится стать лидером. В самом широком смысле лидерство мож-

но определить, как способность влиять на других в достижении определенной цели.

Научным направлением, которое активно разрабатывала западная управленческая мысль, было исследование проблем лидерства в управлении. Первоначально исследования на тему лидерства касались относительно малого числа великих людей, которые живут в любом обществе, работают в любой организации, обладают определенными чертами характера, которые присущи не всем и не в одинаковой степени.

Примерно в середине XX века научные исследования в области лидерства столкнулись с неразрешимыми задачами, когда подход, основанный на чертах характера и направленный на идентификацию личных качеств выдающихся лидеров, оказался безрезультатным. В этом случае приходилось иметь дело со слишком большим числом исключений, относящихся почти к каждой черте характера. Диалектика взяла свое, и центр внимания был перемещен на поведение лидера. Это означало повышенный интерес к тому, что подразумевается под понятием «лидерство», свойственным ему методам руководства, представлениям лидера о руководимыми им людьми. Так появились теории лидерских качеств или, как говорят специалисты, искусство лидерства.

Но если такие теории нашли достаточно полное обоснование в разнообразных сферах общественного производства, то в теории и практике художественной жизни заявленная проблема не рассматривалась практически совсем. Это не означает, что самой проблемы лидерства в художественной сфере не существует. Более того, мировая история искусства свидетельствует о том, что творческий продукт всегда связан с конкретным именем, с яркой и неординарной личностью. Особенно, если речь идет о продукте, создаваемом сообществом творческих субъектов, как это происходит, например, в оркестровых коллективах. Один из самых сложных типов музыкального лидерства – это лидерство дирижерское.

Процесс исторического развития и становления дирижирования шел с идущим параллельно преобразованием оркестра из объекта механических воздействий дирижера в его равноправного партнера, из субъекта общения – в музыкальный коллектив.

Т. Адорно подчеркивал, что дирижеры как лидеры музыкальных коллективов предстают трансляторами классического искусства, ока-

зывая огромное воздействие на художественный вкус новых поколений, помогая совершенствовать каждую личность в отдельности и общество в целом [2]. И только в том случае эта высокая миссия способна реализоваться, когда личность самого дирижера обретает уникальное лидерское звучание.

Личность лидера и стиль его поведения во многом определяют судьбу каждого участника творческой деятельности, да и всей группы в целом. Научная новизна исследуемой проблемы заключается в обосновании применимости методов управления творческим коллективом, стилей лидерства дирижера, выявленного набора специфических лидерских качеств, необходимых для эффективной работы с коллективом.

Следует учитывать при этом, что на проблему лидерства в современном обществе влияют факторы глобального рынка, массовых коммуникаций и постмодернистской культуры. Наличие столь качественно разных факторов влияния требует особых приемов анализа лидерства в творческом коллективе.

Каждое действие дирижера, каким бы оно ни было по своему смысловому значению, подразумевает актуально или потенциально ответное действие, реакцию оркестра, то есть реализуется в практике постоянного взаимодействия с исполнителями.

Профессионализм музыкального руководителя подразумевает достаточный уровень стабильности в достижении художественных результатов, осознанных методов и умений. Для того, чтобы внутренние механизмы, объективные закономерности общения стали эффективным средством управления коллективом, профессиональным инструментом в руках дирижера, необходимо целесообразно организовать сам процесс взаимодействия между ним и остальными участниками совместных действий.

Основой общения, цементирующим материалом, объединяющим дирижера и оркестр в единую систему деятельности, является взаимонаправленное внимание руководителя коллектива в его различных модификациях и проявлениях. Разрушение состояния внимания творческих партнеров к результатам и динамике развития совместных действий немедленно ликвидирует и всю систему их взаимодействия, лишив ее эффективности и предметной направленности. Так что художественному руководителю необходимо профессионально устанавливать и поддерживать эмоциональные контакты

с солистами, группами исполнителей и оркестром в целом, знать основные закономерности построения рабочих процессов.

Дирижер имеет выявленную способность к постоянному распределению своего внимания между большим количеством объектов, составляющих в совокупности динамическую структуру его творческого взаимодействия с оркестром, стремится развивать ее и совершенствовать. Без этого он не сможет руководить симфоническим коллективом. Процесс дирижирования – не совокупность специфических профессиональных действий, а целостное образование, система, в частности, система взаимодействия с оркестром.

Такая система состоит из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, расположенных в определенном, целесообразно организованном порядке. Поэтому представляется, что наиболее эффективно рассматривать такую целостность с позиций системного подхода. Он дает возможность более рационально организовать и классифицировать эмпирический материал, полученный в ходе исследования. Одной из положительных сторон этого метода является способность объяснения и структурирования накопленных данных, что позволяет использовать богатейший опыт прошлых поколений дирижеров.

Кроме того, системный подход выявляет своеобразный проблемный треугольник, три ключевых фактора, характерных именно для проблемы лидерства в оркестровом коллективе:

лидерские качества руководителя, социальное поведение (имидж) дирижера и функциональные модели ситуаций, в которой действует руководитель творческого коллектива. Именно учет и глубокий анализ этих факторов в совокупности с применением методов системного анализа должен вести к решению проблемы эффективного лидерства в творческом коллективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Адорно, Т.* Социология музыки / Т. Адорно // Дирижер и оркестр. Социально-психологические аспекты. – СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 44.
2. *Адорно, Т.* Эстетическая теория / Т. В. Адорно. – М.: Республика, 2001. – С. 22.
3. *Богоявленская, Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества / Д. Б. Богоявленская. – Ростов, 2003. – С. 32, 88.
4. *Вейнгартнер, Ф.* Дирижер / Ф. Вейнгартнер, А. Р. Копылова // Дирижерское исполнительство. – М., 1996. – С. 47.
5. *Ержемский, Г. Л.* Психология дирижирования / Г. Л. Ержемский // Процесс идентификации возрастных коллективов. – М., 1983. – С. 12–17.
6. *Иванов-Радкевич, А.* О воспитании дирижера / А. Иванов-Радкевич, А. Н. Соколов. – М.: Мир, 2007. – С. 32–34.
7. *Борщ, Л. Д.* Имидж лидера организации и социальный климат в коллективе / Л. Д. Борщ // PR в образовании. – 2007. – № 4. – С. 56–57.
8. *Цалок, В. А.* Творчество: Философский аспект проблемы / В. А. Цалок. – Кишинев, 2005. – С. 35.
9. *Серавин, А. И.* Исследование творчества. Возможность определения творчества / А. И. Серавин [Электронный ресурс]. – СПб., 2005. – Режим доступа: <http://azps.ru/polpsy/lib/seravintvor/index.html>

УДК 316:347
ББК 60.56

Б. Р. Могилевич

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

E-mail: mogilevich@sgu.ru

Глобализация оказывает влияние на все аспекты современной социальной реальности. Межкультурная коммуникация становится частью социальной коммуникации, при этом ее основные концепты (оппозиция «свой-чужой», конфликт, стереотип, толерантность) получают новое содержание обусловленное социокультурной спецификой.

Ключевые слова: глобализация; социальная коммуникация; социальное действие; полиэтничность; межкультурная коммуникация.

B. R. Mogilevich

**THE SPECIFIC NATURE OF SOCIAL COMMUNICATION UNDER
CROSSCULTURAL INTERACTION**

Saratov State University

Globalization influences all aspects of modern social reality. Crosscultural communication becomes inseparable of social communication, its main concepts (the opposition «own-alien», conflict, stereotypes, tolerance) getting the new content under sociocultural specific nature.

Keywords: globalization, social communication, social action, polyethnicity, crosscultural communication.

Коммуникация представляет собой процесс обмена информацией, ведущий к взаимопониманию и взаимодействию, в результате которого реализуются социальные отношения членов социума. Социальная коммуникация выступает сложным, многоуровневым, разноаспектным процессом движения социальных смыслов в социальном пространстве и времени, имеющим неоднозначную структуру и свои формы презентации на различных стадиях развития социума. Без учета этих моментов невозможно социологическое осмысление специфики современной, особенно межкультурной коммуникации, столь значимой в условиях современной глобализации.

Общение представителей разных культур в результате глобализации стало обычным и необходимым условием их успешной социализации в современном мире. Возрастает количество людей, принимающих участие в межкультурных конференциях, компаниях, издательст-

вах, культурных и научных форумах. Достижение взаимопонимания в целях взаимовыгодного взаимодействия невозможно без глубокого знания норм и правил иноязычной культуры. В процессе межкультурной коммуникации с участием многих индивидов (групп) происходит соединение этих значений в единую точку зрения, которую Д. Мид называл «установкой обобщенного другого». При принятии роли другого индивиды эмпатийно воспринимают чужую культуру, что требует определенного уровня лингвистических и экстралингвистических знаний как основы формирования межкультурной компетенции. В процессе межкультурного социального взаимодействия эмпатия переходит в стадию признания плюрализма культур в виде позитивного восприятия культурных различий. Плюрализм возможен в результате тесных социальных связей коммуникантов, прямых / косвенных, односторонних / многосторонних, формальных / неформальных.

Например, чтение литературы на иностранном языке с целью расширения кругозора, эрудиции, повышения профессионального уровня – косвенная социальная связь; проведение деловых переговоров – прямая социальная связь; процесс обучения – многосторонняя социальная связь; отношения субординации в армии – формальная социальная связь и т. д.

Социальное межкультурное взаимодействие осуществляется при помощи символов (вербальных, невербальных, паравербальных), общее значение которых является необходимым условием его осуществления. Причем стадии адаптации, эмпатийности и плюрализма сменяются взаимной интеграцией, сопровождаемой контекстуальной оценкой. Эта стадия характеризуется тем, что формируется универсальная межкультурная личность, способная к осознанию и принятию межкультурной социальной реальности, выбору поступков, адекватных социокультурному контексту с учетом пространственно-временных параметров коммуникации.

Согласно теории Т. Парсонса, социальное действие осуществляется при наличии триады – деятеля (включает потребности и цели); ситуации (условия, при которых действует деятель); ориентации деятеля на ситуацию (контекстуальная оценка ситуации для осуществления конкретной цели). Этот процесс представляет собой оценку коммуникантами особенностей ситуации в контексте разницы культур и выбор адекватных способов осуществления межкультурной коммуникации [5]. Сопряжение социальных действий и их возобновление в процессе межкультурного социального взаимодействия представляет собой диалектический процесс понимания действий другого, что является проекцией веберовского понимания на процесс межкультурной коммуникации. Анализируя теории П. Бергера и Т. Лукмана о создании реальности социальными индивидами, можно предположить, что и в процессе межкультурной коммуникации индивиды познают мир в процессе его созидания [1]. Повседневная межкультурная коммуникация тоже есть создание социальной реальности в процессе ежедневного социального взаимодействия представителей разных культур в условиях полиэтнической социальной среды [3].

Исходя из вышеизложенного, предлагается следующее определение межкультурной коммуникации в контексте социологического зна-

ния – межкультурная коммуникация представляет собой процесс социально-культурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного вида социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов. Социокультурная ситуация представляет собой процесс противостояния идентичностей, характеризующийся актуализацией стремления индивидов к унификации и отождествлению со своей культурой, а, с другой стороны, тенденцией к уникальности и обособленности от чужого. Концепт «свой-чужой» проявляется на всех уровнях социокультурного взаимодействия любого социума в разных контекстах. В процессе межкультурной коммуникации каждая идентичность привносит свои специфические параметры и точки зрения на определение значимости своего и чужого.

Базовые концепты межкультурной коммуникации (оппозиция «свой-чужой», конфликт, стереотип, толерантность) получают новое содержание в контексте их рассмотрения в терминах социальной природы явления. Оппозиция «свой-чужой» представляет собой конфликт идентичностей на всех уровнях межкультурного взаимодействия в свете противостояния систем открытого и традиционалистского обществ, для преодоления которого необходима толерантность как социальное явление, означающее уверенность в правоте своих убеждений и действий одновременно с признанием объективности существования иных морально-ценностных норм и стремлений к позитивному диалогу.

Концепт «свой-чужой» проявляется в повседневной жизни любого социума, причем он может проявляться в социальном, национальном, культурном и политическом контекстах, а чаще всего в их сочетании. В процессе межкультурной коммуникации представители разных культур (носители разных языков) привносят свое видение мира, основанное на своих социокультурных нормах существования, причем именно в процессе межкультурного взаимодействия создается целостная общая картина мира, общая цивилизация. Оппозиция «свой-чужой» подразумевает существование у каждой стороны своих специфических параметров и точек зрения на определения значимости социальных, культурных и политических явлений жизни своего и чужого социума и цивилизации в целом. Национальные особенности в оценке значимости социальных явлений находят свое от-

ражение в разных определениях дозволенного и недозволенного, продуктивного использования времени и пространства, определения мер размерности и золотой середины. Так, мультикультурные конфликты, такие как дело Салмана Рушди в Великобритании, проблема платков во Франции, вызвали этнокультурные конфликты, в основе которых лежали претензии на идентичность и внедрение религиозно-культурных обычаев в правовую культурную среду принимающих стран [2].

Концепт «свой-чужой» всегда существует в этническом менталитете, причем чаще всего он представлен в виде иррациональных суждений, образов, оценок [4]. Носители разных культур в процессе социального взаимодействия существуют не только в материальном мире объективной действительности, но и в мире социальных взаимоотношений, составными частями которого являются морально-ценностные нормы, традиции, обычаи, язык, конфессиональная принадлежность, идеология – все то, что составляет их духовный мир. Каждое государство, каждая социальная группа, каждый индивид обладают своим духовным миром. Восприятие окружающей объективной действительности, обусловленной совокупностью материальных, социальных и духовных составляющих мир индивида, социальной группы и государства, определяет их отношения к оппозиции «свой-чужой». Современная социокультурная мировая ситуация характеризуется как сложное, противоречивое явление, имеющая далеко идущие последствия.

Концепт «свой-чужой», по сути своей, предполагает противостояние, конфликт. Для успешного разрешения конфликта большое значение имеет толерантность как социальное явление, как свойство индивида, группы, государства. Толерантность необходима по отношению к особенностям различных народов, наций и религий. Она является признаком уверенности в себе и сознания надежности своих собственных позиций, признаком открытого для всех идейного течения, которое не боится сравнения с другими точками зрения и не избегает духовной конкуренции.

Социологический подход к исследованию толерантности включает в себя изучение механизмов фасилитации, что означает воспитание качеств толерантности (семинары, тренинги). Только учет того обстоятельства, что толерантность представляет собой компонент ценност-

но-нравственных личностных установок, то есть ориентирована на индивидуальность, создает наиболее благоприятные условия формирования качеств толерантности.

Именно этот подход лежит в основе социологического изучения толерантности как актуализации сознательной социальной и индивидуальной мотивации. Следуя этой микросоциологической позиции, толерантность – это осознанная, осмысленная житейская позиция, которая предполагает ответственность социума и индивида в каждой конкретной ситуации. Будучи поликомпонентным явлением, толерантность может быть рассмотрена с точки зрения социологического диверсификационного подхода. Она не может быть рассмотрена линейно, поскольку предполагает разные уровни формирования, функционирования, применительно к каждой конкретной ситуации [6]. Многомерность феномена толерантности отражается в наличии границ толерантности, которые зависят от многих параметров: человеческие слабости, снижение порога сопротивляемости, утрата собственной идентичности.

Индивид социализируется в обществе в процессе социальной коммуникации с другими индивидами, социальными группами и государством. Усвоение накопленного опыта предшествующих поколений передается в большой мере посредством стереотипов – «обобщения и общения, коммуникации и мышления». Усвоение стереотипов как один из способов социализации личности представляет собой процесс «социально санкционированной информации», как процесс социальной коммуникации.

Национальный стереотип представляет собой сложное структурированное явление, в котором довольно часто присутствуют неприятие, осуждение другого, чужого одновременно с позитивной оценкой. Известно, что негативное и позитивное в стереотипах обусловлено социокультурным, политическим и историческим развитием. Угнетаемый и притесняемый народ создает негативный стереотип угнетателей, в свою очередь и завоеватель (угнетатель) создает негативный стереотип тех, кого стремится завоевать, для оправдания своих действий.

Процесс межкультурной коммуникации, интегрируя оппозицию «свой-чужой», включает стереотипизацию как механизм регуляции, социализации и аккультурации индивидов. Стереотипы как гносеологические константы возникают в тех ситуациях, когда индивиды,

социальные группы и государства дают социальные, идеологические, культурологические и нравственные оценки явлений объективной действительности в контексте своих социальных норм. Особого внимания заслуживает когнитивный характер стереотипов как обобщений понимания индивидом социально обусловленной окружающей действительности.

Возникающие национальные стереотипы представляют собой упрощенный, стандартизированный образ, усваиваемый в готовом виде, и обусловлены социокультурной мотивацией индивидов. Базовым является то, что более всего релевантно социуму в данный период его развития. Становление и развитие национальных стереотипов в контексте национальной идентичности связано с динамикой функционирования языка, проявляющегося и как его основной компонент, и как результат развития. Межкультурные стереотипы обусловлены наличием у каждого индивида коммуникативного сознания в виде совокупности норм и правил коммуникации, существующих в виде универсальных и специфических прескрипций коммуникативного поведения, присущего каждой социокультурной общности. Коммуникативное поведение существует в рамках стереотипов, которые могут меняться, исчезать, заменяться другими. Национальные стереотипы обусловлены социокультурным, политическим и историческим развити-

ем нации и определяют процесс социализации индивида в многонациональном мире.

Межкультурная коммуникация не исчерпывается взаимодействием индивидов, принадлежащим разным культурам и говорящим на разных языках. В основе всякой коммуникации лежит взаимодействие между индивидами, обладающими разными социальными статусами, отражающими их социокультурную природу. В период глобализации межкультурная коммуникация невозможна без установления социальных связей представителей разных культур, необходимых для социализации в глобальном мире, для предотвращения конфликтов и противостояния любым формам агрессии и терроризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
2. Глухова, А. В. Социально-культурный конфликт как фактор современного политического процесса / А. В. Глухова // Логос. – 2005. – № 4. – С. 185–200.
3. Гоффман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. – М., 2004. – 750 с.
4. Ноэль, Э. Массовые опросы: введение в демонологию / Э. Ноэль. – М., 1993. – С. 230.
5. Парсонс, Т. Системы современных обществ / Т. Парсонс. – М., 1997.
6. Петтай, И. Взаимная толерантность эстонцев и не эстонцев / И. Петтай // Интеграция эстонского общества. Мониторинг 2000. – Таллин, 2000. – С. 6–10.

УДК 316.7

Я. И. Галеева

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Курский государственный университет

E-mail: yanagaleeva@yandex.ru

В статье изложены результаты контент-анализа публикаций в региональной прессе Курской области. В ходе анализа выявлена неоднозначность роли региональных печатных СМИ в формировании культурной идентичности населения региона. Предлагаются пути разрешения сложившихся проблем в обозначенной области.

Ключевые слова: культурная идентичность, региональная идентичность, глобализация, информационное общество, региональные средства массовой информации, политика, культура, самосознание.

Y. I. Galeeva

CULTURAL IDENTITY IN THE REGIONAL PRESS

Kursk State University

The results of the content-analysis of publications in a regional press of Kursk area are stated in this article. During the analysis ambiguity of a role of regional printing mass-media in formation of cultural identity of the population of the region is revealed. Ways of the permission of the developed problems to the designated area are offered.

Keywords: cultural identity, regional identity, globalization, an information society, regional mass media, a policy, culture, consciousness.

Рубеж XX–XXI веков знаменуется усилением глобализационных процессов. Разворачивание данной тенденции вносит коррективы в со-

циокультурную самобытность народов. Кроме того, под влиянием глобализации происходит внутренняя трансформация как самих обществ,

так и самосознания составляющих их субъектов, сопровождающаяся кризисом идентичности.

Современная ситуация в России показывает, что сфера национально-культурной идентичности социальных общностей более всего подвержена амбивалентному нивелирующему воздействию глобализации: с одной стороны, этот процесс требует интеграции России в мировое экономическое пространство, ориентации на международные стандарты и ценности, а с другой стороны, в российском обществе происходит акцентирование национально-культурной специфики и нарастание национального самосознания народа. В связи с этим актуализируется поиск перспектив самосохранения наций и национальной культуры в сообществах современного интенсивно и безгранично глобализирующегося мира, разрушающего традиционные коллективные, в том числе национальные культурные идентичности.

Понятие «идентичность» широко используется в современном социально-гуманитарном знании. Американский психолог Э. Эриксон определяет идентичность как субъективное ощущение своей самотождественности, которое является источником энергии и преемственности, то есть осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве [3, с. 17]. Важность этого процесса обусловлена тем, что каждый человек нуждается в упорядоченности своей жизнедеятельности. Поэтому суть культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентации и языка, понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Особую остроту сегодня приобретает как проблема создания и развития культурной идентичности, так и проблема ее применения в повседневной жизни, востребованности в современных социокультурных реалиях, где идентичности социально конструируются и творчески создаются индивидами как любой искусственный объект.

Сила традиционных источников идентичности – религии, семьи и работы – уменьшилась пропорционально возрастающему влиянию средств массовой информации, досуговой ак-

тивности и потребительского образа жизни, что привело к углублению и так уже осложненного кризисным состоянием современного общества процесса формирования социокультурной идентичности личности. СМИ дают возможность расширения границ общения, осуществления межкультурного диалога. Но процесс глобализации с помощью информационных технологий разрушает традиционные ценности локальных цивилизаций. На это же обращает внимание американский политолог С. Хантингтон, отмечающий, что глобализация представляется опасной усиливающимися цивилизационными конфликтами. Быстрые изменения в мире, конфликт между социальными системами, полагает он, заставил людей отпрянуть к своим истокам, к цивилизационно-общему пониманию базовых ценностей [2].

Следовательно, нельзя сказать, что историческая преемственность с традициями национальной культуры в формировании культурной идентичности прервалась, но роль средств массовой информации в данном процессе в настоящее время неоднозначна. С одной стороны, они открывают перед человеком широкие возможности приобщения к мировой информационной картине. С другой стороны, количество событий в культурной жизни региона не находит должного освещения в связи с информационной политикой изданий, характеризующейся вторичностью культурной темы. Отсутствие систематичности в обращениях к теме культуры и профессионального интереса к всестороннему освещению культурных событий позволяет говорить о фрагментарности формируемого информационного пространства по данной теме. Этот феномен отчетливо проявляется на уровне региональных СМИ. Предлагается рассмотреть в качестве примера Курскую область.

Региональные исследования, проведенные в рамках реализации программы «Социокультурная эволюция регионов России» в Курской области, выявили наличие существенного культурного капитала в регионе, тенденцию к его нарастанию. При этом проблемой выступает недостаточная востребованность культурного капитала в регионе. Профессиональное продвижение информации о культурных достижениях и преимуществах области сегодня, бесспорно, выступает одним из важнейших и вместе с тем недоиспользованных стратегических резервов региона. Соответственно сегодня особо остро встает вопрос об актуализации роли

СМИ в качестве ресурса территориального развития, о повышении эффективности его использования в качестве механизма позиционирования региона в коммуникационном пространстве [1, с. 96–124].

Об этом свидетельствуют результаты проведенных социологических исследований. Для оценки уровня пропаганды в региональных печатных СМИ российской культуры, истории, ценностных ориентаций, соответствующих культурных норм и образцов поведения, в осознанном принятии читателем которых и заключается суть культурной идентичности, был проведен качественный и количественный анализ публикаций в региональных средствах массовой информации. В ходе контент-анализа проанализирована частота упоминаний событий в культурной жизни региона. Отбор статей производился на основании обзора региональных газет «Курская правда», «Друг для друга», «Курский вестник» и «Городские известия» за 2010–2011 гг. За указанный период тема культуры поднималась в 655 публикациях, что составляет 9,8 % от общего числа изученных статей (6645). Из них в 444 публикациях (6,7 % от общего числа и 67,8 % от количества статей о культуре) в различных контекстах упоминалась культура Курской области и российская культура в целом. В остальных 211 публикациях (3,2 % и 32,2 % соответственно) тема культуры была упомянута в числе прочих новостей и культур стран мира. Значительное место на полосах газет отведено рекламе, публикациям, пропагандирующим ценности потребления, и материалам, освещающим события криминального характера.

В ходе анализа была выявлена тенденция, при которой культурное событие освещается не как самостоятельный факт, а как зависимая переменная во множестве событий, приуроченных к той или иной знаменательной дате. Также было проявлено, что в региональных средствах массовой информации Курской области присутствует устойчивый эффект тиражирования информационного повода: один информповод тиражируется во всех СМИ, при этом численно возрастает количество упоминаний, но качество освещения темы культуры от этого не улучшается, поскольку материалы в региональных печатных изданиях Курской области чаще всего носят информационный, а не аналитический характер. При освещении культурной тематики преобладают описательные формы подачи материалов – новостная информация, за-

метки, анонсы будущих и отчеты о прошедших событиях. В данном случае большое внимание со стороны прессы уделяется победам и достижениям курских исполнителей на международных конкурсах и фестивалях, а также чествованию заслуженных деятелей культуры и искусства. Аналитический подход к освещению темы можно обнаружить в интервью, в которых среди рассуждений о жизни и творчестве того или иного деятеля культуры происходит обсуждение ситуации в культурной сфере региона. Следовательно, можно сказать, что осмысление общих тенденций в развитии региональной культуры читателями происходит на примерах из личного опыта культурных деятелей области.

Важно отметить, что проблемы наращивания социокультурного потенциала региона и культурной идентичности населения обсуждались на Всероссийской научно-образовательной конференции «Знаменские чтения» в Курске, а также на заседании «круглого стола» в Курском областном Доме журналиста с участием представителей власти, образования, науки и духовенства. Участники конференций отметили, что необходимо произвести культурологическую реконструкцию исторического пути курской культуры. Ее социальный, политический, религиозный, художественный опыт может быть рассмотрен в качестве условия и одновременно механизма трансляции культурной памяти региона, обеспечившей сохранение культурной идентичности на протяжении длительного периода времени. Интеллектуальные усилия должны быть направлены не только в область научных теоретических исследований, но и обращены к практике – общественному мнению, системе образования, политической и творческой элите Курской области. Эта работа предполагает смещение вектора развития региона и общества в область культуротворчества, где инновационной доминантой становится система образования, а региональная культура – медиатором и коммуникатором в диалоге различных общественных групп, социальных институтов, духовных традиций и практик. Подобная тенденция развития способна выступить в качестве генеральной линии культурной политики, проводимой как регионом, государством, так и гражданским обществом, для наращивания главного ресурса развития – человеческого капитала.

Очевидно, что региональная культура во всем своем многообразии может быть сохране-

на и обогащена только при определенных условиях. К этим условиям можно отнести, с одной стороны, усилия государства, выстраивающего грамотную культурную политику и создающего условия для развития образования и просвещения. С другой стороны, это усилия общества, которое может стать инициатором культурного возрождения, проявить гражданскую активность в утверждении самобытности, уникальности своей малой родины. Такая форма диалога субъектов социально-исторического творчества, как способ передачи социально-культур-

ного опыта, является действенным средством сохранения культурной идентичности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Когай, Е. А.* Курская область в динамике социокультурных измерений: монография / Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, Т. Г. Кульсеева, А. А. Телегин, Р. С. Горемычкин. – Курск: ООО «Учитель», 2011. – 232 с.
2. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
3. *Эриксон, Э. Г.* Идентичность: Юность и Кризис / Э. Эриксон; пер. с англ.; общ. ред. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

УДК 316.72

ББК 60.524

М. Момов

РИТУАЛ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Велико Тырновский университет «Св. Св. Кирил и Мефодий», Болгария

E-mail: mitko_momov@abv.bg

В статье представлено междисциплинарное исследование ритуала на стыке социальной, культурной и философской антропологии, социальной и политической философии. Представлен анализ повседневности на материале ритуала (*паневритмия*), воспроизводящегося сторонниками одного из общественных движений в современной Болгарии.

Ключевые слова: ритуал, повседневность, ценности, символика, социальные изменения.

М. Момов

RITUAL AND EVERY DAY LIFE

Veliko Tarnovskij University «Sv. Sv. Cyril and Mefodij», Bulgaria

This article is illustrated with a multidisciplinary study of the ritual at the intersection of social, cultural and philosophical anthropology, social and political philosophy. Provides an overview of daily life on a ritual (*Paneurhythmy*) which reproduced by supporters of one of the social movements in modern Bulgaria.

Keywords: ritual, routine, values, symbols, social change.

Данная статья является попыткой исследования ритуала и повседневности в междисциплинарном плане на грани социальной, культурной и философской антропологии, социальной, политической и моральной философии. Проведен опыт рассмотрения ритуала (*паневритмия*) с разных позиций, с которых его видят различные акторы. Автор попытался синтезировать три различных взгляда: непосредственного участника; идеолога общественного движения, воспроизводящего этот ритуал; семиолога, придерживающегося принципа беспристрастного исследователя. Возможна ли точка пересечения в такой, на первый взгляд, несовместимой компании? Интервью с участниками ритуала, а также съемка с места события создают уверенность в возможности появления точки соприкосновения трех сторон, заинтересованных в ритуале.

Спустя 25 лет, которые прошли с начала перестройки и демократических преобразований в Болгарии, можно сказать, что многие из них не оправдали общественных ожиданий и не оставили места для личностного выбора, захлестнули индивидов обезличивающими стереотипами. В первую очередь, перестройка 90-х гг. XX в. дала возможность свободы слова, передвижения, выбора места учебы и работы за границей. Однако вместе с «новыми молодыми», воспринявшими веяния перестройки, появились индивиды, для которых ценности первичного уровня (по шкале А. Маслоу) самосохранения, приспособления оказались более значимыми, чем индивидуализм, провозглашенный перестройкой. Встает вопрос, почему оказался востребованным внешний авторитет, задающий порядок, смысл и групповую принадлежность, когда у людей есть право на цен-

ности индивидуализма? Все чаще в публичном пространстве слышны голоса, что проблематизация ценностей становится первоочередной и актуальной задачей.

Проблемная ситуация

Собранный материал развивает тему, которая не раз являлась объектом исследования философии [3]. Однако ранее данная проблема не рассматривалась на междисциплинарном уровне, что и обозначило значимость данной работы. Синтез знаний позволяет рассматривать жизненную ситуацию, ее плотность и коммуникативность с различных позиций. Это обосновывает выбор ритуала паневритмии для исследования, так как этот ритуал задает его участникам ценности и символику порядка и собранности. Биографический материал, полученный в процессе проведения интервью, повышает плотность интерпретируемой ситуации.

С конца XIX в. представители западной философии жизни и экзистенциализма одними из первых негативно оценили идеалы Просвещения, что особо ощутимо сказалось в отношении критики массовой культуры индустриального общества. В мироощущении человека модерна возникла трещина между личностью и обществом. Место разрыва заняли ценности первичного уровня (по шкале А. Маслоу). У людей, ощутивших разрыв с сообществом, такие ценности, как автономия воли, индивидуальная самореализация были выброшены из арсенала ценностей. К тому же заметнее стало снижение или полное отсутствие традиционных связей (семьи, родовой памяти), возросло чувство страха из-за снижения гарантий безопасности в обществе. Ситуация всеобщего хаоса и потери доверия отразилась во внутреннем конфликте свободной личности с собой, а у автономной – в конфликте с обществом. Парадоксом этой ситуации стала сложность в поиске и нахождения своего места в жизни.

Возникает вопрос проявления способности к индивидуализму в обществе всеобщей безличности. И. Кацарский следующим образом описывает спусковой механизм, представляющий собой целый комплекс мотиваций, благодаря которым целерациональность уступает место иным мотивам. На Востоке опыт альтруизма, совместимости традиции и инновативности включен в ответственность учителя (гуру), которому приписывают роль судьи, критического обозревателя, цензора общественных

предубеждений и официальной пропаганды. Среди основных качеств гуру особое место занимают такие умения, как владение голосом, словами и чувствами аудитории. Именно это становится востребованным в современных западных обществах на фоне потери чувства связи с коллективом [4, с. 250].

В исследовании современных мировоззренческих исканий людей Запада, а сюда относится и современное болгарское общество, следует обратиться к ритуалу паневритмии и биографическим рассказам его участников. Среди мотивов участия в ритуале такие, как: негативные установки окружающих, социальная изоляция, прерванные связи со сверстниками. Рассказ молодой участницы иллюстрирует это: *«Из-за того, что я любила книги, много читала непрерывно днем и по ночам, я незаметно оказалась вне своего окружения. Помимо того, впала в изоляцию и чувство одиночества. Случайное знакомство привело меня в группу Братства и Паневритмии. Стала ходить на их занятия, сама подключилась к докладам. Теперь я перестала испытывать чувство одиночества. У меня своя среда, университет, перспективы жить и обучаться в Германии»* (Н. Ш., участница паневритмии).

Представители антропологии обозначили чувства солидарности и согласия в поисках безопасности разными терминами: групповой дух (У. МакДугл), родовое сознание (Фр. Гидингс), коллективное сознание (Э. Дюркгейм), общественные и групповые установки (Фл. Знанецкий), собранность (Д. Михалчев), мифы (Дж. Камбэл).

В личностном плане принадлежность к группе кроме общности предоставляет порядок окружающих вещей, когда все вокруг наделяется смыслом. Болгарский исследователь М. Митерауер [7] представил анализ истории формирования социальных установок западноевропейской молодежи XIX–XX вв. Он считает, что в рабочей среде именно члены профессиональных организаций имеют ясные перспективы на карьеру и будущее. И даже для молодежи, живущей и воюющей «стенку на стенку» с соседями, городской шпаной из районов «униженных и оскорбленных», будущее связано с членством в группе, например, в мафиозных группировках. Эти же желания опереться на группу привлекают молодежь в политические партии, включая те, которые транслируют радикальные идеологии [7, с. 201].

Ритуал задает порядок (иерархию), смысл вещам и принадлежность к группе. Он становится признанным моральным регулятором тогда, когда иные законодательства и кодексы не действуют. Забыть о ритуале советует Дж. Кэмбэл в «Силе мифа». Однако если законодательные нормы не работают, то их место успешно занимает ритуал. Дж. Кэмбэл отмечает следующие обозначения ритуальности, известные со времен античности: египетское Ма'ат, индийское Дхарма (Дхама), китайское Дао. О. Дробницкий отмечает, что, начиная с древности и по ныне, ритуал представлен в роли нормативного регулятора, который структурирует и приводит человеческое в гармонию с космическим [3, с. 14–21].

Этимологически слово «паневритмия» образуется тремя элементами: «пан» – всеобхватность, космос; «ев» (eu) – истина, высшая сущность, из которой все происходит и «ритмус» – правильность, принцип с присущим ему сезонностью и цикличностью. Петр Дынов, разработчик ритуала паневритмии, создал особую композицию из скрипичной музыки и народного пения, и все это адаптировал к темпераменту и установке участников, большинство из которых были приезжими из деревни в город, но все еще не горожанами. Городским же участникам пришлось отказаться от привычных культурных норм и обратиться к иной культуре. Данный ритуал представляет собой танец, имеющий для его участников сакральное значение. В большом круге (по аналогии с движением небесных тел) участники, один за другим в шеренгах по три человека, исполняют ритмические движения под музыку с текстом. Время исполнения ритуала (с 22.03 по 22.09) совпадает по времени с весенним и осенним равноденствиями. Ритуал осуществляется по утрам на восходе солнца, что связано с представлениями о силе и полезном действии солнечной энергии. Врачи, проводившие в 50-е гг. XX в. обследования с участниками данного ритуала, пришли к выводу, что происходят психофизиологические изменения в организме: повышается телесная гибкость, крепкость; регулируется давление крови; усиливается концентрация и устойчивость внимания; формируется позитивное отношение к жизни.

Символика

Сегодня наука опровергает предубеждение, что из-за отсутствия точных методов, жестовый

язык и эмоции не могут быть исследованы. В антропологии наработаны техники исследования разных приемов для невербальной коммуникации. Так, Фр. Боас и другие отмечают, что ритуал сопровождает человека на протяжении всего жизненного пути и обеспечивает регуляцию значимых для него жизненных моментов [1; 5]. В поисках социальной роли ритуала чужих культур антропологи испытали потребность в синтетическом знании. Синтез ритмики и жеста (словесности, музыки и танца) сопровождает каждое значимое событие человека от рождения до трезны. Причем подобный синтез становится доступным для исследователя лишь в совместной работе специалистов разных областей знаний [6, с. 72–88].

Атмосфера такого синтеза и собранности создается в ритуале паневритмии: погруженность в общую эмоциональную атмосферу и близость к природе, детали организационного характера (порядок в лагере, костюмы, трапеза, площадки на открытом воздухе для проведения лекций, концертов и пр.) и отсутствие таких вредных привычек, как сигареты и алкоголь.

Участники и исследование

Действующими лицами в ритуале паневритмии являются члены Белого братства, основанного в Болгарии в 30-е гг. XX в. П. Дыновым. Для получения насыщенного этнографического материала автором статьи применялся метод свободных автобиографических рассказов, где индивид осмысливает себя как непосредственного участника ритуального события, а также документальные записи (съемка и видеоинтервью с разных мест), где проводился данный ритуал. Анализ полученных данных послужил точкой отсчета при формировании вопросов: «Зачем все это нужно молодым? Зачем интеллигентным и образованным сегодня нужна подобная архаика – петь, танцевать таким странным образом?».

В первую очередь, оценка акторов и событий зависит от угла зрения (место в оценочной шкале – от сугубо негативных до вполне позитивных – определяется субъективным фактором). Для избежания субъективности автор статьи предлагает базироваться на оценках самих участников, определяющих собственное социальное место и роль. Ведь для них ритуал служит ориентиром повседневности, жизненной стратегией. Он задает действующим лицам смысл, иерархию и общность. При возникнове-

нии движения его социальная роль не получила убедительной доказательной базы и не выдерживала критики. В 30-х гг. XX в. на страницах ведущего академического философского журнала во главе с Д. Михалчевым состоялось обсуждение данного явления социальной жизни болгарского общества – Белого Братства, так как оно само вело себя публично, приобретая массовое влияние. Итогом дискуссии стал вывод, что в Болгарии идеология братства не имеет почвы [2, с. 45].

Сегодня интернет-сайты синодальной администрации Болгарской церкви осуждают идеологию и практику Белого братства, подчеркивая наличие элементов язычества, отмечая негативное влияние на православную церковь. Однако данное движение пользуется известностью и обладает широким влиянием. На книжном рынке рядом с эзотерикой, йогой и буддизмом есть много книг с лекциями и речами П. Дынова. Среди членов братства более половины составляют представители двух последних поколений молодых (включая детей начальной школы), что является свидетельством существования преемственности.

Что же привлекает адептов? Явно не литературное творчество гуру данного движения, ведь последние два поколения молодых являются нечитающими. Перед исследователями встает вопрос: что за сила притягивает в эту организацию? А раз потребность соборности приобретает публичность, то это определяет неизбежность появления харизматических личностей. Популярность братства не затухает, а, наоборот, усиливается. Тут не следует упускать из виду предупреждение О. Дробницкого, что индустриальное общество хотя и изобрело новейшие техники коммуникации, но по-прежнему продолжает создавать иллюзорный мир [3, с. 103]. Следовательно, значимость приобретают не доказательства, правдивость сказанного, а умение привлечь на свою сторону. Среди привлекательных приемов следует отметить индустрию богатого арсенала ритуальных спекуляций (рекламы, пропаганды, моды) [3, с. 350]. Элементы подобного арсенала успешно проникают в повседневность и становятся образом жизни тех, кто нуждается в иллюзиях и живет ими. Отсутствие подобных элементов производит пустоту и лишает жизнь человека интимности. Результат исследования: дефицит культурных регуляторов (традиции,

обычай, массовая коммуникация, религиозные верования) приводит к активизации ритуала, а ослабление действия публичных символов – к поиску ритуала. О. Дробницкий представил проблему ценностей индустриальных обществ как актуальную проблему, считая что в современном обществе, это, несомненно, распространяется и на болгарское, происходит заполнение дефицита ценностей (отсутствия ориентиров, что есть добро, зло, как должно быть) [3, с. 29]. Одна из форм возмещения дефицита и есть оторванное от реальности абсолютное долженствование ритуала.

Свидельством дефицита доверия (усталость от бездействия государства), определяющим появление чувства униженного и оскорбленного, является лексика одного из участников братства, где пониженное самочувствие было представлено метафорически: *«брошенного на заднем дворе», «запертой двери парадного входа», «стук в запертые двери».*

Официальное православие, во-первых, обвиняет Белое братство в продвижении языческих символов; во-вторых, проводятся аналогии братства с движением средневековых богомилов; [8] в-третьих, акцентируется внимание на попытку Белого братства упрочить свои влияние путем включения паневритмии в школьные программы, вместо утренней физзарядки.

Антропология не занимает чью-либо сторону, а предлагает искать неподдельность и аутентичность события. Так, М. Мид [6, с. 78] подчеркивает, что антропология документирует социальный факт методами научного измерения, описания и аналитических процедур. Вместо того, чтобы, следуя сценарию, эмоционально переживать развитие действия, антрополог «объявляет ведьму мертвой». Не являясь участником данного театрального действия, исследователь занимается замером страха, выяснением насколько действующее лицо находится под контролем общности. М. Мид предлагает детальную разбивку события: в каждом отрывке выделяет детали и регистрирует жесты, лицезу мимику. Когда публичность насыщена официально принятым, требовательность и долженствование теряют доверие. Место занимают иллюзорные схемы и стереотипы. «Потеря должного» ощутима, когда официальные верования расходятся с ритмикой повседневности [6, с. 85].

Братство является организацией, потребность в которой испытывается при обострении ощущения разрыва с жизненными ориентира-

ми. Членство в нем является вопросом личного выбора, но который неотделим от потребности в личной самореализации. Авторские наблюдения и интервью подтверждают наличие желания у участников братства своим личным действием приносить социуму благо. Чувство полезности совпадает с общественной установкой на доказательство соборности, единства, целостности, скрепленности, любви.

Потребность доказательства преданности «родовой принадлежности» образно представлена в послании к братству и включает следование принципам: не брать для себя, а отдавать другим и т. п. На языке повседневности эти послания переводятся следующим образом: готовность подавать пример, отдавать себя в профессии и воспитании. Последователи братства являются граждански ангажированными личностями. Первые члены братства были горожанами (Варна, София и пр.), принося с собой ценности урбанизма, гражданственности. Среди членов много представителей городской интеллигенции: учителей, врачей, представителей искусства, а также чиновников, учащихся. Доступ в организации в равной мере открыт для мужчин и женщин. Личные послания проповедников Белого братства созвучны профессиональной педагогической и просветительской деятельности в интеллектуальных группах. Роль учителя (гуру) оценивается скорее по-человечески, а ни из-за престижности и профессионального статуса [5, с. 159]. Еще одно пропагандируемое качество – скромность. В биографиях оно представлено следующим образом: «Тихо и незаметно делать свое дело, накапливаемое капельками»; «передать накопленную энергию тихо и незаметно, не ожидая вознаграждения».

Чувства гражданской солидарности проявились во время Второй мировой войны, когда братство призывало в защиту евреев, охраняло синагогу в Софии. Фото основоположника Белого братства в Болгарии П. Дынова передается от поколения к поколению заодно с его посланиями: выполнять свое предназначение и любить человека. Его место в ритуале бережно хранится в центре концентрических кругов, там, где играет скрипач и хор возвещает начало ритуального танца.

В современной Болгарии жизнеспособность братства объясняется стремлением уйти от социальной разобщенности, найти ценности высшего порядка, внести в повседневность значение и ощущение праздника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боас, Фр. Изкуството да изобразяваш / Фр. Боас // ABC на етнологията / И. Георгиева (съставител). – София: Университетско издателство Св. Климент Охридски, 1992. – Т. 1. – С. 60–76.
2. Димитрова, Н. Наследство и перспективи на философията в България / Н. Димитрова // Сборник материали от конференция / под ред. В. Арбанасий. – Търново: Изд-во ВТУ, 2008. – С. 45–51.
3. Дробницкий, О. Мир оживших предметов / О. Дробницкий. – М.: Наука, 1967. – 350 с.
4. Кацарски, И. Родът Номо / И. Кацарски. – София: Фабер, 2004. – 374 с.
5. Кацарски, И. Етапи на модернизацията и развитието на образованието в България / И. Кацарски // Догонващата модернизация / отг. редактор В. Проданов. – София: Фабер, 2004. – С. 156–177.
6. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид; пер. с англ. и комментарии Ю. А. Асеева; сост. и послесловие И. С. Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
7. Митерауер, М. Социална история на младостта / М. Митерауер. – Благоевгр.: Изд-во ЮЗУ, 2004. – 239 с.
8. Шват-Гълъбова, Гр. Метаморфози на българските неогностици (към проблема за свръхинтерпретацията) / Гр. Шват-Гълъбова // Балканските идентичности в българската култура / ред. Н. Аретов. – София, 2003. – URL -http: www.ilit. (дата достъпа 15. 10.2011).

УДК 316.472.4
ББК 60.54

Е. Г. Ефимов

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЕЙ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: ez07@mail.ru

Статья посвящена анализу оснований тезиса о возможности использования понятий социальной группы как объекта исследования социальных интернет-сетей.

Ключевые слова: социальные сети, «Facebook», «Twitter», социальная группа.

Е. Г. Ефимов

SOCIAL GROUPS AS OBJECT OF RESEARCH OF SOCIAL INTERNET NETWORKS

Volgograd State Technical University

Article is devoted the analysis of the bases of the thesis about possibility of use of concepts of social group as object of research of social Internet networks.

Keywords: social networks sites, «Facebook», «Twitter», social group.

В 2011 г. компания «Google» запустила собственную социальную сеть «Google +», которая должна составить конкуренцию «Facebook». За короткое время (88 дней) сеть набрала более 50 млн. пользователей, однако исследование показало что 83 % из них неактивны и завели аккаунт в сети только ради интереса. На сегодняшний день это подтвердило очевидный факт – популярность социальной сети не может быть связана только с технологическими новшествами. Решение человека зарегистрироваться в социальной сети, выбор той сети, которую он будет использовать и, наконец, сама модель его поведения в ней, начиная от выбора фотографии на аватар и заканчивая количеством проведенного времени, зависит от факторов социального и социально-психологического характера, среди которых важнейшее место занимает социальная группа.

Обоснование использования социальной группы как объекта исследования социальных сетей подразумевает нахождение достаточных оснований, под которыми можно понимать следующие:

1. Техническое основание – социальная сеть создается для коммуникации двух и более индивидов. Социальная интернет-сеть определяется как «сетевая услуга, которая позволяет частным лицам: 1) строить общественные или полупубличные профили в пределах ограничений, наложенных системой; 2) определять список других пользователей, с которыми они могут общаться и делиться информацией; 3) просматривать и связывать их список контактов с другими, созданными пользователями внутри системы» [4, с. 211].

Привлечение этого основания базируется на очевидном факте, что все технические новшества в социальную интернет-сеть внедряются именно с целью поддержания и развития функции общения между пользователями и, что более удивительно, вызывают у них реакцию, не имеющую отношения к техническим аспектам этих нововведений.

Так, когда 5 сентября 2006, «Facebook» создал «службу рассылки новостей», выведившую на вкладке аккаунта пользователя оповещения о событиях в жизни их друзей по социальной сети, это вызвало массовое возмущение, хотя, с технической точки зрения, информация, помещенная в сеть, уже считалась не приватной, а общей. Более того, пользователи и раньше могли собирать информацию о дей-

ствиях друзей, но теперь это стало делать технически проще [14].

Показательно, что в ответ на жалобы пользователей сети на это и другие нововведения директор по развитию «Facebook» в России Екатерина Скоробогатова заявила, что «...изначально «Facebook» был интересен как пространство друзей, то есть если мы сообщаем, что кто-то из ваших друзей добавил кого-то в друзья, то тем самым мы позволяем вам найти кого-то, с кем вы, возможно, тоже хотите подружиться. Нам представляется, что эта сервисная составляющая нужна и полезна пользователям» [1].

2. Статистическое основание – необходимость поддержания существующих и завязывания новых отношений базируется на размещении в сети большого количества достоверной информации о себе.

Коммуникация между живыми людьми является причиной высокой степени достоверности и количества информации, размещенной в сети, поскольку достоверность информации об индивиде в социальной сети является условием его коммуникации с другими пользователями. В отличие от других сетевых сервисов, базирующихся на коммуникации посредством интернета (например, он-лайн игры или чаты) для общения в социальных сетях требуется сигнал, подтверждающий идентичность индивида и таким сигналом служат сведения о себе. Поскольку, с технической точки зрения, полнота показа профиля может варьироваться, за единицу анализа (сигнал идентичности) берется отображение контактов пользователя (доступных во всех социальных сетях), которое является подтверждением «реальности» пользователя [5, с. 74].

Однако помимо доступной всем информации о количестве друзей, размещение другой информации самими пользователями также достигает впечатляющих масштабов. Исследование профилей пользователей социальных сетей, проведенное А. Агостини и Р. Гроссом, исследовавших более 4,5 тыс. профилей на «Facebook», подтвердило, что сами пользователи охотно выкладывают в сеть значительное количество информации о себе. 90,8 % профилей содержало изображение, 87,8 % – дату рождения, 39,9 % – телефонные номера (из них 28,8 % – номер мобильного телефона) и 50,8 % – текущее местоположение, а также множество других данных [10].

3. Лингвистическое основание – в социальных сетях существует обозначение различными терминами друзей, знакомых только по сети, и знакомых лично. Таким образом, сами пользователи отделяют социальную группу, с которой они поддерживают коммуникации, от аудитории – совокупности всех пользователей, с которыми установлены контакты пользователя в сети.

Пользователи социальных сетей разграничивают своих друзей, которых они лично не знают и знакомых лично, особыми терминами. Впервые это получило распространение в сети «Friendster», когда пользователи стали употреблять фразу «это не мой друг – это мой Friendster» [6]. Подобное разделение существует и в России, где в блогосфере для друзей реальных существует слово «друзья» (множественное число от «друг»), а для друзей по ЖЖ употребляется заимствованное из английского слово «френд», во множественном числе произносимое как «френды» [3, с. 12].

Возвращаясь к отличию понятия «социальная группа» от «аудитории» можно предположить, что главным будет ожидание обратной связи. Как показали в своем исследовании пользователи социальной сети «Twitter» Э. Марвик и Д. Бойд (N=181, 2010) аудитория понимается пользователем как воображаемая. В сети «Twitter» пользователи определяют своих Читателей, которых они не знают лично, термином «поклонники». Не зная социальных характеристик всей своей аудитории, пользователи определяют ее субъективно и зачастую ориентируются только на свои представления о ней, конструируя свое общение в сети [11, с. 1–18]. По сути, они работают с идеализированной конструкцией. Анализ А. И. Ивановой «Twitter`а» Д. Медведева показал, что он рассчитан на людей с высшим образованием, интересующихся политикой и настроенных лояльно по отношению к власти, и в целом не рассчитана на значительную аудиторию [2, с. 107]. «Сетевая аудитория, – делают вывод авторы, – является абстрактным понятием и ее понимание меняется среди пользователей «Twitter», частично из-за того, что очень трудно установить, из кого фактически она состоит» [11, с. 18].

4. Антропологическое – коммуникации человека с другими индивидами в сети или вне ее всегда ограничены по физиологическим причинам.

Несмотря на количество «френдов» в списке контактов, коммуникации человека с другими индивидами в сети или вне ее всегда ог-

раничены по физическим, социальным и психологическим причинам. Поэтому можно предположить, что, несмотря на технические возможности сети, позволяющие поддерживать контакты с сотнями и тысячами индивидов, реальный круг общения, а значит и количество социальных групп, влияющих на поведение индивида будет ограниченным.

Робин Данбар, обосновавший связь между количеством межличностных связей и биологическими характеристиками развития мозга и считающий 150 связей максимальным количеством для человека, на вопрос о роли интернета в расширении возможностей общения ответил: «Получится ли у нас иметь значимые отношения с большим количеством людей, чем раньше? Да, я смогу узнать то, что у Вас было на завтрак через ваш твиттер, но смогу ли я действительно узнать Вас лучше? Цифровые технологии помогают нам поддержать контакт, если в прошлом наши отношения, возможно, прервались; но в итоге мы фактически должны быть вместе, чтобы заставить отношения работать. <...> Слова «скользкие», а прикосновение стоит 1000 любых слов» [7].

5. Социальное – пользователи в сети избегают устанавливать контакты с пользователями, которые имеют значительное количество друзей, ориентируясь на пользователей, имеющих социальные группы, нежели на людей с размытой аудиторией.

Исследование в Австралии (N=752, 2009): только 19 % пользователей имели больше 200 друзей, причем 15 % этих пользователей были в возрасте 15–25 лет [12, с. 40]. В ходе исследования в Голландии (N=124) был обоснован так называемый «скептический порог», когда резкое увеличение числа друзей приводит к росту недоверия к пользователю [13, с. 332]. В США существует выражение «проститутки MySpace» («MySpace whores»), употребляемое по отношению к пользователям, целенаправленно занимающимся сбором друзей [9].

В классических социологических теориях существует длительная традиция исследования социальной группы как единицы анализа, однако возможность использования этих теорий в исследовании социальных интернет-сетей также требует обоснования, поскольку как в научных работах, так и в масс-медиа неоднократно подчеркивался виртуальный характер отношений в интернете, в противовес жизни человека в реальном мире. Указывалось, что интернет

дает возможность человеку полностью менять свой образ, что ставит под сомнение возможность использования социологических теорий в исследовании виртуального пространства.

Исследования антропологов и социологов показывают совершенно иную картину. Так, антрополог Ш. Теркл в ходе социально-психологических экспериментов и наблюдения пришла к выводу о неразличимости для индивидов – пользователей социальных-интернет сетей понятий «виртуальное» и «реальное» и о полном восприятии общения в социальных сетях как повседневной практики, такой как еда, сон или молитва. Это, в свою очередь, приводит к полному переносу общения в сетях на все сферы жизни, включая коммуникацию по таким вопросам, как смерть или интимные отношения [8, с. 300–350]. К тем же самым выводам приходят и исследователи-социологи [9, с. 84].

В ходе социального эксперимента, проведенного Дж. Маллен, автор испытал на себе технологию «Lifestream», когда полностью отражал все события своей жизни в социальных сетях. В ходе эксперимента полностью исчезло ощущение разделения между семьей и работой, личным (свободным) и рабочим временем. Это, с другой стороны, по ряду причин, о которых говорилось выше, является свойством именно социальных сетей. Чем достовернее и масштабнее информация, размещенная в сетях, тем более сильным является слияние жизни человека в интернете и вне его в единое целое [15].

Таким образом, лингвистическое, социологическое, технологическое, статистическое и антропологическое основание гипотезы позволяют считать ее обоснованной и утверждать, что социальная группа является приоритетным объектом исследования социальных интернет-сетей, а также позволяет использовать существующие теории социальных групп для изучения поведения пользователей в социальных сетях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Скоробогатова, Е.* У Facebook нет целевой аудитории. Наша аудитория – это все / Е. Скоробогатова // Аргу-

менты и факты: техника. – 2011. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/techno/article/45961>

2. *Иванова, А. И.* Мы и Россия сегодня: лингвистический анализ твиттер-платформы президента Дмитрия Медведева / А. И. Иванова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 104–107.

3. *Подшибякин, А.* По живому. 1999–2009: Livejournal в России / А. Подшибякин. – М.: Колибри, 2010. – 224 с.

4. *Boyd, D. M.* Social Network Sites: Definition, History and Scholarship / D. M. Boyd, N. B. Ellison // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2008. – № 13. – P. 210–230.

5. *Boyd, D.* Public displays of connection / D. Boyd, J. Donath // BT Technology Journal. – 2004. – Vol. 22. – № 4. – P. 71–82.

6. *Boyd, D.* Friends, Friendsters, and MySpace Top 8: Writing Community Into Being on Social Network Sites / D. Boyd // First Monday. – 2006. – № 11–12. – Режим доступа: http://www.firstmonday.org/issues/issue11_12/boyd/index.html

7. *Dunbar, R.* We can only ever have 150 friends at most... / R. Dunbar // Observer. – 2010. – March. – Sunday 14. – Режим доступа: <http://www.guardian.co.uk/technology/2010/mar/14/my-bright-idea-robin-dunbar>

8. *Turkle, S.* Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other / S. Turkle. – N.Y.: Basic Books; First Edition / First Printing edition, 2011. – 384 p.

9. *Boyd, D.* Friendship / D. Boyd // Hanging Out, Messing Around, and Geeking Out. Kids Living and Learning with New Media. – L.: The MIT Press, 2010. – P. 79–116.

10. *Acquisti, A.* Information Revelation and Privacy in Online Social Networks (The Facebook case) / A. Acquisti, R. Gross // Pre-proceedings version. ACM Workshop on Privacy in the Electronic Society (WPES). – 2005. – Режим доступа: <http://www.heinz.cmu.edu/~acquisti/papers/privacy-facebook-gross-acquisti.pdf>

11. *Boyd, D.* I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience / D. Boyd, A. Marwick // New Media Society. – 2010. – № XX (X). – P. 1–20.

12. *Young, K.* Online Social Networking: An Australian Perspective / K. Young // International Journal of Emerging Technologies and Society. – 2009. – Vol. 7. – № 1. – P. 39–57.

13. *Utz, S.* Show me your friends and I will tell you what type of person you are: How one's profile, number of friends, and type of friends influence impression formation on social network sites / S. Utz // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2010. – V. 15. – Issue 2. – P. 314–335.

14. *Boyd, D.* Facebook's Privacy Trainwreck: Exposure, Invasion, and Social Convergence / D. Boyd // The International Journal of Research into New Media Technologies. – Vol. 14(1). – P. 13–20.

15. *Mullen, J. E.* Lifestreaming as a Life Design Methodology / J. E. Mullen // Presented to the Faculty of the Graduate School of the University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Fine Arts The University of Texas at Austin. – 2010. – 67 p.

УДК 316.34
ББК 60.524.224.56 + 60.542.18

О. В. Сергеева, В. А. Парамонова

**ПРАКТИКИ КАК СРЕДСТВО РАЗЛИЧЕНИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ОПЫТА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ***

Волгоградский государственный университет

E-mail: sergeyeva.olga@mail.ru, paramonova69@yandex.ru

Статья представляет результаты социологического исследования, проведенного с использованием лейтмотивных интервью с пожилыми пользователями компьютера в Волгограде. Обсуждение результатов осуществляется с опорой на идеи французского социолога науки и техники Б. Латура.

Ключевые слова: пожилые люди, компьютер, эйджизм, Бруно Латур.

O.V. Sergeeva, V.A. Paramonova

**PRACTICES AS A WAY OF SOCIAL DIFFERENCE:
STUDYING COMPUTER EXPERIENCE OF ELDERLY**

Volgograd State University

We undertook a sociological study aimed at revealing and explaining real life computing of elderly. We describe and discuss the nature of home computer use in terms of Actor Network Theory (B. Latour). We see practices in which older people create new every day life by adopting computer.

Keywords: elderly people, computer, ageism, Bruno Latour.

Введение

Компьютерный опыт представителей старших возрастных групп все еще остается неизвестным. Явления цифровой культуры – блоггинг, хактивизм, онлайн-романтические отношения, компьютерные игры – устойчиво ассоциируются с молодежью. Но, по данным ВЦИОМ, 33 % пожилых людей пользуются компьютером [3], и это является основанием, чтобы собрать как можно более подробные данные об их компьютерных практиках.

В том, как звучит в общественных дискуссиях тема пожилых людей и новых информационных технологий, просматривается идеология эйджизма, то есть социальное и культурное давление на людей на основе их возраста. Сегодня цифровая культура пожилых подлежит общественной огласке только с точки зрения особых проблем – отставания и возрастных сложностей, что значительно сужает представление о реальных процессах и влияет на мнение о самих себе у тех, «кому за...».

Стоит задуматься о взаимном влиянии эйджизма и развития технологий. Эйджизм играет важную роль в том, как разрабатываются, популяризируются и продвигаются новинки техники, а это является фактором, воздейст-

вующим на их принятие людьми старших возрастных групп. В то же самое время появляющиеся технологии могут рассматриваться как силы, способствующие ослаблению представлений эйджизма.

Авторы хотели бы увидеть особенности социальных обстоятельств, способствующих или замедляющих приобщение к компьютеру людей от 60 лет и старше. Эти люди по сравнению с представителями более молодых поколений имели гораздо более скудные возможности для освоения новых информационных технологий на своих рабочих местах. Каков их путь к компьютеру? Что они могут сказать о произошедших в их жизни изменениях? Ответы на эти вопросы авторы пытались найти, проводя глубинные интервью с волгоградцами «третьего возраста».

Статья представляет итоги эмпирического исследования, но в самом начале работы излагаются идеи научного подхода, наиболее продуктивного для анализа полученных данных и в целом для изучения возраста и технологий.

Новая социология техники

Авторы социально-философских концепций техники всегда были заинтересованы меняющимся положением людей по отношению к их изобретениям. Но, как кажется, точка зрения французского социолога Б. Латура демонстрирует наивысшую степень вышеупомянутого интереса, поскольку обращается к пересмотру

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Пожилый человек за компьютером: исследование повседневных практик представителей «третьего возраста» в Волгоградской области», проект № 11-13-34006а/В.

тех оснований, полагаясь на которые интеллектуалы прошлых столетий обосновывали понятия человека и машины.

Будучи социологом науки и техники, Б. Латур связан с французской школой антропологии техники, которая основывается на определенных теоретических и методологических принципах. Это прежде всего внимание к телесности действий с использованием каких-либо инструментов. Навыки, проявляющиеся в том, каким образом мы что-либо делаем или чем-либо пользуемся, концентрируют в себе не только физические и умственные ресурсы, но и социальные и культурные. Технические приборы социально представлены, поскольку физические навыки оперирования ими тесно связаны с социальными и культурными обстоятельствами жизни [4, с. 52].

В работах «Относительно технического посредничества» и «Надежда Пандоры», Б. Латур доказывает, что сущность технологии заключается в отклонении (*daedalion*). Стоит обратить внимание, что автор пишет не о сущности человека и не о сущности машины/механизма, а о технологии. В центре такой трактовки технологии находится то, что сущность не рассматривается как нечто предустановленное и неизменное, а выступает как функция, включающая человеческие и нечеловеческие действия. В этом состоит фундаментальный поворот во взгляде на технологию. Слово «*daedalion*» в переводе с греческого означает «нечто изогнутое, отклонившееся от прямой линии, ловко придуманное, красиво и экономно сделанное» [5, с. 31]. Формируя представление об изменениях с помощью технологии, как это понимает Б. Латур, необходимо иметь в виду, что технологии основываются (держатся) на маневре, который делает любой актер для достижения цели. Критическим в понимании позиции французского социолога является то, что актер (человек и нечеловек), технологическое устройство и цель – все преобразованы процессом действия. Все отклоняются от ровного устойчивого порядка, все немного изменяются. В своем понимании отклонения Б. Латур игнорирует простое различие между актором/агентом/целью.

В эссе «Относительно технического посредничества» Б. Латур характеризует свое видение темы человека и человеческой субъективности в сравнении с тем, как это трактуется в гуманитарном знании: «Если мы стараемся понять технику, исходя из предположения, что

психологические способности и качества людей раз и навсегда зафиксированы, мы не сдвинемся в понимании того, как созданы технические приборы и как они используются» [5, с. 44]. Мнение, высказываемое Б. Латуром, идет вразрез с традиционным представлением о человеческой природе, оваянной идеей святости человеческого духа и тела, оно идет вразрез с тем представлением, которое строится на абсолютном разделении человека и механизма. Осмысляя человека и человеческую природу, Б. Латур пишет: «Вы – человек с ружьем в руках. Сущность есть существование, существование есть действие. Если я определяю Вас как того, кто имеет оружие, и рядом ассоциаций, в которые Вы вступаете, когда Вы используете оружие (когда Вы стреляете из ружья), то получается, что Вы изменены оружием. Больше или меньше, в зависимости от значения других ассоциаций, которые связаны с Вами, но все-таки Вы изменены влиянием ружья в Ваших руках» [5, с. 40].

Б. Латур не встает ни на сторону человека, ни на сторону механизма, рассматривая процесс выстрела из ружья. Для него изменяется не только человек под влиянием ружья в руках, но также и ружье и первоначальная цель. Согласно мнению ученого, действие совершается ни каким-либо одним участником социотехнологической сборки (монтажа), но выполнение действия распределяется между человеческими и нечеловеческими актерами и медиаторами – проводниками в самом полном смысле этого слова: «Основные движущие силы действия предстают в новом свете как распределенные и вложенные в ряд практик, вся сумма которых может выполняться, только если мы уважаем посредническую роль всех актантов, мобилизованных в списке» [5, с. 58].

Если придерживаться данной точки зрения, то нельзя допустить представлений о том, что есть некая сущность человека, которая может быть рассмотрена вне социотехнической ситуации проживания и действия. Б. Латур пишет: «Нет никакого смысла в том, чтобы думать, что люди могут, как считают, существовать как люди без того, чтобы вступить в общение с тем, что разрешает и позволяет им существовать (то есть действовать)» [5, с. 45].

В книге «Нового времени не было», которую считают наиболее сложным философским текстом Б. Латюра, объясняется, как эта позиция соотносится с суждениями о гуманизме, и особенно с современным кризисно-критиче-

ским видением отношений между человеком и техникой. Б. Латур сопротивляется обвинениям в антигуманизме, спрашивая: «Как могли бы машины угрожать *anthropos*’у? Он создал их, он вложил в них самого себя, он наделил их составные части подобием со своими собственными членами, свое собственное тело он конструирует вместе с ними. Каким образом могли бы ему угрожать объекты? Все они представляли собой квазисубъекты, циркулирующие внутри коллектива, который они тем самым очерчивали» [1, с. 100].

В концепции Б. Латура дается голос вещам, техническим приборам, устройствам, которым человек делегирует выполнение необходимых действий. Такая точка зрения расширяет возможности анализа многих реалий нашего технологизированного настоящего.

Гипотезы

В данном исследовании авторы стремятся выяснить содержательное наполнение компьютерных практик пожилых людей. Какие действия, говоря словами Б. Латура, разделяются пожилыми с таким техническим устройством, как компьютер? Именно по пользовательским практикам осуществляется различие внутри номинальной социальной группы «пожилые люди», тем самым следуя логике современной социологии, предполагающей анализ вещей и практик как средств структурирования общества, то есть создания и воспроизводства устойчивых различий.

Предположения сводятся к следующему:

– те представители «третьего возраста», кто владеет компьютером, демонстрируют типичные поведенческие паттерны, свойственные всем пользователям компьютера – увлеченность открывающимися возможностями, позитивную оценку происходящих изменений, стремление осваивать все новые функции устройства;

– поколенческие различия проявляются не в способах оперирования компьютером, а в путях приобщения к этому устройству.

Данные и методы

В 2011 году проведен сбор лейтмотивных интервью у пожилых жителей Волгограда. Первоначально отбор информантов был нацелен на людей от 60 лет и старше, но в ходе полевой работы в выборку были включены волгоградцы от 55 лет и старше. Это объясняется тем, что в организациях, работающих с пожи-

лыми людьми, где проходил сбор информации, собирались люди по формальному возрасту старости, то есть с 55 лет.

Было проведено 21 интервью, в ходе которых продолжительность разговора колебалась от 30 до 90 минут. Выборка в проекте формировалась методом «снежного кома», доступ к информантам обеспечивался либо через личные социальные сети исследователей, либо через районные центры социального обслуживания и клубы пожилых людей. Надо заметить, что с весны 2011 года активизировалась специализированная социальная работа по обучению компьютерной грамотности пожилых волгоградцев. В настоящее время в городе есть бесплатные компьютерные курсы для людей «третьего возраста».

Лейтмотивное интервью задавало только направление разговора с информантами, поэтому этот метод дал в руки авторов обширные рассказы, показывающие специфику видения явления глазами самих участников.

Обсуждение результатов исследования

Наблюдение компьютерных практик людей старших возрастных групп позволяет обнаружить новый маркер «нестарых пожилых». Для «нестарых пожилых» компьютер является важным средством поддержания социальной активности, которая может быть связана с профессиональной занятостью, дружескими и общественными коммуникациями, с поиском и отслеживанием необходимой информации, с досугом. Вот, как говорят о себе информанты:

«Я вот прихожу с работы, мы, значит, поужинаем, посмотрим «Давай поженимся», новости послушаем, волгоградские новости послушаем, потом – «Пусть говорят», и то смотрим, какая тематика там.... И где-то часов в 9 вечера я уже сажусь за компьютер и часов до 11» (Римма Николаевна, 71 год).

«Дома пользуюсь (компьютером) при приготовлении, предположим, каких-то блюд, при подготовке ко дню рождения, к празднику. Посмотришь, какие салаты там. Если начинаю читать книгу, то я выйду на автора, мне интересно прочитать о нем. Если посмотрю какой-то фильм, я тоже ищу. Или до фильма. Также мне интересно. Вот пользуюсь в какие моменты. Ну, если что-то заболело, тоже смотришь. Потом вышла в «Одноклассники», сама зарегистрировалась там» (Виктория Викторовна, 65 лет).

«У меня – игры... я в «Дьявола» играю («Diablo» – культовая компьютерная игра в стиле hack and slash, изданная в 1996 г.). Ролевая игра. Она давнишняя, старая. Она начиналась еще на пентiums. ... Она трехуровневая игра. И я поставил перед собой задачу все три уровня пройти» (Генрих Семенович, 73 года).

«У меня больше двадцати пяти друзей по интернету. Я с ними общаюсь, переписываюсь и т. д. (А есть те, кого Вы в реальной жизни не видели, не знаете, с кем познакомились через интернет?) Конечно, конечно! Вот я, допустим, напечатала в блоге свои стихи, а мне на стихи пришли отзывы. И написали, что нам понравилось то, то, то. И я в благодарность могу... набрала, допустим, эту фамилию и эту картинку и написала: “Марина, спасибо Вам за Вашу оценку моих стихов и т. д.” И мы начали общаться, переписываться» (Галина Николаевна, 70 лет).

Акцентирование внимание на новых технологиях, включенных в повседневность, позволяет сломать устойчивый стереотип эйджизма и раскрыть социальное конструирование ролевых ожиданий от людей в возрасте. Современная идеология старения определяет старость хронологически, по возрасту выхода на пенсию. При выделении на основе такого подхода социальной группы стариков отступает на второй план высокая степень социальной неоднородности данной группы. Как отмечает Е. Ф. Молевич, социально-демографическая группа стариков в современных условиях приобретает статус номинальной, то есть чисто статистической группы, что исключает наличие у нее какой-либо общей содержательно-функциональной сущности [2, с. 62]. Материал исследования показывает действительную неоднородность людей, объединенных возрастом.

От всех других пожилых на основании любого пользовательского опыта была отделена группа «нестарых пожилых», но и внутри этой группы можно провести границы по способу использования компьютера. В данном случае интересным разделителем выступает включенность в он-лайн. Выход в интернет и освоение компьютерно-опосредованной коммуникации привносит в жизнь любого человека динамизм, проявляющийся в скорости получения и обмена информацией, дает ощущение глобальной открытости и досягаемости. Те пожилые, кто пользуется интернетом, ощущают радикальные перемены в социальных взаимодействиях. Лю-

ди, не прибегающие к компьютерно-опосредованной коммуникации, полагаются на функции компьютера, которые он отбирает у уже существующих медиа, которые более традиционны и понятны. Например, игры, чтение книг, просмотр фильмов, прослушивание радио и аудиозаписей – все эти действия были известны, компьютер лишь объединяет их в одном устройстве, тем самым интенсифицируя деятельность пользователя.

Материал собранных интервью оспаривает широко распространенное социальное представление о консерватизме всех пожилых. Пользующиеся компьютером, названные авторами «нестарые пожилые», открыты изменениям. Их встроенность в современные социальные взаимодействия служит основой для оптимизма и положительной оценки новых технических возможностей.

«Завел электронный почтовый ящик не так давно, наверное, года два назад, и доволен как-то так я, очень доволен. ... Ноутбук я пока себе не приобрел, но желание есть такое» (Борис Петрович, 61 год).

«А вообще вот как с сестрой сядем и говорим «боже мой, какое счастье, ну какое счастье, ну вот я еду в транспорте, я тебе могу позвонить, и из другого города...да купи хлеба, да как у тебя дела». Пару слов сказал – это вообще..., это замечательно!» (Виктория Викторовна, 65 лет).

«Люди становятся, во-первых, ближе друг к другу через интернет-знакомства. У них какие-то общие интересы и что-то еще – это мне нравится. Второе то, что становятся более грамотные – это тоже мне нравится» (Галина Николаевна, 70 лет).

Важнейшая категория, фиксируемая авторами в материалах интервью и позволяющая развивать концепцию пожилого человека-пользователя – это «дети и внуки как проводники в жизнь с компьютером». Именно дети подталкивают к освоению компьютера. Это может происходить прямо: дети отдают свой или дарят новый компьютер, помогают разобраться, учат. Это может происходить латентно: дети переезжают в другой город, дети говорят на компьютерном жаргоне и о компьютерных возможностях или проблемах, и пожилые родители чувствуют себя исключенными.

Представители старших возрастных групп подключаются к проверке возможностей компьютера на этапе его активной domestikации.

Когда персональный компьютер становится домашним средством коммуникации и будничная жизнь семьи во многих своих проявлениях действует компьютер (досуг, получение житейской информации, общение с родственниками), тогда и пожилые люди начинают входить в социотехнические системы, образованные с помощью компьютера. Хотя, естественно, наряду с этим среди людей «третьего возраста» есть группа тех, кого освоить компьютер заставила профессия и продолжающаяся работа. Характерные черты этой группы – относительно меньшее количество лет (это люди от 55 до 60 лет), а также принадлежность к какому-либо информационно зависимому виду деятельности (преподаватели, библиотекари и т. п.).

Заключение

Скорость жизни в современном мире продолжает набирать обороты, изменяя темп и правила общения между людьми. В процесс коммуникации постоянно входят новые научные разработки, и социология техники Б. Латура дает возможность учитывать вклад материальных предметов в воспроизводство окружающей реальности. Более того, перенося внимание в анализе социальных взаимодействий на способы соединения с техническим устройством, социолог перестает транслировать столь устойчивую идеологию эйджизма, концентри-

рующуюся на возрастных изменениях, связанных со старением. Благодаря социальному различению групп через вещи в практиках взгляду социолога открываются отнюдь не естественные возрастные границы, а действительно социальные. Эти социальные границы обусловлены статусными и ролевыми ожиданиями от пожилых, открытостью и заинтересованностью современных организаций в тех, «кому за...», общественным дискурсом. Пожилые люди – чрезвычайно неоднородная группа, внутри которой есть по-настоящему динамичные, активные, что и позволяет открыть исследование компьютерного опыта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Латур, Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б. Латур; науч. ред. О. В. Хархордин. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.
2. *Молевич, Е. Ф.* К анализу сущности и формы социальной старости / Е. Ф. Молевич // Социологические исследования. – 2001. – С. 61–64.
3. Персональный компьютер: тридцать лет спустя // Пресс-выпуск ВЦИОМ. – 2011. – № 1815. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=159&page=8>. – 2011. – 14 декабря. (Заглавие с экрана).
4. *Bray, F.* Gender and Technology / F. Bray // Annual Review of Anthropology. – 2007. – Vol. 36. – P. 37–53.
5. *Latour, B.* On Technical Mediation - Philosophy, Sociology, Genealogy / B. Latour // Common Knowledge. – 1994. – № 3.2. – P. 29–64.

УДК 316.462
ББК 60.561.322

С. Г. Лагутин

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства при Президенте РФ

E-mail: lagutin-vags@mail.ru

Информационная прозрачность деятельности органов власти всех уровней, доступность получения населением информации о принимаемых решениях, результатах деятельности становятся не только необходимым элементом осуществления связи между гражданами и их избранниками, но и средством эффективного функционирования самих органов власти.

Ключевые слова: информатизация, информация, информационные потоки, доступ к информации, информационная прозрачность, транспарентность.

S. G. Lagutin

INFORMATION OPENNESS OF THE INTERACTION BETWEEN LOCAL AUTHORITIES, WITH A POPULATION: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE.

Volgograd branch of Russian Academy of national economy and the public service under the President of the Russian Federation

Transparency of authorities at all levels, availability, receipt of public information about the decisions taken, the results are not only an essential element of communication between citizens and their elected officials, but also means for the effective functioning of the authorities.

Keywords: informatization, information, information flows, access to information, transparency, transparency.

Информатизация органов местного самоуправления в РФ на современном этапе становится стратегически важным, ключевым ресурсом в повышении качества и эффективности их деятельности. Работа с информацией в органах местного самоуправления выступает важным инструментом управленческой деятельности. Управление информационными потоками лежит в основе эффективного муниципального управления, от которого, в конечном счете, зависит эффективность всей системы власти в стране. В свою очередь, возможность беспрепятственного доступа к информации о деятельности органов власти для любого гражданина позволяет реализовать его право на свободный доступ к имеющим общественное значение сведениям, которое обеспечивает его реальное участие в жизни государства, свидетельствует о соблюдении личных, политических, социальных прав и свобод.

Для изучения степени информационной открытости органов местного самоуправления в процессе взаимодействия с населением города Волгограда в феврале 2011 года было проведено социологическое исследование в форме опроса. Были опрошены представители волгоградской молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, а также эксперты (представители органов местного самоуправления Волгограда и руководители молодежных организаций города). Выборка исследования составила 100 представителей молодежи как наиболее активной части населения Волгограда, включая 15 экспертов. Целью социологического исследования явилось изучение степени информационной открытости в деятельности органов местного самоуправления. В качестве гипотезы социологического исследования было выдвинуто предположение о возросшей степени открытости информации о деятельности органов местного самоуправления для населения, обусловленной реализацией вступившего в силу в 2010 году закона РФ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

По результатам социологического опроса, были получены данные, свидетельствующие о довольно низком уровне доверия институтам власти Волгограда среди молодежи. Полностью доверяют всего 2,6 %. 5,4 % респондентов скорее доверяют, чем нет. В то же время 92 % участвующих в опросе либо в большей степени не доверяют (29,0 %), либо не доверяют совсем (63,0 %). При этом 44,8 % опрошенных счита-

ют, что степень открытости волгоградских институтов власти за последнее время не изменилась, напротив 26,3 % респондентов отметили улучшение степени открытости органов местного самоуправления. Отсутствие динамики показателей по данному вопросу позволяет сделать вывод о недостаточной информированности местного сообщества, а также о том, что, по мнению граждан, местная власть действует не в соответствии с интересами основной части населения. Кроме того, большинство респондентов (79 %) считает, что деятельность местных органов власти освещена недостаточно. Подобная позиция не совпадает с точкой зрения опрошенных экспертов, которые считают, что интересы населения достаточно отражены в действиях органов управления (58 % опрошенных). Ответы экспертов могут служить указанием на недостаточную инициативность и заинтересованность со стороны населения в деятельности органов местного самоуправления. Подтверждением экспертной оценки выступает отмеченная респондентами невысокая степень нужды в информации о деятельности органов местного самоуправления.

Значительная часть респондентов (84 %) определяет свою потребность в получении информации о деятельности органов местного самоуправления как низкую (24,0 %) либо совсем не нуждается в подобной информации (60,0 %). Вместе с тем большинство экспертов (61,0 %) уверено в том, что при желании любой гражданин может получить интересующую его информацию о деятельности органов власти, 22 % отмечают частичный характер этой возможности и только 2 % полностью отрицают эту возможность.

Результаты опроса показывают, что молодежь Волгограда не рассматривает местные органы управления в качестве помощника в достижении жизненных целей. Более половины опрошенных (52 %) рассчитывают на финансовую помощь родителей и родственников. 44 % респондентов считают, что родители и родственники помогут им трудоустроиться, 2,8 % рассчитывают на собственные силы. Выявленный пессимизм в оценке решения жизненных проблем находит отражение в оценке деятельности органов местного самоуправления. Отсутствие эффективных форм взаимодействия органов управления с населением формирует оценку респондентами уровня открытости управляющих институтов.

В последние годы органами местного самоуправления Волгограда было инициировано и реализовано множество проектов в различных сферах молодежной политики (спорт, туризм, образование). Мероприятия, проводимые Комитетом по делам молодежи администрации Волгограда, по свидетельству сотрудников органа, своевременно и полно освещаются в основных источниках информации (СМИ, Интернет, наружная реклама). Однако мнения респондентов на вопрос об оценке работы этого комитета в представлении сведений об основных проводимых событиях в городе довольно разные. Так, 6 % считает, что события освещаются объективно и всесторонне, напротив, 31 % признает работу Комитета по делам молодежи администрации Волгограда удовлетворительной, отмечая при этом, что зачастую события освещаются неполно и недостоверно. Оценивая в целом положительно работу Комитета по молодежной политике администрации Волгограда, 21 % отмечает, что наиболее значимые события не всегда находят свое освещение в СМИ и столько же (21 %) оценивает работу комитета неудовлетворительно.

Причинами подобных результатов может быть непродуманная политика популяризации мероприятий и программ, несовпадение действий органов управления и ожиданий молодежи, отсутствие интереса к событиям, проводимым комитетом. Анализ результатов опроса дает основания полагать, что деятельность управляю-

щих институтов и, в частности, органов, занимающихся молодежной политикой города, носит поверхностный характер, реализуемые программы затрагивают одни молодежные группы и никак не отражаются на других. Единственным решением подобной проблемы должно стать налаживание устойчивой обратной связи, которая позволит обратить внимание на реальные потребности молодежи, снизить риски, предотвратить проблемы. Наиболее удобным и эффективным способом взаимодействия с органами местного самоуправления граждане считают прием по личным вопросам, регулярные прямые эфиры на телевидении, горячие линии на радио, интервью в прессе, а также Интернет-приемные.

В целом, анализ результатов опроса населения Волгограда показал высокую степень актуальности проблемы прозрачности органов местного самоуправления. Деятельность управляющих институтов, несмотря на попытки предоставления информации в СМИ и Интернет, остается достаточно закрытой, взаимодействие с местным сообществом носит поверхностный характер. Для формирования полноценного диалога должны быть предприняты усилия с обеих сторон. Постоянное информационное взаимодействие органов местного самоуправления и локального сообщества является важным элементом организации эффективного взаимодействия, необходимого для успешного развития муниципального образования.

УДК 316.4.063
ББК С555.354

М. В. Мельников

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ, ОБЩЕЕ БЛАГО И ПРАВО

Новосибирский государственный технический университет

E-mail: Halkidon_N@list.ru

Изменения в современном обществе анализируются посредством понятия «социальная приватизация». Доказывается, что общественно-опасные стороны этого процесса могут быть приуменьшены посредством дискурса о ценности общего блага и выбора правового пути как механизма легитимизации ценности общего блага в сознании людей.

Ключевые слова: социальные изменения, дихотомия публичного и частного, социальная приватизация, общее благо, частное благо, право.

M. V. Melnikov

SOCIAL PRIVATIZATION, COMMON GOOD, AND LAW

Novosibirsk State Technical University

The changes in contemporary society are analyzed by means of a «social privatization» notion. It has been proved that socially dangerous aspects of this process might be reduced by virtue of discourse of the common good value and legal way choice as a mechanism of common good value and legal way choice as a mechanism of common good value legitimization in the minds of the people.

Keywords: social changes, public/private dichotomy, social privatization, common good, private good, law.

Современное общество уже трудно назвать массовым в силу неспособности и нежелания людей осуществлять добровольные согласованные и стихийные коллективные действия. Публичная сфера превращается в виртуальное социальное пространство, существующее как в форме электронного пространства в Интернете (форумы), так и в форме воображаемых коллективных идентичностей, лояльностей и субъектов. Основной силой, удерживающей его в настоящее время, является экономика, и ее орудия – разделение труда и потребление. Парадоксальность процесса индивидуализации выражается как в повышении уровня рефлексивности индивидов, так и в повышении социальной инерционности их поведения, обуславливающей инерционность социальных институтов. В условиях отсутствия совместной социальной траектории личностного развития не могут успешно осуществляться социальные инновации. Социальная гетерогенность и дестандартизация свойственна сегодня не только выборам жизненных карьер отдельными людьми, но и социальным институтам и организациям. Гетерогенизация и дестандартизация личного выбора, институтов и организаций представляет собой открытый незаконченный процесс, их современные выражения не имеют определенной законченной формы. Это касается и оценки происходящих изменений, будто бы ведущих к атомизации общества. Однако наблюдаемых сегодня фактов недостаточно для того, чтобы усматривать в них выражение исключительно общественно-опасных или социально-отрицательных тенденций.

Осмыслению этих фактов как элементов единого целого, как частей единого процесса может послужить понятие «социальная приватизация» (далее – СП). Под этими словами понимается длительный социальный процесс усиления значения частного начала на разных уровнях общественной организации. Яркое и противоречивое выражение СП получает в разных процессах, идущих во многих странах. В качестве примеров можно указать усиление роли частного сектора в экономике, новые ограживания общественных пространств, приватизацию государства и права, выражающуюся в присвоении общественных благ частью правящего класса и в использовании служебного положения в личных своекорыстных интересах, идущих вразрез с принципами социальной ответственности и справедливости.

Факторами, которые способствовали усилению частного начала и интереса во многих развитых странах во второй половине XX века, являются выражение потребности людей не столько в свободе, сколько в контроле и безопасности; реализация демократического права на участие в гражданских и политических делах; реакция на неэффективность государственного управления экономикой; стремление к преодолению избыточной зависимости индивида от разного рода групп, идентичностей, обязанностей, норм, институтов.

Общественно-опасными последствиями СП в духовной сфере общества являются дефицит коллективных ценностей; неспособность людей понять и поддержать друг друга; реинкарнация племенной морали и эгоизация закрытых групп как реакция на разрушение границ между государствами, стратами, культурами. В сфере религии СП проявляется в ослаблении церковных институтов. Люди стремятся не столько к следованию истинам, провозглашаемым церквями, сколько к поиску собственной духовности. Частная религиозность не способна выполнять классическую задачу религии, а именно задачу создания общего универсума, в котором социальная жизнь получает общезначимый высший смысл.

В сфере национально-этнических отношений СП проявляется в ослаблении национального сознания и в оживлении этнического партикуляризма. Этническая и конфессиональная идентичности сплачивают только тех людей, кто может быть отнесен к группе своих.

В мировой политике СП выражается в форме дифференциации процесса развития мировой политики, осуществляемой как усложнение ее целостности и организованности посредством прогрессирующей специализации, или растаскивания [4], компетенций и функций, выполняемых негосударственными акторами мировой политики.

Современная ситуация в России является показательным примером того, как большинство этих последствий воплощено в жизнь людей. Ценности солидарности не обладают значимыми регулятивными функциями в российском обществе. Консолидация россиян происходит не на основе позитивных представлений, общих интересов и ценностей, образующих основу для совместной деятельности, а на солидарности отталкивания и демаркации [3]. Но эта ситуация не является новой для России. И в цар-

ское, и в советское время, как показано в работах А. С. Ахиезера [1], С. Л. Хока [5], В. М. Воронкова [2], у разных социальных групп или сословий российского народа существовали неверие в свои силы, нежелание действовать во имя общих интересов и благ, участвовать в публичной и общественной деятельности.

Распространение партикуляризма свидетельствует о том, что в сознании современных людей доминируют установки на достижение *частных* благ и защиту *частных* интересов. Интересы политической и экономической элиты России, как, впрочем, и многих других стран Запада и Востока, изменяются в сторону снижения ответственности за общество и приватизации ее интересов. Показателем этого изменения является иницируемый экономической элитой процесс приватизации общественной собственности и иницируемый управленческой элитой процесс приватизации государства, постепенного сокращения выполнения им функций социального государства. Наиболее радикальная общественно-опасная форма СП может быть охарактеризована как неспособность и нежелание людей слышать и видеть друг друга, быть понятым и принятым, неспособность и нежелание осуществлять коллективные и кооперативные социальные действия. Следующей стадией может быть только смерть общественного, социального и человеческого.

Необходимость преумножения общественно-опасных сторон СП не осознается как задача, требующая согласованных действий различных общественных групп. Однако она осуществляется неявным и несогласованным образом в действиях различных общественных групп и посредством разных социальных механизмов. Эта деятельность обладает положительным кумулятивным социальным эффектом, но она должна быть дополнена организационно-институциональными механизмами. Согласование позиций и определение направлений действий социальных субъектов по уменьшению общественно-опасных сторон СП возможно, если они достигнут согласия относительно признания необходимости подчинять частное благо и частно ориентированное действие (действие, преследующее достижение частного блага) общему благу и общественно ориентированному действию, если это не рассматривается как нарушение принципа свободы личного выбора. Заинтересованность социальных субъектов в уменьшении общественно-опасных сторон СП и их желание внести

вклад в возрастание общего блага будет тем выше, чем больше осуществляемая ими деятельность позволит им добиться повышения их собственной общественной значимости и возрастания их частного блага.

Общее благо есть понятие, посредством которого характеризуется состояние организации общественного порядка как правового, справедливого и солидарного. Этот порядок основан на том, что объединяет людей и укрепляет их доверие друг к другу, государству, институтам, и позволяет им совершенствовать свою свободу в выборе и достижении частных благ, но не на счет несправедливого и неправового уменьшения частных благ других людей и общего блага. Общее благо связано с публичными идеями и интересами. В обществе, ориентированном на приоритетность общего блага, признаются частные интересы, которые приносят благо каждому, и отвергаются интересы, которые приносят благо части общества ценой нанесения ущерба другой части общества.

Для того, чтобы действия по уменьшению общественно-опасных сторон СП были эффективными и легитимными, им должен предшествовать открытый и равноправный дискурс о существующем расхождении между правами и институтами, отраженными в формальных нормах права, и фактически существующими институтами, нормами и практиками, не получившими правовой фиксации и оценки, но обладающими мощным влиянием. Эти институты должны получить оценку правоведов как неправовые нормы, существование которых свидетельствует о несправедливом возвышении частных интересов и прав над интересом и правом общего блага.

Для преодоления монополии приватизированного государства на смыслополагание правовых норм, облегчающих легализацию приватизации отдельных общественных благ ее представителями, и недопущения практики придания частным интересам формы абстрактного общего права необходима легализация института научно-социологической и общественной экспертизы существующих, разрабатываемых и утверждаемых правовых норм.

Потребность в правовом способе преумножения СП особенно высока в асимметричном обществе, где формальные институты делегитимизированы практикой неформальных транзакций, где происходит приватизация права и согласования формальных правовых огра-

ничений с неформальными практиками и корпоративными интересами, где низок спрос на демократию и диалог.

Приуменьшение общественно-опасных сторон СП, осуществляемое как разработка и применение согласованных действий, требует артикуляции участвующими сторонами, включая государство, своей заинтересованности в этой деятельности, которая не противоречила бы правовым принципам. Необходима капитализация правового способа укрепления общественного согласия относительно приоритета общих благ над частными. Укрепление институциональных форм правового пути преуменьшения общественно-опасных сторон СП будет успешным, если издержки неправового пути сохранения и увеличения частных благ, противоречащих возвышению общего справедливого блага, превысят выгоды, получаемые индивидами и группами при выборе неправового пути. Право как условие возможности общего блага, которому не противоречили бы менее общие блага, является ресурсом, способным кооперировать спонтанно идущие процессы самооргани-

зации коллективных действий по борьбе за расширение прав граждан на социальную инклюзию и в целом за справедливое возвышение частных и общих благ с интересами государства и правящего класса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахиезер, А. С. РОССИЯ: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. – М.: Новый хронограф, 2008. – 938 с.
2. Воронков, В. М. Приватизация этничности vs «национальная политика» / В. М. Воронков // Куда пришла Россия? : итоги социет. трансформации, 2003: Междунар. симп., 16–18 января 2003 г. : [Материалы] / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М.: МВШСЭН: Интерцентр, 2003. – С. 206–214.
3. Гудков, Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов / Л. Гудков. – М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ – А, 2004. – 816 с.
4. «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты: коллективная монография / под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Голден-Би, 2008. – 280 с.
5. Хок, С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / С. Л. Хок; пер. с англ. – М.: Прогресс-Академия, 1993. – 192 с.

УДК 323.1
ББК 66.094

И. Г. Селезнева, А. С. Сухова

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: irinaselezneva@bk.ru, belousov34@yandex.ru

В данной работе была проанализирована природа современного этнополитического экстремизма, описаны основные социально-экономические факторы, способствующие развитию данного явления в обществе. Исследован мотивационный комплекс, структура и формы современного этнополитического экстремизма, представлены возможные варианты его минимизации.

Ключевые слова: этнополитический экстремизм, этническая политизация, этническая группа, экстремистские группировки, конфессиональная группа, конфликтный потенциал, экстремизм, этнос, нация, межнациональные отношения.

I. G. Selezneva, A. S. Suhova

PROBLEMS OF MODERN ETHNO-POLITICAL EXTREMISM

Volgograd State Technical University

In this work we analyzed the nature of modern ethnic and political extremism, described the main socio-economic factors contributing to the development of this phenomenon in the society. We investigated the motivational complex, the structure and form of contemporary ethno-political extremism, and presented options to minimize it.

Keywords: ethno-political extremism, politicization of ethnicity, ethnic group, extremist groups, confessional group, potential for conflict, extremism, ethnos, nation, international relations.

Такие темы, как шовинизм, этноцентризм, экстремизм, терроризм, прочно вошли в современный дискурс. В их обсуждении активно принимают участие, как специалисты, так и

общественность. Наиболее эти темы важны для Российской Федерации, которая на протяжении последних десятилетий борется с центробежными тенденциями, наметившимися на Север-

ном Кавказе. Одним из факторов этих тенденций является этнополитический экстремизм.

Термин «экстремизм» был введен в научный оборот в начале XX века французским юристом М. Лероем, который основным отличительным признаком экстремизма назвал требование от его приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политически идеалы [1]. В современной политологии понятие экстремизма имеет некоторую многозначность. В гуманитарном знании экстремизм обобщенно характеризуют как сложный социокультурный феномен и различают его проявления на идейно-теоретическом уровне (как совокупность правовых, моральных, идейно-политических ценностей и взглядов), на практико-психологическом, социально-психологическом уровне, а также на индивидуальном, групповом и государственном уровнях. При всех различиях в определении экстремизма общим является понимание его как приверженности к крайним взглядам, формам поведения, действиям, жизненной стратегии; склонности к использованию силовых, насильственных методов и средств достижения цели. Отсюда, первой причиной возникновения экстремизма можно считать деликвентность и агрессивность индивида или группы индивидов, неспособных решить возникающие проблемы или привести новые изменения общепризнанными способами, а только при помощи направленной и мотивированной агрессии и насильственным путем.

Таким образом, под политическим экстремизмом следует понимать такую активность политических субъектов, которая выражается в стремлении определенных политически активных индивидов, общественных групп, властвующих элит и контрэлит воплотить в жизнь свои политические идеалы и реализовать поставленные задачи всеми доступными средствами, включая различные формы насильственного воздействия, направленные на государственную власть, общество в целом или на какое-либо его элементы, международные организации, обосновывающие и оправдывающие это насилие идеологией.

По мнению некоторых исследователей, этнополитический экстремизм является частным случаем этнических конфликтов. В свою очередь этнические конфликты классифицируют по сферам общественной жизни и выделяют политические этнические конфликты, экономические этнические конфликты и конфликты в

духовной сфере [2, с. 130]. На основании данной классификации можно выделить ряд основных причин, порождающих такое явление, как этнополитический экстремизм:

- разногласия этносов по поводу распределения власти и ресурсов;
- борьба национальных меньшинств с доминирующим этносом за расширение своих политических прав и политического представительства;
- столкновения этнических меньшинств по поводу распределения финансовых ресурсов и иных экономических благ;
- противостояние этносов на почве различных подходов к исповедованию одной религии либо расхождению религиозных догм, когда в данный аспект входит этническая компонента.

Существенную роль имеют исторические факторы возникновения этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа России. К ним можно отнести проблему присоединения территорий Северного Кавказа к Российской империи в XIX веке. Эту карту на современном этапе пытаются разыграть различные этнические экстремистские группировки, утверждая, что на месте большого олимпийского строительства в Сочи проживало значительное количество черкесов, подвергшихся уничтожению русской армией [3]. Историческим фактором, приводящим к этнополитическому экстремизму, является вопрос о депортации кавказских народов в 1943 году.

Основой для возникновения территориально-этнических факторов этнополитического экстремизма является уникальное смешение этносов, народностей и наций, проживающих в республиках Северного Кавказа. По данным антрополога У. М. Умаева, на территории Северного Кавказа проживает четыре различные языковые семьи (индоевропейская, алтайская, афроазиатская, кавказская), имеющие в своем составе более 20 этнонациональных групп (армяне, греки, индоарийцы, иранцы, тюрки, семиты и т. д., имеющие в своем составе более 100 народностей [4]. Вооруженные конфликты конца 1980-х – начала 1990-х годов спровоцировали активную миграцию населения в данном регионе, что не могло не вылиться в столкновения на межнациональной почве.

Под механизмом противодействия следует понимать совокупность способов, направленных на нейтрализацию эффектов, вызванных факторами возникновения экстремизма. Услов-

но эти механизмы можно разделить на две группы: силовые и несиловые. Под силовыми механизмами понимается силовое принуждение к прекращению экстремистской деятельности, а также легальное насилие, обусловленное законодательством и иными нормативно-правовыми актами. Предпосылки для их использования заложены в Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Начиная с 2002 года, в структуре силовых ведомств был создан ряд подразделений, отвечающих за силовое противодействие экстремизму. Согласно указу Президента России от 6 сентября 2008 года №1316 и последовавшему за ним Приказу министра внутренних дел Российской Федерации от 31 октября 2008 года № 940, был создан Департамент по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации [5]. Национальный антитеррористический комитет (НАК) является органом, обеспечивающим координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму, крайней формы этнополитического экстремизма. Однако законодательные силовые механизмы противодействия этнополитическому экстремизму не регламентируют этнический и национальный подтекст, что приводит к необоснованным жертвам и эскалации этнополитического экстремизма в республиках Северного Кавказа. Так, после терактов в Беслане чеченские силовики сочли слова тогдашнего генпрокурора о контрзахватах родственников террористов буквально [6, с. 26].

Среди несиловых механизмов противодействия экстремизму можно выделить общефедеральные и региональные. К общефедеральным, например, относится создание указом Президента РФ Д. А. Медведева от 19 января 2010 года Северо-Кавказского федерального округа, в который вошли все северокавказские респуб-

лики. Основным методом противодействия был назван экономический. Формирование отдельного округа – это попытка обособленно и комплексно решить проблемы нестабильного региона. Крайне важным является тот факт, что в новый округ не вошла Республика Адыгея, где больше половины жителей составляет русское население, а также за прошлый год не зафиксировано ни одного террористического акта или иного преступления экстремисткой направленности.

По мнению авторов, несмотря на предпринимаемые шаги властью по правовому закреплению механизмов по противодействию экстремизму, существенного эффекта достигнуто не будет, если само общество не выявит в себе болезнь ксенофобии и этнической нетерпимости, а государство не заставит силовой аппарат принуждения действовать только в рамках правового поля. Также необходимо разработать и принять общегосударственную программу по противодействию экстремизму, которая послужит базой для совершенствования существующих и внедрения новых механизмов противодействия этнополитическому экстремизму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Политический словарь. Экстремизм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politics2050.ru/board>
2. Авксентьев, В. А. Этническая конфликтология в поисках научной парадигмы / В. А. Авксентьев. – Ставрополь, 2001 – С. 130.
3. ИноСМИ. Российская Олимпиада омрачена смертями полувековой давности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/social/20100322/158738598.html>
4. Умаев, У. М. Этнический состав Северного Кавказа. Проблемы толерантности в России / У. М. Умаев // Антропология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// antr](http://antr).
5. Википедия [Электронный ресурс]. Департамент по противодействию экстремизму МВД России. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> Департамент по противодействию экстремизму МВД России.
6. Джемаль, О. Униженные и оскорбленные / О. Джемаль // Русский «Newsweek». – 2009. – № 31. – С. 26.

УДК 316.334:7
ББК 60.56

Т. В. Андриянова

**ФЕНОМЕН РАЗДЕЛЕНИЯ (SEPARATION) ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ В США**

Курский государственный университет

E-mail: tatiana3@kursknet.ru

В статье раскрываются основы понимания концепта «гражданской религии» в современной научной литературе. В то же время приводятся несколько аналогов этого понятия в трудах Платона, Августина Блаженного, Ж.-Ж. Руссо. В обосновании темы автор основывается на собственном переводе главы из работы Р. Белла и Ф. Хаммонда «Виды гражданской религии».

Ключевые слова: гражданская религия, республика, государство, христианская республика, стена разделения.

T. Andriyanova

**THE PHENOMENON OF «SEPARATION» CHURCH AND STATE
IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF CIVIL RELIGION IN THE USA**

Kursk State University

The bases of understanding of the term «civil religion» in modern scientific literatures are presented in this article. At the same time some analogues of this term taking from the works of Plato, Rousseau are given. The author uses her own translation of the text by Bellah R., Hammond P. Varieties of Civil Religion. /Chapter 1: Religion and the Legitimation of the American Republic.

Keywords: civil religion, republic, state, christian republic, wall of separation.

Взаимоотношения церкви и государства в современном обществе выстраиваются непросто, об этом свидетельствуют данные социологических исследований, согласно которым в нашей стране, где верующими себя считают около 80 % населения, мнения относительно данного вопроса расходятся. Эксперты из числа священников убеждены в необходимости объединения церкви и государства, утверждая, что «можно отделить церковь от государства, но церковь – это люди, а как людей можно отделить от государства?». Воцерковленные респонденты и атеисты не разделяют подобную точку зрения – «в отношении идеологическом церковь должна, конечно, быть отделена» [1, с. 34]. В оценке характера и сущности взаимодействия церкви и государства также нет определенного единства, здесь встречаются два распространенных убеждения. С одной стороны, «государство ставит церкви задачу и церковь задачу официально решает», с другой стороны, «нужно, чтобы главенствовала церковь, а не государство» [1, с. 35]. Также среди респондентов разных конфессий и неверующих распространено мнение, что государство оказывает и должно оказывать церкви финансовую, административную и информационную поддержку.

Обращаясь к опыту других стран, видно, что не менее противоречивой, но во многом от-

личной от российской представляется ситуация в Америке. Здесь, по данным социологических исследований, более половины американцев выступают за отделение государства и политики от религии. Опрос телекомпании «СBS» в 2004 году показал, что 63 % из них выступают против того, чтобы религиозные деятели публично заявляли о религиозных предпочтениях. Другое исследование дает нам еще более парадоксальную картину: американцы не любят политиков, обладающих тесными связями с религиозными деятелями, однако большинство из них одобрительно относится к политикам, принимающим решения, основанные на религиозных убеждениях [2].

Отношения церкви и государства обсуждаются на страницах целого ряда научных работ. Интерес в этом отношении представляет совместный труд Роберта Белла и Филиппа Хаммонда «Виды гражданской религии», написанный по результатам многих эмпирических исследований и научных дискуссий 60–70-х годов XX века [3].

В разделе «Религия и политика» подробно анализируются отношения между церковью и государством в историческом аспекте. Авторы описывают сущность этих взаимоотношений на примере христианства и характеризуют его термином «напряжение» («tension»), которое

лежит глубоко в истории этой религии. Действительно, на протяжении большей части новой истории западного мира некоторые формы христианства были государственными религиями и обеспечивали «религиозную законность» («religious legitimation») государства [3, с. 2].

Р. Белла и Ф. Хаммонд приводят примеры «союзов» церкви и государства, исходя из опыта различных религий, аргументируя тезис о том, что «временами церковь господствовала в государстве, используя это в собственных интересах, делала светскими духовные ценности, доводя дело до национализма». Это было свойственно не только христианству, но и другим религиям на соответствующей ступени исторического развития (об этом подробнее в книге Р. Белла «Эволюция религии»). Даже те религии, которые оказывали гораздо большее влияние на государство, такие как ислам и конфуцианство на протяжении своей истории были вовлечены в «неудобный и несчастливый союз с государственной властью». Мусульманские правители рассматривались как «незаконные в религиозном сообществе, а в соответствии с учениями древних мудрецов все китайские императоры испытывали недостаток фундаментальной законности власти в глазах конфуцианских ученых».

В некоторой степени, как указывают Р. Белла и Ф. Хаммонд, «духовное и сосредоточенное на духовных (внутренних) исканиях христианство обеспечивало определенный путь для сокращения напряжения, не всегда возможный для других исторических религий». И все же в истории нет вариантов разрешения противоречий, описанных еще Августином Блаженным и Ж.-Ж. Руссо в вопросе взаимодействия церкви и государства. Тенденция возможного деления ролей этих двух социальных институтов представляется в двух вариантах – «религия как прислуга государства» («religion as the servant of the state») и наоборот.

Другая обсуждаемая на страницах работы идея о «внерелигиозном государстве», представляется авторам современной, но не достаточно достоверной. При этом западное общество, по убеждению Р. Белла, на всем историческом пути существования стремилось быть по-настоящему «христианской республикой», где не существовало бы раскола в душе человека как христианина и гражданина.

Давая определение термину «гражданская религия» в работе «Гражданская религия в

Америке», Р. Белла подчеркивает важность интересующего автора вопроса: «разделение церкви и государства не отрицает существования религиозного измерения, присущего политическим реалиям... Это религиозное измерение выражается в совокупности верований, символов и ритуалов, которые я называю американской гражданской религией. Инаугурация Президента – одно из важнейших церемониальных событий этой религии. Она подтверждает... религиозную легитимность высшей политической власти» [4].

В разделе «Работа «отцов-основателей», под которыми подразумеваются деятели, подписавшие в 1776 году Декларацию независимости, а в 1787 году Конституцию США, изучается проблема толкования первой поправки в Конституции, выраженная авторами в виде тезиса: «разделение церкви и государства» («the separation»). Суть выражения, усиленная неудачным образом «стены разделения» («wall of separation») Томаса Джефферсона, представляется не очень удачным как «чистое решение» проблемы, так как порождает больше трудностей в действительности, чем устраняет их. И самая важная вещь, о которой нужно здесь помнить, что разделение – это не конституционная норма, взаимоотношения власти и религиозных организаций в США регулируются на основе «Билля о правах». (9 поправок к Конституции).

Первая статья Конституции США (1787 г.) с поправкой гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание...» [5]. В этой поправке две части: «Положение об установлении» и «Положение о свободном вероисповедании», которые имеют большое количество толкований. Р. Белла и Ф. Хаммонд обращают внимание на вторую часть первой поправки, где «свобода исповедания» резюмирует все американское учение о религии и может помочь в исправлении тех искажений, которые уже имеются.

Парадокс, как отмечают авторы, заключается в поглощении понятия «религиозная свобода» понятием «разделение», потому что в данном случае свобода будет иметь негативный контекст. Она будет означать возможность и право исповедовать того Бога, который больше нравится, или никакого и оставаться при этом религиозным человеком (как это происходит в гражданской религии). Р. Белла и Ф. Хаммонд

оспаривают эту норму, говоря о более широком понимании «религиозной свободы» – это не просто личное (частное) дело каждого, а проблема политического устройства общества: «она (свобода) имеет мощное позитивное политическое значение, но эта трудность интерпретации не в полной мере учитывается в работах аналитиков» [3, с. 3].

В 90-е годы XX века в «стене Джефферсона» была пробита первая брешь, когда Апелляционный суд разрешил студентам Университета Вирджинии использовать средства из специального фонда своего вуза для выпуска религиозного журнала. В противном случае «нарушалась свобода слова» студентов. В начале XXI века религия проникает в сферу образования – право родителей использовать государственные ваучеры для обучения детей в частных религиозных школах; в сферу права – в Арканзасе, согласно Конституции, неверующим запрещается занимать должности в учреждениях штата, быть свидетелем в судебных процессах; в сферу политики – явление «религиозного лоббизма» [3].

В настоящее время в истории взаимоотношений, а точнее разделения церкви и государства, в Америке пишется новая страница и связана она с деятельностью Христианской коалиции, действующей под девизом: «Разрушайте эту стену!», направленной на отмену первой поправки к Конституции. Теоретики этого радикального христианского движения Исаак Крамник и Р. Лоуренс Мур написали целый ряд статей и работ, посвященных теме «безбожной Конституции» (1996 г.), и нападки их в основном касались темы отношений церкви и государства. Авторы признавали за отцами-основателями возможность уберечь новую нацию от потери религиозной свободы и как следствие установления определенных рамок: «Первая поправка – это улица с двухсторонним движением, по правилам которой правительство не должно вмешиваться в религию, в религия не должна вторгаться в дела государственного управления». Однако если у составителей Конституции не было «радикальной секулярной программы для нации», то разделение стало со временем мешать сторонникам Христианской коалиции.

Христианская коалиция активно борется за «новый мировой порядок» (подробнее об этом в книге П. Робертсона «Новый мировой порядок», 1991 г.) и главенствующую роль христи-

анской церкви в государстве, не принимая других религий и убеждений. «Христиане, принадлежащие к коалиции, считают преследованием, если правительство не может узаконить в школе молитвы и чтение Библии и если на стенах государственных учреждений не висят Десять заповедей...» [6].

На сегодняшний день, по сообщению американского международного информационно-аналитического агентства «Washington ProFile», ни одна из существующих проблем США так сильно не разделяет американское общество, как проблема взаимоотношений религиозных организаций и государства.

По обоснованному прогнозу Р. Белла и Ф. Хаммонда, многие нерешенные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в сочетании с нормами и символикой гражданской религии в Америке будут постоянно продуцировать конфликты. «Непонимание этого факта связано с фундаментальными ошибками в трактовке американского политического опыта и природы возникновения политического режима в период основания республики. В качестве основной неясности выступает следующее: является ли Америка республикой в классическом и современном понимании, зависящей от внутреннего духа республиканского характера и других вещей, которые формируют гражданственность, или же это конституционный режим, управляемый «искусственным приспособлением» и уравнивающим интересы конфликтующих сторон?» [3, с. 6]. Р. Белла фигурально отвечает на этот вопрос: «we wanted was to have our cake and eat it too» («Мы хотим, чтобы у нас был пирог и при этом есть его»), сохраняя республиканский тип риторики и ее дух в политической структуре либерального конституционного государства. Роль религии не определена в большей степени, чем других общественных институтов, считает Р. Белла, описывая ситуацию середины и конца XX века и такая ситуация не представляется ему перспективной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Добренькова, Е. В. Духовно-нравственные ценности в современной России (аналитический отчет). Вып. 1 / Е. В. Добренькова, О. А. Кочарина, Э. А. Несимова. – М.: Издательство Московского университета, 2011.
2. Иванов, В. Брешь в «стене Джефферсона» / В. Иванов // Научный атеизм. Элект. журнал. – 2006. – Режим доступа: <http://www.atheism.ru/library>.
3. Bellah, R. Religion and the Legitimation of the American Republic / R. Bellah, P. Hammond // Varieties of Civil

Religion: Chapter 1. – Calif., 1978. – 13 с. – Режим доступа: <http://www.religion-online.org/showbook.asp?title=3041>.

4. *Bellah, R.* Civil Religion in America / R. Bellah // Religion American Style. – N.Y., 1974. – P. 75.

5. Конституция США (1787 г.). – Режим доступа:

<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm>.

6. *Галли, Н.* Христос грядет / Н. Галли // Портал христианских ресурсов. – Режим доступа: http://www.holyjesus.do.am/load/Norman_galli_quot_khristos_grjadet_quot/31-1-0-3734.

УДК 316.4

ББК: 60.5

В. З. Шурбе

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ: АНКЕТИРОВАНИЕ В ТЕХНИКЕ ОДНОГО ВОПРОСА

Новосибирский государственный технический университет

E-mail: shurbe@ngs.ru

В статье представлены результаты двух эмпирических исследований качества жизни различных возрастных групп населения г. Новосибирска и Новосибирской области. Описана методика анкетирования в технике одного вопроса.

Ключевые слова: качество жизни, возрастные группы, хорошая семья, метод анкетирования в технике одного вопроса.

V. Z. Shurbe

QUALITY OF LIFE OF VARIOUS AGE GROUPS OF THE POPULATION: QUESTIONING IN THE TECHNIQUE OF ONE QUESTION

Novosibirsk State Technical University

In article results of two empirical researches of quality of life of various age groups of the population of Novosibirsk and the Novosibirsk region are presented. The questioning technique in the technician of one question is described.

Keywords: quality of life, age groups, good family, questioning method in the technician of one question.

Качество жизни – многогранное явление. Его измерение и оценка включают в себя различные группы объективных и субъективных показателей, выбор которых определяется прежде всего исследовательскими задачами.

Качество жизни является целью человека и рассматривается как идеал. Достижение этой цели может быть выражено словами «Жизнь удалась» или «Жизнь прожита не зря». Если качество жизни может быть целью, то для ее достижения имеются определенные средства. Для выявления этих средств необходимо понять, что делает человека удовлетворенным собственной жизнью – ее качеством? В суждениях о том, что такое благополучие, хорошая жизнь, жизненный успех, в чем проявляются новые социальные возможности, каковы жизненные цели и устремления имеется скрытая формулировка ответа на вышеобозначенный вопрос.

В литературе описано большое количество методов, применяемых для анализа и оценки качества жизни, однако вопрос адекватности методов исследуемой проблеме не решен одно-

значно. Одним из методов получения субъективной информации о качестве жизни, а также формулирования показателей, индикаторов и критериев качества жизни можно рассматривать анкетирование в технике одного вопроса. Применение этого метода целесообразно при получении описательной и проективной информации, которую в большом объеме могут предоставить только респонденты как носители исследуемой проблемы. Также анкетирование в технике одного вопроса эффективно и целесообразно в тех случаях, когда объект исследования недостаточно четко определен и требуется информация для его эмпирической операционализации.

Техника одного вопроса позволяет оперативно проводить опрос и получать большой объем тематически фокусированной информации. Респонденты достаточно подробно отвечают на вопросы такой анкеты, так как психологически они воспринимаются как простые и короткие («быстро отвечаю»). Каждый опросный лист, на котором сформулирован только один вопрос, заполняется респондентами в разное

время или после заполнения предыдущего опросного листа.

Каждый вопрос-суждение одной анкеты по отношению к другим вопросам других анкет выполняет роль контрольного, тем самым позволяет наиболее полно и всесторонне выявить индикаторы исследуемой проблемы. На каждом опросном листе формулируется только один вопрос-суждение в форме незаконченного предложения: «Что такое хорошая жизнь?», «Что такое жизненный успех?», «Благополучие – это...» (описательная методика), «Я скажу, что моя жизнь удалась, если...» (проективная методика).

В анкете респонденты также указывают минимальное количество социально-демографических характеристик, которые необходимы для изучения проблемы исследования, например, возраст и пол или возраст и место жительства, возраст и семейное положение.

В данной статье приведены результаты двух опросов (с извлечениями). В ходе первого опроса изучались субъективные характеристики качества жизни; в ходе второго опроса – субъективные характеристики хорошей семьи, хорошего мужа и хорошей жены.

Описание субъективных оценок качества жизни построено на результатах опроса, проведенного в Новосибирской области. Выборка составила 132 человека. Возраст респондентов составлял от 18 до 32 лет. Мужчины – 31 %, женщины – 69 %. Респонденты отвечали на четыре анкеты-вопроса, которые приведены выше в качестве примера. По результатам опроса было получено 528 вариантов ответов.

Для определения показателей *благополучия* жизни респонденты использовали позитивные характеристики. Всего названо 72 показателя и 163 значения по ним. Распределения ответов производились на основе смыслового соответствия (в тексте сохранены формулировки, данные респондентами, приводятся с извлечениями) и были сгруппированы в восемь групп, которые ранжированы по убывающим значениям:

– «личные удовлетворенности» (34 %): душевный покой; счастье; смена жизненной картины; успех во всех начинаниях; умение получать блага; когда состояние внутреннего мира человека совпадает с окружающим миром; есть мечты о будущем; гармония с самим собой;

– «семья, дети, личная жизнь; мир в доме; благо всем близким в семье; хорошие взаимоотношения детей и родителей (19 %);

– «высшие цели», «взаимоотношения с миром» (17 %): совершать благие поступки для окружающих; желание жить и помогать другим; найти свое место в мире; отсутствие войн и смерти в мире; благополучие должно иметь духовную составляющую;

– «социальное самочувствие», «признание» (13 %): доверие; отношения уважения; друзья, которые тебя понимают; гарантии государства; сначала ты работаешь на дело, потом дело работает на тебя; авторитет среди коллег; авторитет в обществе;

– «работа, карьера» (10 %): любимая, хорошая работа, которая приносит радость, удовлетворение;

– «материальное обеспечение», «достаток» (7 %): когда нет нужды; стабильный достойный заработок;

– образование (1 %);

– здоровье себе и близким (менее 1 %).

Для характеристики, что такое *хорошая жизнь* респондентами названо 53 показателя и 161 значение по ним. Среди характеристик названы (приводятся с извлечениями по степени убывания значений): взаимопонимание, согласие, совместное обсуждение проблем (17 %); хорошая семья, мир и поддержка в семье (10 %); когда все хорошо: дом, семья, когда есть дети (7 %); значимость себя, самореализация, адекватная самооценка, значимые социальные роли в обществе, социальное положение (7 %); материальный достаток, благополучие, много денег (6 %); поддержка друзей и близких, взаимопомощь, один за всех и все за одного (5 %); любовь, любящие люди (5 %); полная радости жизнь, нет серьезных проблем, согласие и мир (по 4 %); знать, что не будут угрожать террористы, не постигнуть стихийные бедствия (2 %); моральные, социальные, физические, духовные и материальные ценности; духовное просвещение; благоприятные эмоции (по 1,5 %).

В приводимых респондентами определениях отражена полнота жизни, ее целостность, многогранность. Регулирование таких процессов возможно только на основе системных нелинейных подходов.

Жизненный успех представлен ответами респондентов, которые распределены по семи группам. Всего названо 53 показателя и 123 значения по ним: высшие цели (23 %); личные удовлетворенности (20 %); семья, дети (19 %); работа, карьера (18 %); социальное окружение, признание (9 %); материальное обеспечение (6 %); образование (4 %).

Полученные данные свидетельствуют, что в определениях «что такое благополучие», «хорошая жизнь», «жизненный успех» отражены существенные стороны жизни человека.

Формулирование молодыми людьми вариантов ответов неоконченного предложения «Я скажу, что моя жизнь удалась, если...» можно рассматривать как формулирование условий для удовлетворяющего человека качества жизни. Путем двухступенчатого отбора были выбраны варианты ответов, в которых респондентами предпринята попытка дать целостную картину своего представления об удавшейся жизни, и варианты ответов, в которых респонденты составляют перечень того, что, по их мнению, должно быть, чтобы жизнь удалась. По мнению респондентов, все сферы жизнедеятельности должны быть представлены в жизни человека в полной мере.

Для выявления *активности / пассивности* молодых людей в отношении своей жизни автором проанализировано не только содержание, но и структура, лексика ответов на вопрос-суждение «Я скажу, что моя *жизнь удалась*, если...», какие части речи используют респонденты в характеристике удавшейся жизни.

В результате такого анализа было выявлено, что существительные (перечисления, что должно быть: дом, семья, квартира, работа и т. п.), характеризующие потребность «иметь», использованы 293 раза, глаголы – потребность «быть, состояться» – 160 раз, прилагательные – потребность «любить» – 46 раз. Глагольные формы также характеризует активную позицию, а существительные и прилагательные – направления созидательности и ее качество.

Таким образом, анкетирование в технике одного вопроса показало эффективность данной методики в изучении субъективных показателей качества жизни.

В ходе второго исследования изучались портретные характеристики хорошей семьи. Для сбора информации использовался также метод анкетирования в технике одного вопроса («Что такое хорошая семья?»). Для контроля

результатов были заданы два вопроса: «Какими качествами должен обладать хороший муж?» и «Какими качествами должна обладать хорошая жена?» (два дополнительных опроса одних и тех респондентов). В опросе участвовали мужчины и женщины в возрасте от 18 лет и старше, состоящие в браке, не вступавшие в брак, разведенные. Выборочная совокупность составила 100 человек по четырем половозрастным группам: 18–20 лет, 21–30 лет, 31–49 лет, от 50 лет и старше.

Признаки, названные респондентами для характеристики хорошей семьи, хорошего мужа, хорошей жены, были сведены в смысловые группы: по природным, морально-этическим и социальным характеристикам. Всего респондентами всех возрастных групп было названо 120 признаков хорошей семьи, хорошего мужа и жены и более 1250 значений по ним. В результате опроса респондентами были названы 37 признаков хорошей семьи (347 значений), 42 признака (449 значений) хорошего мужа, 41 признак хорошей жены (454 значения).

Исследование показало, что есть основания предполагать, что в обществе имеется универсальная модель хорошей семьи с достаточно схожими ее характеристиками во всех возрастных группах. Безусловно, разведывательное исследование не может дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Однако и первое, и второе исследования подтвердили наличие общих представлений о качестве жизни, а также роль и место семьи в оценке качества жизни.

Приведенные результаты двух исследований показывают достаточно высокую информативность результатов анкетирования в технике одного вопроса, что подтверждает его возможности в получении не только субъективных оценок и содержательной качественной информации, но также достаточного объема количественной информации. Кроме того, анкетирование в технике одного вопроса является оперативным малобюджетным методом сбора информации.

УДК 316.334.2
ББК 60.55

Е. С. Дегтярева

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: 879elena@mail.ru

В данной статье на основе анализа исследований современных социологов рассматриваются основные социально-экономические процессы и тенденции рационализации труда в современной России. В исследовании подтверждается, что рационализация труда в нашей стране имеет конкретную направленность и приобретает характер капиталистической рациональности.

Ключевые слова: труд, рационализация труда, мотивация труда, трудовая нагрузка, социально-экономическая зависимость, капитализм.

E. S. Degtyareva

THE RATIONALIZATION OF LABOR IN MODERN RUSSIA

Saint Petersburg State University

In this article the main socio-economic processes and tendencies of labor's rationalization in modern Russia are considered due to the research of the modern sociologists. In this investigation it is confirmed that the rationalization of labor in our country has a very concrete direction and now is taking the character of the capitalistic rationalization.

Keywords: labor, the rationalization of labor, the motivation of labor, workload, the socio-economic dependence, capitalism.

Структурная трансформация общественных и трудовых отношений в нашей стране привела к преобразованиям отношений собственности, повышению эффективности производства и производительности труда, изменению мотивации работающего населения. По данным современных социологов (В. Раммерта, К. Клеман, Ю. С. Денисовой, Е. С. Балабановой, В. Д. Патрушева, Г. П. Бессокирной, А. Л. Темницкого, О. Н. Максимовой и др.), на данном этапе развития российского общества различные социально-экономические тенденции в сфере труда необходимо рассматривать с учетом мировых тенденций рационализации труда, которые основаны на социологическом анализе особенностей капиталистического производства.

В. Раммерт тремя формами рационализации труда определяет *организацию, технизацию и внедрение научного знания*. «Организация труда, – подчеркивает ученый, – является одновременно результатом заданного разделения и координации процесса труда с точки зрения организационной эффективности, иерархичности и централизации власти принятия решений и контроля с точки зрения гарантии организационного господства». Аспектами организации труда в свою очередь он указывает дисциплину, формализацию и мотивацию труда [6, с. 151–153].

А. Л. Темницкий и О. Н. Максимова выделяют в трансформации мотивационной составляющей российских рабочих три основных этапа.

Принцип уравнительности в оплате труда заложил основы этапа кризиса мотивации труда российских рабочих (конец 1980-х – 1993 гг.). Характерными чертами данного этапа являлись массовая потеря интереса людей к работе, отчуждение работников от процесса труда. Даже передовые для того времени методы в организации и оплате труда (бригадные подряды) при достижении определенного оптимума в уровне заработка приводили, по данным исследований, к сознательному ограничению выработки, затормаживанию роста в производительности труда.

На этапе адаптивной гибкости в мотивации труда (1994–2000 гг.) на первый план вышли ориентация на занятость на новых частных предприятиях, патерналистские отношения с руководством, вторичная занятость более мобильных и профессиональных рабочих. Приватизация предприятий привела к приобретению рабочими своего подлинного статуса наемных работников.

С 2001 года в России начался этап перехода от адаптационной модели трудовой мотивации к моделям интенсификации и достигательности [7, с. 14–15].

Анализ материалов исследования Ю. С. Денисовой также показывает, что тенденция роста трудовой нагрузки работающего населения все активнее проявляет себя. С одной стороны, она носит добровольческий характер, поскольку работнику выгодно получить прибавку за сверх-

урочные часы, хотя зачастую такие надбавки не приносят желаемого материального достатка. С другой стороны, на многих предприятиях и фирмах, особенно частных, несоблюдение режима отдыха и работы, недостаточное количество, а подчас и отсутствие выходных и отпускных дней является нормой. Современный работодатель может даже уволить рабочего за несоблюдение этих негласных правил.

Таким образом, исследователь дифференцирует работников на работающих выше нормы (свыше 56 часов в неделю), незначительно перерабатывающих и работающих в соответствии с установленным трудовым кодексом. Первые добиваются относительной финансовой стабильности, но свободного времени на семью, отдых, самообразование у них чаще всего не остается. Социальные различия между работающими сверхурочно и незначительно перерабатывающими в определенной мере сглаживаются. Переработки воспринимаются как норма. Но и рабочие с продолжительностью рабочего времени менее 40 часов в неделю (служащие здравоохранения, образования, науки, культуры и т. п.) находятся в бедственном положении. Они вынуждены подрабатывать дополнительно, причем часто в сферах абсолютно не пересекающихся с их основной профессией. Несмотря на это, уровень материальной жизни рабочих остается низким [4, с. 106–107].

Е. С. Балабанова, выявляя сходную тенденцию социально-экономической зависимости рабочих, отмечает, что неравный доступ к экономическим ресурсам и возникающие в связи с этим отношения асимметричного обмена создают статусные различия между людьми, обеспечивая властные преимущества одним и ставя в зависимое положение других. Зависимый в итоге готов даже отказаться от своих прав и свобод в обмен на материальную обеспеченность [1, с. 54].

По данным социолога К. Клеман, на современных промышленных предприятиях существует скрытая структуризация трудовых отношений, неформальная эксплуатация рабочей силы посредством увеличения интенсивности труда [5, с. 67].

Г. П. Бессокирная, выявляя сходную тенденцию, выделяет четыре основных стратегии выживания рабочих: новаторскую, смешанную, традиционную и пассивную [2, с. 50–53].

К. Клеман, в свою очередь, отмечает, что в России, как и на Западе, рабочими применяются

различные неформальные (то есть непризнанные официальными правилами) практики для ослабления их эксплуатации, например, высокая коллективная активность, взаимная поддержка (как средство защиты и сохранения чувства уверенности), торможение ритма и снижение интенсивности работы при высокой загруженности, практика воровства (которую нельзя отрицать), нарушение трудовой дисциплины в виде выпивания на рабочем месте (подчас это означает вызов официальным правилам и иерархии) [5, с. 68]. Таким образом, рабочие адаптируются к условиям труда, а экономическая система приобретает относительную устойчивость.

Рабочая сила является главным движущим фактором процесса производства, а общественное воспроизводство в широком аспекте есть возобновление производства товаров и воспроизводства самой рабочей силы [3, с. 175].

“Человеческий капитал” ... состоит, из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг” [3, с. 208].

Данные современных социологов свидетельствуют о том, что в свете всех изменений в нашей стране рационализация труда имеет конкретную направленность и приобретает характер капиталистической рациональности. Вследствие большой вероятности вовлечения России в ЕЭС, данная тематика приобретает еще и политическое значение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балабанова, Е. С. Экономические основания социальной власти: теоретическая модель социально-экономической зависимости / Е. С. Балабанова // Социологические исследования. – 2006. – № 1. – С. 54–64.
2. Бессокирная, Г. П. Стратегии выживания рабочих / Г. П. Бессокирная // Социологические исследования. – 2005. – № 9. – С. 49–54.
3. Гойло, В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы: критический очерк / В. С. Гойло. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
4. Денисова, Ю. С. Трудовые перегрузки как тенденция в рабочем процессе / Ю. С. Денисова // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 100–107.
5. Клеман, К. Неформальные практики российских рабочих / К. Клеман // Социологические исследования. – 2003. – № 5. – С. 62–71.
6. Раммерт, В. Капиталистическая рационализация и организация труда / В. Раммерт // Социология труда: сб. текстов. В 2 ч. / сост. Ю. Фельдхофф, Р. Карапетян. – СПб.: СПбГУ, 1998. – Ч. 1. – С. 145–160.
7. Темницкий, А. Л. Мотивация интенсивного труда рабочих промышленного предприятия / А. Л. Темницкий, О. Н. Максимова // Социологические исследования. – 2008. – № 11. – С. 13–24.

УДК 316.334.2
ББК С 561.2

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
ОТ ИСТОРИИ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ**

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: dulina@vstu.ru, onadine@mail.ru

В статье рассматривается эволюция социально-экономического знания и институционализация новой отрасли социологии – экономической социологии в России и за рубежом. Обозначены основные школы, подходы, ключевые категории экономической социологии.

Ключевые слова: социальное, экономическое, экономика, социология, экономическая социология, социальные процессы, социальный механизм.

N. V. Dulina, N. A. Ovchar

ECONOMIC SOCIOLOGY: FROM HISTORY TO THE DEFINITION OF MAJOR CONCEPTS

Volgograd State Technical University

The article describes the evolution of socio-economic knowledge, and the institutionalization of a new branch of sociology – the economic sociology in Russia and abroad. Identified the main school, approaches, the key categories of economic sociology.

Keywords: social, economic, economics, sociology, economic sociology, social processes, social mechanism.

Исследовательский интерес к определению и соотношению основных понятий экономической социологии с течением времени не только не утихает, но и вспыхивает с новой силой. Известно, что «экономическая социология принадлежит к той группе наук, которые называют «стыковыми» или междисциплинарными» [3, с. 18]. Объектом экономической социологии является взаимодействие двух основных сфер общественной жизни – экономической и социальной и, соответственно, взаимодействие двоякого рода процессов – экономических и социальных [10, с. 566; 13, с. 1077]. Сложность объекта исследования экономической социологии проявляется в том, что это «не столько ряды взаимосвязанных экономических и социальных явлений, сколько механизм связи экономического и социального развития, с одной стороны, и социальный механизм развития экономики, с другой» [8, с. 526].

Не ставя своей задачей дать полное описание современного состояния и истории становления экономической социологии, следует остановиться лишь на вопросах, которые помогут глубже понять границы основных категорий данной научной дисциплины. Известно, что каждая исследовательская дисциплина имеет внутренний цикл своего развития, который условно включает в себя шесть этапов: 1) доклассический, 2) классический, 3) неоклассический, 4) профессиональной зрелости, 5) кризиса и экспансии, 6) фрагментации и переоформления. Подробно с

характеристиками каждого из перечисленных этапов можно познакомиться в [7, с. 15].

Принято считать, что классический этап становления экономической социологии (экономсоциологии) приходится на середину XIX – начало 20-х годов XX века [10, с. 566]. Это этап теоретической подготовки, формирования исходной методологии. Наиболее яркими представителями данного периода являются М. Вебер, К. Маркс, Т. Веблен. С развитием науки, техники, промышленности общество, не случайно названное индустриальным, все больше ставило перед наукой множество вопросов. Поиски ответов на эти вопросы сформировали три направления в развитии социологии, которые и сыграли значимую роль в становлении и развитии экономсоциологии. Это – индустриальная (промышленная) социология, социология организаций, теория социальной стратификации и социальной мобильности.

Первые два направления связывались с поиском путей эффективного управления человеческим фактором. Науке и обществу были предложены разработанные в тот период следующие концепции: человеческих отношений; формальных и неформальных групп в организации; теории малых групп, межличностных отношений, лидерства и руководства и т. д. Родоначальниками этих направлений явились Э. Мейо, Ф. Ротлисбергер, Д. Макгрегор, У. Уайт и другие теоретики, изучавшие проблемы стимулирования трудовой деятельности и трудо-

вых отношений. Третье направление – теория социальной стратификации и социальной мобильности – развивалось, в основном, в полемике двух исследовательских подходов. Первый из них появился в США и получил название концепции статусного достижения (П. А. Сорокин, П. М. Блау, О. Д. Дункан), второй – подход классового анализа развивался в Европе (К. Маркс, М. Вебер).

Второй этап (50–70-е годы прошлого века) развития экономсоциологии связан со структурно-функциональным направлением теоретической социологии (Т. Парсонс, Р. Мертон, Н. Смелсер, К. Дэвис, Д. Мур и др.), соотносящей экономику с другими подсистемами общественной жизни. Главный результат этого этапа – институционализация социологии экономической жизни в качестве одного из направлений социологической науки. Видимо, именно это обстоятельство позволяет исследователям утверждать, что «экономическая социология как самостоятельное научное направление зародилось в США в середине 50-х годов» [3, с. 19].

Третий этап (70–80-е годы прошлого века и по настоящее время) – этап новой экономической социологии. Ее главные черты – ориентация на сравнительные исследования между странами; постановка вопросов, затрагивающих не отдельные социальные группы, а целостные социальные системы; проблемы мировой экологии, развития технологий, организации экономических связей, демографии. Согласно определению последователей Н. Смелсера М. Грановеттера и Р. Сведберга, назначение социологии экономической жизни заключается в том, чтобы объяснить, «как общество выбирает среди широкого круга альтернатив те, которые позволяют с наибольшей выгодой использовать ограниченные производственные ресурсы» [10, с. 567].

Если обратиться к отечественной практике, то следует сказать, что история отечественной экономсоциологии во многом воспроизводит историю западной, но некоторые этапы последней в нашей стране пропущены либо хронологически запаздывают.

Следует напомнить, что начало экономической социологии в стране было положено российскими аграрными экономистами. Исключительная значимость сельской проблематики для России видна уже из состава населения страны. По переписи населения 1897 года городское население составляло только 15 % от общего числа жителей в России, а по данным пе-

реписи 1926 года – 18 % [5, с. 537]. Иначе говоря, сельского населения (а, соответственно, и сельского уклада жизни) в стране было значительно больше, чем городского. Но дело не только в том, где живут и работают жители России. Дело и в другом: в силу быстрого темпа урбанизации российского общества население страны до настоящего времени имеет сильные «сельские корни», сильнейшую «сельскую окраску». Из курса общей истории каждый знает, что процессы индустриализации и урбанизации в СССР «проходили ускоренными темпами и под государственным контролем» [1]. Если на период революции 1917 года доля городского населения составляла 18 %, то по итогам переписи 1939 года – уже практически в два раза больше (33 %), по переписи 1959 года – 52 % и далее наблюдается только увеличение доли городского населения. Соотношение численности городского и сельского населения стабилизировалось в конце 90-х годов прошлого века, в настоящее время доля городского населения составляет 73 % [5, с. 537].

Толчок к развитию экономической социологии в России дала новая экономическая политика (НЭП), введенная весной 1921 года. НЭП означала замену продразверстки продналогом, и крестьяне получили право свободно распоряжаться излишками своего труда. Понятно, что на почве свободной торговли не мог не произрастать капитализм (в стране победившего социализма!). В объяснении и прогнозировании возможных исходов такой ситуации огромную роль сыграли такие теоретики-экономисты, как Н. И. Бухарин, Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и др.

Однако наиболее широкое распространение в России получили исследования в области индустриальной (промышленной) социологии и социологии организаций. Как отмечают в данной связи Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина, «главная социальная предпосылка... состояла в необходимости поиска путей эффективного управления человеческим фактором в условиях роста масштабов производства, усложнения экономических связей и обострения социальных противоречий...» [3, с. 19]. В первые годы советской власти (20–30-е гг. XX века) проблематика этой дисциплины прорабатывалась главным образом в рамках концепции научной организации труда (НОТ). Был даже создан Центральный институт труда (ЦИТ), где изучались вопросы организации и культуры труда,

прикладная социология и социальная инженерия. Всех ученых, принадлежащих полю экономсоциологии того периода, перечислить невозможно, назовем лишь три имени. Первое имя в этом ряду – А. А. Богданов, который пытался создать всеобщую организационную науку – тектологию. Его теория предлагала ряд универсальных принципов понимания природы и принципов организации – и как системы и как динамического процесса. Как отмечает В. В. Щербина, «Богданову удалось предвосхитить ряд положений системной теории и кибернетики, которые позже оказали сильное влияние на развитие социологии организаций» [15, с. 240–241]. Второе и третье имена – это П. М. Керженцев и Н. А. Витке, которые особняком стоят среди представителей советской концепции НОТ. Так, например, важнейшим достижением Н. А. Витке была концепция использования природы человеческого фактора в организации, выдвинутая в конце 20-х – начале 30-х гг. прошлого столетия. Отчасти она напоминала принципы школы «человеческих отношений». Правда, свои идеи Н. А. Витке выдвинул раньше Э. Мэйо и Ф. Ротлисбергера.

Богатая история становления и развития промышленной социологии в стране и длительное развитие научной мысли в данной области позволяет А. И. Кравченко выделить четыре этапа: дореволюционный, постреволюционный, послевоенный и современный [11, с. 211] и перечислить видных ученых, занимавшихся данной проблематикой. Современный этап, начавшийся в 80-е гг. XX века, – период оформления экономсоциологии как науки о механизмах связи между экономикой и обществом (Т. И. Заславская, Н. М. Римашевская, Р. В. Рывкина и др.), а также как науки об определенных формах экономического поведения человека в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг (В. И. Верховин, В. В. Радаев и др.). Результатом данного этапа можно считать институционализацию экономической социологии как одного из направлений в отечественной социологической науке. Подтверждением такого вывода может служить, например, следующее обстоятельство. В конце прошлого века отечественные исследователи говорили о том, что «зародилось новое для нашей страны научное направление, получившее название экономической социологии» [3, с. 7] и что оно «развивается как перспективное направление исследо-

ваний, не представляющее пока вполне определенной, формально организованной дисциплины» [8, с. 527]. За последующие полтора десятка лет ситуация резко изменилась. И теперь исследователи сходятся во мнении, что «сегодня новая экономическая социология утвердилась в качестве самостоятельной области исследований (одной из крупнейших в социологии в целом), а в некоторых случаях экономические и социологические исследования трудно отделить друг от друга (например, анализ влияния социальных связей на трудоустройство)» [14, с. 54].

Как было отмечено выше, конец 70-х – начало 80-х годов прошлого столетия – это начало третьего этапа в развитии экономсоциологии, получившей название «новая экономическая социология», которая стала реакцией на агрессивное проникновение экономических моделей объяснения в сферы, до этого момента считавшиеся «неэкономическими». Не случайно это явление получило название «экономический империализм» [17], а название работы В. В. Радаева «Экономические империалисты наступают! Что делать социологам» [6] отражает накал страстей в данной сфере.

В целом новая экономическая социология сформировалась как синтез ряда направлений, поставивших под сомнение те объяснения, которые предлагались экономической теорией для различных сфер жизни. К числу таких теорий относят теорию организаций, социологию рынков труда, социологию потребления и другие теории, которые переживают в настоящее время свой бурный рост и проверку практикой.

По замечанию Дж. Ходжсона, «сегодня ни один вариант проведения границы между социологией и экономикой не обосновывается должным образом» [16, с. 147]. Социолог В. Зелизер, утверждая, что экономическая социология за последнюю четверть века достигла большей независимости от экономической теории, замечает, что «расширение предметного поля... снизило уровень теоретического единства в этом поле» [18, с. 1066].

Авторы полагают, что проведение границы между социологией и экономикой «не обосновывается должным образом» в силу того, что их практически невозможно размежевать, поскольку одно есть оборотная сторона другого, о чем свидетельствует вся длительная история развития данной научной дисциплины. Норберт Винер, утверждал, что «частный раздел социо-

логии, известный под названием экономики и отличающийся от других главным образом более аккуратным использованием числовых мер для рассматриваемых величин, тоже представляет собой раздел кибернетики благодаря кибернетическому характеру самой социологии» [2, с. 313]. Провести границу между дисциплинами (социологией и экономикой) не получится, и в силу усложнения самой жизни, и в силу того, что теория всегда отстает от практики – пока теоретики спорят, жизнь идет своим чередом (люди осваивают новые практики, которые быстро становятся рутиной повседневности, и т. д.). И в силу того, что и сама дисциплина развивается, предлагая новые возможности решения назревших проблем. И в силу особенностей самого метода экономической социологии – междисциплинарности и ориентации на выявление социальных механизмов, а именно закономерностей «функционирования социальных групп в системе экономических отношений» [3, с. 8].

На взгляд авторов, в экономсоциологии важны не границы, а, скорее наоборот, наведение мостов, несущими опорами которых являются ключевые категории экономической социологии. Известно, что система категорий – это важнейшее средство научного исследования, используемое для описания и объяснения изучаемых эмпирических объектов. Категориальный аппарат и принципы анализа социальных систем в значительной степени определяют, удастся ли науке проникать внутрь изучаемых объектов, отражать их с требуемой полнотой.

Анализ словарных статей и научных публикаций показывает, что под экономической социологией (см., напр., [3, 4, 10, 13] и др.) принято понимать специальную отрасль социологии, которая исследует закономерности экономической жизни с помощью системы категорий, разработанных в рамках данной науки. Развитие экономики экономсоциология описывает как социальный процесс, движимый активностью функционирующих в ней социальных субъектов, интересами, поведением и взаимодействием социальных групп и слоев. Ключевым, по мнению авторов, является именно то, что это социальный процесс, но в данном конкретном случае – это процесс в сфере экономики. Мнение академика Г. В. Осипова: «Важнейшим, ключевым для социологии выступает понятие социального. Понятие «социальное» как характеристика каждой из сторон общест-

венной жизни...» [12, с. 25]. Давая определение данному понятию, он пишет: «Социальное – совокупность тех или иных свойств и особенностей общественных отношений данного общества, интегрированная в совместной деятельности (взаимодействии) индивидами или группами индивидов в конкретных условиях места и времени и проявляющаяся в их отношении друг к другу, к своему положению в обществе, к явлениям и процессам в общественной жизни. Социальное – это то общее свойство, которое присуще различным группам индивидов, являющееся результатом интеграции индивидов, тех или иных свойств общественных отношений» [8, с. 480].

С данных позиций определение предмета экономической социологии будет явно в духе М. Вебера: экономическая социология изучает экономическое действие как форму социального действия. Социальным, по М. Веберу, действие становится лишь при двух условиях: если это сознательное действие и оно обладает той или иной степенью рациональной осмысленности, и если оно ориентировано на поведение других людей. Главное здесь – сознательная ориентация действующего индивида на реакцию других людей, на взаимодействие с которыми он рассчитывает; такую ориентацию М. Вебер определяет с помощью понятия «ожидание». Поэтому действие, не содержащее такого ожидания хотя бы в минимальной степени и не предполагающее определенной меры осознанности этого ожидания, не является социальным действием.

Возвращаясь к определению предмета экономической социологии (экономическое действие как форма социального действия), следует заметить, что экономическое действие представляет собой осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей, а социальное действие выступает в данном случае основанием и одновременно внутренним элементом экономического действия [7, с. 53].

В категориальном аппарате любой научной дисциплины присутствуют общенаучные, общесоциальные и специфические категории, не стала исключением в этом ряду дисциплин и экономическая социология [9, с. 89]. Общенаучные категории (структура, функции, процесс, механизм, элемент и т. д.) заимствованы из языка общей методологии. В экономсоциоло-

гии они используются как средство описания экономической и социальной сфер, социального механизма развития экономики и частных социальных механизмов, для выделения и анализа специфических подсистем общества (социально-территориальных, социально-профессиональных и др.).

Общесоциальные категории, используемые в других науках социально-гуманитарного блока, заимствованы экономсоциологией из языка этих дисциплин. В лексиконе экономической социологии присутствует большое число категорий, изначально принадлежащих политической экономии (собственность, производительные силы, производственные отношения, средства производства, производство, распределение, обмен, потребление и др.), философии (общественное сознание, общественные отношения), социальной психологии (коллектив, личность, поведение, мотивация и др.), социологии (социальная группа, социальная структура, социальная роль и др.) и т. д. Большое число заимствований легко объясняется долгой историей формирования экономсоциологии («формирование экономической социологии было подготовлено... длительным развитием научной мысли» [3, с. 19]) или довольно поздним появлением данной науки среди других наук социально-гуманитарного блока.

Специфические категории экономической социологии – это те, которые возникли внутри ее самой и отражают характерные именно для нее угол зрения и подход к общественной жизни. Основные категории этой группы – социальный механизм развития экономики, частные социальные механизмы регулирования социально-экономических процессов, экономическое сознание, экономическое поведение (поведение в сфере распределения доходов, потребительское поведение и др.).

Иначе говоря, структура основных категорий экономической социологии может быть представлена как многоуровневая иерархия [13, с. 1077]. Первый уровень образуют две самые абстрактные категории – экономическая сфера и область социальных отношений. Их содержание отражает характеристики общества, наиболее значимые для понимания процессов, происходящих на пересечении экономики и общества. Второй уровень образуют категории социального механизма развития экономики и частных социальных механизмов регулирования экономических отношений и экономиче-

ских процессов. Далее следуют категории, конкретизирующие содержание социальных механизмов, – экономическое сознание и экономическое мышление, социально-экономические стереотипы, экономические интересы и т. д.

Авторы полагают, что определение круга основных понятий экономической социологии необходимо для того, чтобы создать методологическую основу исследования социально-экономических явлений с помощью моделей описания и объяснения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеев, А. И.* Население и хозяйство России / А. И. Алексеев, В. В. Николина. – М.: Просвещение, 1995. – С. 70–75.
2. *Винер, Н. Я.* – математик / Н. Винер. – М.: Наука, 1967. – 355 с.
3. *Заславская, Т. И.* Социология экономической жизни: очерки теории / Т. И. Заславская, Р. В. Рыбкина. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 448 с.
4. Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1988. – 479 с.
5. *Медков, В. М.* Демография / В. М. Медков. – М.: ИЕФРА–М, 2004. – 579 с.
6. *Радаев, В. В.* Экономические империалисты наступают! Что делать социологам / В. В. Радаев // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, № 3. – С. 25–32.
7. *Радаев, В. В.* Экономическая социология: курс лекций / В. В. Радаев. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 368 с.
8. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 672 с.
9. *Соколова, Г. Н.* Экономическая социология: учебник для вузов / Г. Н. Соколова. – М.: Высшая школа, 1998. – 368 с.
10. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; глав. ред. В. Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. – 863 с.
11. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – 696 с.
12. Социология / под ред. Г. В. Осипова. – М., 1990. – 397 с.
13. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
14. *Юдин, Г.* «Экономическое» и «социальное»: автономия сфер и дисциплинарные границы / Г. Юдин // Вопросы экономики. – 2010. – № 8. – С. 54–71.
15. *Щербина, В. В.* Социология организаций: школы, направления и тенденции / В. В. Щербина // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. – С. 240–252.
16. *Hodgson, G.* Review Essay: Prospects for Economic Sociology / G. Hodgson // Philosophy of the Social Sciences. – 2008. – Vol. 38, № 1. – P. 133–149.
17. *Lazear, E.* Economic Imperialism / E. Lazear // Quarterly Journal of Economics. – 2000. – Vol. 116, № 1. – P. 99–146.
18. *Zelizer, V.* Pasts and Futures of Economic Sociology / V. Zelizer // American Behavioral Scientist. – 2007. – Vol. 50. – № 8.

УДК 159.922.
ББК 88.37

Л. Е. Солянкина

**АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОДУКТИВНОГО РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА
НА ЭТАПЕ ЕГО ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ**

Волгоградский филиал АНОО ВПО «Международный славянский институт»

E-mail: uda_saf@mail.ru

В статье дано определение понятию «акме-технология». Представлены виды акме-технологий, обеспечивающих продуктивное развитие профессиональной компетентности специалиста как практико-ориентированного конструкта, а также раскрыты их сущностные характеристики.

Ключевые слова: предпринимательское обучение, социальный диалог, профессионально-ориентированная акме-ситуация, учебно-методический комплекс студента.

L. E. Soljankina

**AKMEOLOGICHESKY TECHNOLOGIES OF PRODUCTIVE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF THE EXPERT AT THE STAGE OF ITS HIGH SCHOOL PREPARATION**

Volgograd branch ANOO VPO «International slavic institute»

In article definition to concept «akme-technology» is made. Kinds of the akme-technologies providing productive development of professional competence of the expert as praktiko-focused конструкта are presented, and also their intrinsic characteristics are opened.

Keywords: enterprise training, the social dialogue, the is professional-focused akme-situation, uchebno-methodical complex of the student.

Профессионализм и творческое мастерство – вот те качества, которые в настоящее время обеспечат молодым специалистам, выпускникам учебных заведений конкурентоспособность на рынке труда и успех в профессии.

Вполне понятно, что путь к вершинам профессионализма длинен и труден и во многом зависит от профессиональной целенаправленности субъекта, его профессиональной подготовки, поэтому так важно сегодня не просто дать знания студентам, необходимо чтобы эти знания и умения переросли в профессиональную компетентность.

Безусловно, профессиональная компетентность представляет собой, достаточно сложное системное личностное новообразование, влияющее на способность специалиста добиваться успеха в решении важных профессиональных задач на основе интеграции деятельностного и когнитивного опытов, внутренних процессов саморазвития, самоорганизации и личностного роста.

В результате констатации фактов проведенных авторами исследований, было выявлено, что формирование и развитие профессиональной компетентности как практико-ориентированного конструкта происходит в определенной, а именно практико-ориентированной образовательной среде, обладающей акмеологической сущностью и детерминированной меняющимися среду акме-событиями и ситуациями. Отсюда актуализируется проблема, связанная с выявлением акмеологических технологий, как одного из основных факторов продуктивного развития профессиональной компетентности специалиста как практико-ориентированного конструкта.

Ученые А. А. Деркач, Е. В. Селезнева, А. С. Гусева рассматривают акме-технологии как совокупность методов, направленных на формирование и развитие самопреобразующих психотехнологий [1], а Г. В. Зеленский, Э. Галажинский, К. В. Козлова и другие, – как «совокуп-

ность психолого-акмеопедагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку формы, методов, способов, приемов дидактических условий, содержания обучения.» [2, с. 78–81].

Таким образом, акмеологические технологии – это совокупность научно обоснованных и проверенных на практике методов, форм и средств, с помощью которых преподаватель продуктивно решает акмеологические задачи по обучению, воспитанию и развитию личности студента. Они способствуют достижению успеха и высоких результатов в обучении за счет развития внутреннего потенциала студента и устойчивой мотивации, направленной на по-

вышение профессионализма и адаптационных возможностей. Основной задачей акмеологических технологий является не просто дать будущим специалистам профессиональные знания и умения, а прежде всего сформировать и закрепить в сознании студентов необходимость в саморазвитии и самореализации, то есть в самосовершенствовании личностного и профессионального «Я». Результаты эмпирических исследований позволили выявить следующие акме-технологии продуктивного развития профессиональной компетентности как практико-ориентированного конструкта (см. рисунок). Предлагается рассмотреть их сущностные характеристики.

Акмеологические технологии продуктивного развития профессиональной компетентности будущего специалиста

Модульно-рейтинговая акме-технология.

Безусловно, позиция П. А. Юцявичене, утверждающего, что «модульное обучение открывает возможности индивидуализации содержания и процесса обучения с точки зрения его рационализации без обязательного уменьшения числа учащихся в группах» [4, с. 59], на взгляд автора, совершенно верна. Но в тоже время его высказывание о том, что это происходит «...без повышения эффективности педагогического труда» [4, с. 60], является ошибочным. Это подтверждается результатами опроса студентов (N=925 чел), большинство из которых (82 %) осознанно стремится быть образованными, соответствовать современным стандартам выбранной специальности и выражает желание получать профессиональную педагогическую поддержку в период обучения в вузе.

А это значит, что преподаватель вуза должен выступать в роли акмеолога и свою дея-

тельность строить с учетом акмеологических принципов, направив ее на формирование у студентов навыков построения профессиональной и личностной траектории развития. Следует отметить, что модульное обучение повышает эффективность педагогического труда и мастерство педагога, способствует формированию мобильности знаний студента и самое главное – обеспечивает успешный самоанализ и самооценку студентом своего уровня развития профессиональной компетентности.

Деятельность преподавателя при использовании **информационной акме-технологии** предполагает распределение знаний, выделение обобщенной, абстрагированной информации, формирование научной картины мира, построение теоретических концепций на доступном уровне, перенос теоретического знания на решение практических задач. Объектом познания является теоретическое содержание

предмета, объектом самоизучения – собственные способности выделять главное, систематизировать и интерпретировать информацию, делать теоретические обобщения. Основные методы обучения – эвристический, проблемно-исследовательский.

Адаптированно-индивидуализированная акме-технология направлена на приспособление учебного процесса индивидуальным способностям и личностным качествам студента, а не наоборот, поэтому ее средствами и методами являются:

– разработка индивидуальных образовательных маршрутов, позволяющих студенту выбрать свою образовательную траекторию, а учебному учреждению сформировать реальную образовательную систему;

– учебно-методический комплекс студента (далее – УМКС). Основными элементами УМКС являются: курс лекций теоретического материала; комплект методических рекомендаций для выполнения практических заданий; комплект вопросов для проведения промежуточного, итогового и заключительного контроля знаний, а также самоконтроля и определения рейтинга студента; комплект задач и проблемных вопросов, упражнений для закрепления теоретического материала, с одной стороны, и развития мыслительных способностей, коммуникативных умений в выборе правильности решений, с другой стороны; методические рекомендации для работы над курсовой и выпускной квалификационной работами [3]. Использование студентами УМКС обеспечивает формирование у них психологической готовности к саморазвитию, к самостоятельному проектированию собственного профессионального и личностного роста, определению карьерных перспектив.

Акме-технология профессиональных перспектив имеет целью личностно-профессиональное развитие и включает предпринимательское обучение, социальный диалог, профессионально-ориентированные ситуации и составление студентом личного плана карьерных перспектив.

Предпринимательское обучение – это обучение, строящееся не только с использованием личностного и социального опыта, но и посредством целенаправленных образовательных усилий, когда распознается возможность использования уже имеющихся знаний посредством создания новых структур с учетом возникших задач или проблем. Предпринимательство здесь рас-

сматривается в широком смысле (предпринимать какие-либо действия для усовершенствования чего-либо) и предполагает обучение у многих людей, а не только у преподавателя. Предпринимательский учебный процесс в отличие от традиционного обучения разворачивается в ситуации, когда студенты получают учебный опыт путем решения практических проблем. Предпринимательское обучение ориентировано на проблемы, а традиционный учебный процесс – скорее на решения. Формами предпринимательского обучения являются: управленческие игры, проектные семинары, изучение конкретных примеров; выступление приглашенных.

Социальный диалог – это один из способов, используемых в социальном партнерстве. Социальный диалог способствует внедрению в учебный процесс предпринимательского духа и заостряет внимание студентов на следующих моментах:

– обсуждение противоречивых и неоднозначных проблем;

– стремление к самосовершенствованию и карьерному росту;

– выработка практических навыков работы в команде и социальной ответственности;

– изучение конкретных примеров и осуществление проектов;

– отношение к предпринимательству как к самостоятельной теме в составе учебных программ.

Профессионально-ориентированная ситуация побуждает действовать автономно и рефлексивно; обучает различным интерактивным средствам достижения профессиональной цели, а также входить в социально-гетерогенные группы и функционировать в них. Профессионально-ориентированная ситуация направлена на формирование у студентов организаторских умений в ситуациях индивидуального и группового взаимодействия, планирования собственной учебно-практической деятельности. Следует отметить, что чем конкретнее ситуация, над которой осуществляется рефлексия, тем больше возможностей в использовании этого эпизода в обучающих целях.

Не менее значимым в контексте акмеологической теории является **компетентностная акме-технология**, которая понимается как обучение в действии (*learning-by-doing*) и базируется: на профессионально-отраслевом консультировании, коучинге, модерации, фасилитации, тьюторстве и наставничестве. Данная техноло-

гия преследует две цели: успешно совершить определенные действия (решить проблему, осуществить проект); обучаться в процессе совершения этих действий и сделать полученные знания личностным достоянием.

Обучение с использованием компетентностной акме-технологией, предполагает оптимальное сочетание теории с практикой, формирование и совершенствование профессиональных компетенций, изучение передового опыта и, наконец, создание необходимой базы для командной работы и самостоятельного углубления знаний.

Креативно-исследовательская акме-технология предполагает работу студентов в исследовательских проектах, участие в коллективной разработке научных тем, планирование и выполнение конкретных заданий-проектов, апробирование их на практических занятиях, коллоквиумах или в ходе производственной практики. В результате чего студентами приобретаются синтезированные знания по основам наук, а также развиваются творческие, логические, поисковые способности и эвристические компетенции.

Основной целью **акме-технологии контроля и оценки** является выявление оптимального соответствия студента будущей должности, требованиям специальности, представленным в профессиограмме. Кроме того, каждый студент, имея в своем портфолио персонограмму, самостоятельно осуществляет оценку своего уровня развития компетентности и его корректирование, а на последнем курсе – профессиональный клиринг. Использование данной технологии позволяет студенту самостоятельно выявлять свои

пробелы в знаниях, оценивать себя как специалиста и свои возможности карьерного роста.

Таким образом, практически все акме-технологии направлены на формирование у студентов организаторских умений в условиях межличностного и группового взаимодействия, а также планирования собственной учебно-практической деятельности. Следовательно, можно резюмировать, что акме-технологии – это системное профессионально-компетентностное, развивающее обучение, построенное путем проектирования учебного процесса по всем видам и составным частям профессиональной деятельности, обеспечивающее проведение поэтапной диагностики. Использование в учебном процессе указанных акме-технологий позволяет не только выявить и прогнозировать профессиональные компетенции, диагностировать их, а также моделировать, отслеживать в становлении и развитии, то есть корректировать, но и, самое главное, оптимизировать процесс развития профессиональной компетентности специалиста на стадии его профессионального обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. – М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004. – 752 с.
2. Залевский, Г. В. Профессионально-личностные особенности управленцев в образовании / Г. В. Залевский, Э. В. Галажинский // Сибирский психологический журнал. – 1999. – Вып. 11. – С. 78–81.
3. Солянкина, Л. Е. Технология конструирования учебно-методического комплекса студента: учеб. пособие / Л. Е. Солянкина, А. М. Саранов. – Волгоград: Перемена, 1999. – 52 с.
4. Юцявичене, П. А. Принципы модульного обучения / П. А. Юцявичене // Советская педагогика. – 1990. – № 1. – С. 59–60.

УДК 378.013
ББК 4481.22

В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева

ПРОЕКТНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ДВУХУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Волгоградский государственный технический университет
E-mail: vasilyevavd@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы проектной подготовки студентов в техническом вузе, пути его совершенствования в современных условиях реформирования инженерного образования.

Ключевые слова: инженер, учебно-инженерное проектирование, техническое решение.

V. D. Vasilyeva, R. M. Petruneva

PROJECT TRAINING OF FUTURE ENGINEERS UNDER THE NEW CONDITIONS OF TWO-LEVEL EDUCATION

Volgograd State Technical University

In article the problems of educational engineering projection in technical university, means of its improvement in modern conditions of reforming of engineering formation are considered.

Keywords: engineer, educational engineering designing, technical decision.

Переход российской высшей школы, в том числе системы инженерного образования, на двухуровневую структуру и организацию учебного процесса стал реальностью. Несмотря на то, что основные образовательные программы подготовки бакалавров и магистров в области техники и технологий в целом уже сформированы и запущены в действие, наступившие революционные изменения в системе профессионального образования вынуждают педагогическую общественность инженерных вузов проводить сравнительный анализ новых и старых образовательных программ, делать кратко- и долгосрочные прогнозы относительно качества подготовки будущих инженеров. Не остались в стороне и авторы настоящей статьи, в своем анализе сделавшие акцент на *проектной* составляющей процесса подготовки будущих инженеров в новых условиях двухуровневого образования.

Связано это с тем, что традиционно в течение многих десятилетий целью обучения в техническом вузе была подготовка универсального специалиста-инженера, способного осуществлять различные виды профессиональной инженерной деятельности: проектировать новую технику и технологии, подготавливать, организовывать и управлять производством. Такая вузовская подготовка давала возможность специалисту, имея профессиональные навыки в различных видах инженерной деятельности, достаточно быстро адаптироваться в любом научном, проектном или производственном коллективе, в дальнейшем совершенствуясь в конкретной технической области. При этом в процессе обучения в вузе стержневой, актуализирующей все ранее полученные естественнонаучные, математические, технические и другие знания была именно *проектная подготовка* будущих инженеров. И это не случайно. Проектная подготовка является основополагающей и смыслоопределяющей всей будущей профессиональной деятельности инженера, позиционируя его как создателя, творца новых жизненных благ (от появления замысла – к серийному изделию). Владение методологией и современными способами проектирования новой техники и технологий – это, без сомнения, необходимое качество современного инженера вне зависимости от того, на каком этапе жизненного цикла (проектирование, производство, эксплуатация, утилизация) технических объектов он с ними профессионально взаимодействует.

Методология проектного обучения студентов технических специальностей отрабатывалась в российской высшей школе в течение многих десятилетий и на практике доказала свою эффективность как незаменимый элемент системы формирования профессиональных компетенций будущего инженера. Процесс проектной подготовки в техническом вузе традиционно представлен четырьмя последовательно-параллельными этапами: 1) освоение профессиональных проектных знаний и умений в рамках изучения отдельных учебных дисциплин в составе социально-гуманитарного, естественно-научного, математического, а также профессионального циклов, сформированных по принципу «от фундаментальных – к прикладным»; 2) освоение студентами методологии, современных способов, нормативов (регулятивов) и алгоритмов проектирования новой техники и технологий в рамках изучения метадисциплины «Инженерное проектирование...»; 3) приобретение первичного опыта проектирования отдельных элементов (этапов) машин, конструкций, технологий в рамках выполнения междисциплинарного курсового проекта; 4) этап осознанного применения всего комплекса приобретенных знаний, умений, системы профессиональных ценностей при проектировании сложных технических объектов (систем) в процессе выполнения дипломного проекта.

Учебная проектная деятельность студентов при выполнении курсовых междисциплинарных и дипломных проектов способствовала освоению студентами технологии выполнения реального инженерного проекта от стадии постановки проблемы, предпроектного исследования, выполнения самого проекта до прогноза наступающих последствий его реализации (в том числе социально-гуманитарных), формированию у студентов профессиональной мотивации, профессиональной направленности, навыков мыслительной и практической работы, воспитанию творческой активной личности, готовой к самореализации и саморазвитию. Данные этапы проектного становления инженера логически увязывались с пятилетней системой его подготовки в вузе.

Внедрение новых образовательных стандартов в области инженерного образования, узаконило существование двух видов инженеров – бакалавров и магистров в области техники и технологий. Бакалавриат назван первой ступенью высшего образования, следовательно,

можно называть его выпускника – бакалавра техники и технологий инженером. «Инженер – это специалист с высшим техническим образованием» [1, с. 252]. В связи с этим возникают вопросы: какие принципиальные изменения в проектной части претерпели образовательные программы инженерной подготовки с ее разделением на два уровня, и как это может отразиться на качестве обучения и подготовки будущих инженеров в целом?

Для попытки ответить на эти вопросы были проанализированы бакалаврские и магистерские образовательные программы различных направлений инженерной подготовки, введенные в действие в 2011 году в Волгоградском государственном техническом университете (ВолгГТУ), имеющем многолетний опыт такой двухуровневой подготовки.

Бакалаврский уровень инженерной подготовки в соответствии с новыми стандартами предполагает освоение студентами базовых профессиональных компетенций, приобретение ими фундаментальных научных знаний, навыков оптимизации социальных взаимодействий и технологий личностного роста. Как показал анализ образовательных программ, здесь представлен широкий спектр социально-гуманитарных, общенаучных и специальных дисциплин с преобладанием аудиторных групповых форм занятий. Не затрагивая проблему соотношения дисциплинарных блоков, следует отметить лишь отсутствие в образовательных программах подготовки бакалавров (либо представленность только в блоке дисциплин по выбору) метадисциплины «Проектирование...», а также учебного инженерного проектирования в виде традиционного междисциплинарного курсового проекта. Знакомство с составляющими проектной деятельности происходит на уровне изучения отдельных дисциплин путем решения физических, химических, технических и других задач. Выпускная аттестационная работа бакалавра, как правило, представляет собой самостоятельную разработку какой-либо проблемы в рамках направления бакалавриата и включает анализ состояния поставленной в работе проблемы по литературным источникам, выбор пути решения поставленной задачи, конкретизацию решения (выполнение некоторых расчетов, проведение эксперимента). При этом она ни в коей мере не может заменить выполнение полноценного междисциплинарного курсового проекта. В итоге, бакалавр-инженер –

выпускник первой ступени высшего инженерного образования – в полной мере не может владеть методологией и всем арсеналом средств проектирования, что не позволяет называть его полноценным инженером.

В области проектирования, как и в других областях инженерной деятельности, на уровне бакалавриата идет подготовка к выполнению бакалаврами исполнительских функций, направленных на реализацию в производственной практике инженерных идей, проектов, планов. Генерировать же эти идеи, как предполагается, будут выпускники магистратуры, которых и можно называть инженерами в традиционном понимании этого слова.

На вопросы о том, какие функции будут выполнять выпускники бакалавриата на реальном производстве и каковы будут их реальные возможности повышать свои профессиональные знания и квалификацию, еще предстоит ответить в будущем. Пока реальность такова: действующие и успешные предприятия, испытывая потребность в грамотном персонале, способном управлять сложным современным оборудованием и осуществлять исполнительские функции инженера-техника, не готовы (а может, пока еще не испытывают потребность) вкладываться в подготовку высококвалифицированных инженеров, способных генерировать новые идеи, управлять и организовывать новое производство. Настоящие 25–50 % бюджетных мест в магистратуре от числа выпускников бакалавриата свидетельствуют о снижении численности инженеров высокой квалификации в ближайшем будущем, пока, по крайней мере, не заработает система повышения квалификации бакалавров на предприятиях. В производственных условиях должна быть создана система профессиональной адаптации, повышения квалификации и сопровождения профессионального развития молодых специалистов – бакалавров. Очень хочется надеяться, что продолжить свое профессиональное образование в случае необходимости и при его желании удастся каждому выпускнику бакалавриата.

Если обучение студентов в бакалавриате на двух последних курсах ориентирует студентов по различным профилям (отраслям) подготовки, то обучение в магистратуре разделяет их по различным видам инженерной деятельности. В настоящее время начали функционировать магистратуры с подготовкой к научно-исследовательской, производственно-технологической

и проектно-конструкторской деятельности. Предлагается рассмотреть особенности проектной подготовки студентов в каждой из них.

Как показал анализ основных образовательных программ ВолгГТУ, в магистратуре с подготовкой к научно-исследовательской деятельности она отсутствует полностью. Данный подход к подготовке магистров – будущих исследователей и преподавателей вуза – не может не вызывать сомнения в его правильности вследствие того, что, во-первых, основная направленность научных исследований в техническом вузе – поиск путей решения технических проектировочных проблем, связанных с удовлетворением материальных потребностей обще-

ства; во-вторых, будущие преподаватели технического вуза, в том числе потенциальные руководители студенческих учебных проектов, должны сами пройти такую проектную подготовку.

Что касается магистратуры с подготовкой к производственно-технологической и проектно-конструкторской деятельности, то проектная подготовка студентов в ней представлена достаточно широко, но с некоторыми изменениями. Пример количества академических часов, выделяемых на основные составляющие проектной подготовки студентов специалитета и магистратуры, различных направлений инженерной подготовки представлен в таблице.

Распределение академических часов по основным проектным дисциплинам различных направлений инженерной подготовки

Наименование учебных дисциплин	Химическая технология		Наземные транспортно-технологические комплексы	
	специалитет	магистратура	специалитет	магистратура
Метадисциплина «Проектирование ...»	136	108	248	108
Междисциплинарный курсовой проект	204	108	102	72

Как видно из таблицы, общее количество часов, выделяемых на метадисциплину «Проектирование...» и междисциплинарный курсовой проект, при обучении в магистратуре по сравнению со специалитетом уменьшилось в среднем на 38 %. Частично это можно объяснить особенностями обучения в магистратуре: увеличением доли практической работы студентов на действующем предприятии, а также появлением новых общенаучных и профессиональных дисциплин. Тем не менее это изменение баланса между учебными дисциплинами проектной направленности и всеми остальными (другие дисциплины общенаучного и профессионального циклов, научно-исследовательская работа, производственная практика) не в пользу первых вызывает определенную тревогу, так как способом оценки приобретенных компетенций при обучении будущих инженеров в магистратуре должна стать практическая деятельность, успешность выполненных реальных проектов.

Практикуемое сегодня в специалитете проектная подготовка нуждается в новых подходах, способных придать ей методологическую осмысленность и современное наполнение, адекватное и существующей технической реальности, и требованиям компетентно ориентированных стандартов нового поколения.

Прежде всего требуется переосмысление содержания ведущей дисциплины – метадисциплины «Проектирование...», готовящей студента к практической проектировочной работе, в значительной степени помогающей преодолеть разобщенность отдельных наук в подготовке будущего инженера к проектной деятельности, дающей обоснование принципов координации и интеграции предметных областей инженерных знаний. Ее инвариантное ядро должно сводиться к следующим укрупненным дидактическим единицам: содержание и принципы инженерного проектирования; системный подход в инженерном проектировании; общие и специализированные показатели качества, их модели; техническое противоречие, идеальный конечный результат; основные качества объекта проектирования, их анализ; техническое задание; методы поиска идей, от идеи – к конкретным техническим объектам; векторная оптимизация, принятие решений; системные модели, алгоритмы и программы, отражающие функционирование физических объектов; численные методы и модели имитации испытаний и условий эксплуатации; методы оценки качества и приемлемости инженерно-проектировочного решения. Не всегда при близком ознакомлении данная дисциплина имеет такое содержатель-

ное наполнение; о методологии и технологии проектирования как вида инженерной деятельности в ней речи не идет.

При этом недостаточно учебных дисциплин, в которых студентов обучали бы самому главному творческому акту в проектной деятельности – формированию замысла, выявлению проблем и задач, анализу материальных потребностей общества и путей их реализации, прогнозированию влияния проектируемых технических объектов на жизнь общества и отдельного человека. Для этого необходимы учебные курсы широкого методологического плана, специальные курсы с включением творческих задач и обсуждением их решения, моделирование социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений.

Само учебное инженерное проектирование также требует инновационного содержательного наполнения. При всей специфике выполнения проектов студентами различных инженерных специальностей, находящей свое отражение в профессионально детерминированных (техничко-технологических, конструкторских и др.) разделах проекта, главным элементом процесса учебного инженерного проектирования, несущим основную смысловую нагрузку данного вида учебной деятельности, является этап анализа и выбора нового технического решения, впоследствии реализуемого в проекте. Однако на практике, как показал опрос, проведенный авторами среди старшекурсников ВолгГТУ, имеющих опыт проектирования (междисциплинарный курсовой проект, дипломный проект и т. п.), выполнение проектов не всегда (только в 65 % проектов в среднем по вузу) связано с использованием в проекте новых технических решений. Кроме того, осуществляемое в настоящее время учебное инженерное проектирование не отвечает в полной мере современным социокультурным требованиям, в частности, в области социогуманитарной оценки результатов проектирования [2–4]. Как следствие, будущие инженеры имеют низкий уровень проектной культуры, который выражается во фрагментарном восприятии инженерного проекта вне его многочисленных

взаимосвязей с технической и социальной окружающей действительностью.

Привнесение в обязательном порядке в практику выполнения учебных проектов использование новых технических решений, элементов групповой экспертной работы (главным образом, на этапе анализа и выбора проектного решения) позволит существенно повысить качество проектов, студенту приобрести и актуализировать профессиональные знания и умения на практике, проявить креативность в поиске и принятии проектного решения, сделать публичными свои личностные качества, сформировать компетентность, связанную с прогнозом влияния результатов внедрения проектов на глобальные и локальные процессы в природе, обществе, в жизни каждого человека. Магистерская диссертация должна содержать результаты реальной аналитической работы, проводимой на кафедре с непосредственным участием самого диссертанта и иметь признаки реального инженерного проекта, посвященного решению конкретных задач конкретного производства.

Таким образом, обновленная, модернизированная программа и технология проектного обучения, адекватная современной технической реальности, на втором магистерском уровне подготовки современных инженеров будет служить гарантией формирования профессиональной компетентности будущих инженеров в проектных видах деятельности на должном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1993. – 960 с.
2. Петрунева, Р. М. К проблеме социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – Вып. 3. – С. 239–243.
3. Петрунева, Р. М. О методологии комплексной социогуманитарной экспертизы инженерно-проектировочных решений / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 2. – С. 65–70.
4. Петрунева, Р. М. Экспертиза инженерно-проектировочных решений как современная учебная технология / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева // Высшее образование в России. – 2010. – № 8/9. – С. 122–128.

УДК 378.011.33
ББК Ч 481.21

Н. Ю. Сидякина, З. С. Сазонова

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА КОМПЕТЕНТНОСТИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

E-mail: zssazonova@yahoo.com

В настоящей работе рассматриваются актуальные проблемы оценки качества компетентностно ориентированного высшего профессионального образования. Анализ различных аспектов рассматриваемых проблем осуществляется в контексте анализа проблем обеспечения качества компетенций менеджеров, в том числе менеджеров современного инжиниринга.

Ключевые слова: компетенции, оценка качества образования, измерительные средства и методы.

N. Y. Sidyakina, Z. S. Sazonova

PROBLEMS OF ASSESSMENT OF QUALITY OF EDUCATION BASED ON COMPETENCIES

State Technical University - MADI

In this paper we consider the urgent problem of quality evaluation in competency-oriented higher professional education. The analysis of various aspects of this problem is carried out in the context of providing the quality of the competencies for modern managers in engineering.

Keywords: competencies, assessment of education quality, means and methods of measurement.

Введение

В современных условиях созидания наукоемкой индустрии принципиальную значимость имеет высокое качество профессиональной подготовки менеджеров инжиниринга, способных эффективно управлять всеми этапами полных жизненных циклов наукоемких проектов, технологий и производств. Авторы настоящей публикации в течение семи лет занимаются исследованием проблем подготовки эффективных менеджеров организаций автомобильно-дорожной отрасли, в том числе занимающихся высокотехнологичными разработками [1–3]. Современный менеджмент инжиниринга является необходимым средством организации процессов разработки, внедрения и сопровождения наукоемких технологий, необходимых для создания отечественной инновационной экономики. В процессе выполненного исследования были разработаны и апробированы концепция и соответствующая ей модель фундаментализации подготовки менеджеров инжиниринга, реализуемой в процессе активного усвоения компетентностно ориентированного междисциплинарного содержания подготовки менеджеров, обеспечивающего интеграцию управленческих и инженерных компетенций. Фундаментализация подготовки менеджеров использовалась авторами в качестве средства для формирования и повышения уровня тех компетенций, которые необходимы для эффективного учения и фор-

мирования профессионально важных компетенций. Формирование базовых (фундаментальных) компетенций осуществлялось в условиях, прогнозируемых авторской гипотетической теорией. Диагностика компетенций осуществлялась на основе рекомендованных ФГОС ВПО внешних поведенческих показателей «знать-уметь-владеть». Апробация разработанной модели показала ее эффективность, подтвержденную результатами тестирования, академическими оценками, отзывами выпускников и уровнем их трудоустраиваемости.

В выполненной работе удалось еще раз подтвердить идею о том, что фундаментальное образование является надежной основой всестороннего развития личности, в том числе основой формирования и развития профессионально важных качеств будущего менеджера. Однако сама сущность фундаментализации образования до настоящего времени не раскрыта. В настоящее время в научных публикациях представлено много разных определений этого понятия, однако все они даются на макроуровне, значительно дистанцируясь от тех глубоких процессов, которые реализуются во внутреннем мире каждого будущего выпускника. Однако именно в сегодняшних условиях, когда целями профессиональной подготовки становится формирование системы общекультурных и профессиональных компетенций как основы формирования профессиональной компетент-

ности, преподавателям требуется большее понимание сути того, что они делают на уровне своей интуиции и личного опыта. Профессиональная компетентность определяется как **интегративное личностное качество** специалиста, поэтому совместно работающим преподавателям и студентам необходимо не только видеть то, что каждый из них знает, умеет и чем владеет, но и понимать механизм управления процессом развития, в результате которого формируется то интегративное личностное качество, которое является главной целью профессиональной подготовки.

В настоящий период широкого внедрения в образовательный процесс компетентного подхода особую актуальность приобретают технологии прогнозирования уровня компетентности бакалавров-менеджеров и магистров-менеджеров инжиниринга на основе диагностики уровней компетенций, формируемых в процессе обучения в вузе. Достижения, имеющиеся в этом направлении у отечественной междисциплинарной науки и педагогической практики, являются гораздо более скромными по сравнению и с западноевропейским, и с американскими. Для того, чтобы переход российского высшего образования к работе на основе компетентного подхода действительно позволил осуществить прорыв в динамике опережающего качества профессионального образования, научно-педагогическим коллективам российских вузов предстоит выполнить широкий спектр серьезных исследований, направленных на выявление системной сущности компетенций и разработку методов и средств управления развитием всех встроенных в них подсистем. Успех предстоящей работы зависит от степени осмысления и освоения уже имеющихся в этой области достижений. Качество образования в контексте компетентного подхода определяется уровнями качества сформированных в образовательном процессе компетенций, каждая из которых имеет структуру и является многофакторной. Сложность многокомпонентной структуры каждой из компетенций современных менеджеров требует выявления адекватных систем показателей и критериев оценки уровней сформированности всех составляющих, а также разработки соответствующих средств и методов измерений. Отсутствие необходимого диагностического инструментария не позволяет отслеживать динамику повышения уровней формируемых

компетенций и обуславливает противоречие между необходимостью мониторинга компетенций и отсутствием соответствующих возможностей. Наличие этого противоречия связано с проблемой неразработанности необходимого для его разрешения теоретико-методологического обоснования.

Качество образования как многофакторная проблема

Ожидания современного наукоемкого производства связаны с тем, что нарождающаяся инновационная система отечественного высшего профессионального образования подготовит таких бакалавров, магистров и специалистов, которые смогут в кратчайшие сроки после короткого адаптационного периода продемонстрировать высокое качество выполняемых ими профессиональных обязанностей. Ориентируясь на обеспечение высокого уровня качества профессиональной подготовки студента вуза, необходимо вскрыть системную сущность понятия «качество компетентностно ориентированной профессиональной подготовки» и определить его структуру.

Главной внешней характеристикой качества образования является его соответствие требованиям, целям, нормам. Качество образования – это степень соответствия результатов образования требованиям, предъявляемым к нему, степень удовлетворения потребностей в образовании со стороны его заказчиков (студентов, государства, общества). Качество образования – это степень (или мера) соответствия результатов целям. В то же время качество – это сложная философская, экономическая, социальная и одновременно общественная системная категория, которая диалектично взаимосвязана со стандартизацией.

Современный уровень развития теории и практики управления качеством образования позволяет отказаться от ограниченности традиционного подхода, при котором управление образовательным процессом осуществлялось по оценкам конечного результата. Современный подход ориентирован на создание комплексной системы управления качеством образования, предусматривающей регулирование процесса на основании квазинепрерывного мониторинга, то есть оценивания его состояния по специально выделенным показателям и критериям качества для всех компонентов самого процесса, являющихся факторами обеспечения высокого уровня качества формируемых компетенций [4].

Современный этап развития качества образования неразрывно связан со становлением новых социальных функций образования. В настоящее время с пониманием качества образования связывают понимание «качество самого человека» [2]. Человеческий фактор представляет собой движущую силу практически всех процессов, обуславливает как их характер, так и отдельные характеристики. К настоящему времени этот фактор достиг беспрецедентного влияния в сравнении с предшествующими периодами развития человечества.

Зарубежный опыт реализации компетентностного подхода к оцениванию качества результатов обучения

Предлагается рассмотреть три основных подхода к определению и введению в практику образования компетентностной трактовки качества результатов обучения. Эти подходы появились независимо друг от друга сначала в США, затем в Великобритании и, в последнюю очередь, во Франции и Германии [5].

Американский подход имеет четкую ориентацию результатов образования на способность их применения на практике после окончания учебного заведения. По существу, этот подход является поведенческим подходом. Следуя этому теоретическому подходу, в США для оценивания компетенций разрабатывают компетентностные тесты, позволяющие предсказывать эффективность выпускников вузов в работе после окончания обучения. Накопленный к настоящему времени опыт работы с этими тестами доказал их высокую прогностическую валидность. Американская ассоциация менеджмента (АМА) при классификации компетенций выделила пять кластеров, в число которых вошли ресурсные, межличностные, информационные, системные и технологические компетенции. По мнению разработчиков этого подхода, связь между различными кластерами компетенций и их дифференциация должны осуществляться в процессе моделирования ключевых факторов успеха и оценивания уровня их сформированности в отдельных кластерах. В модель компетентности лидера, например, включено шесть кластеров компетенций, проявляющихся на трех уровнях, включающих общеорганизационный уровень, уровень процессов и индивидуальный уровень.

В процессе оценивания происходит детализация, при которой кластеры каждого уровня раз-

деляются на отдельные группы компетенций, дробящиеся, в свою очередь, на субкомпетенции.

В Великобритании разработана интегративная модель профессиональной компетентности, включающая пять групп связанных компетенций (когнитивных, функциональных, личностных, этических и метакомпетенций) и, соответственно, предполагающая пять уровней изменений.

В отличие от американской модели, в английскую модель классификации компетенций включены дополнительно функциональные характеристики качества базисных знаний и результатов обучения.

Особый интерес представляет собой логика компетентностного подхода, характерного для Франции. Этот подход является многомерным и включает два отличных друг от друга направления: личностное, сосредоточенное на характеристике поведения каждого студента, и коллективное, нацеленное на создание модели компетенций, необходимых для эффективной организации работы коллективов и участия в этой работе каждого студента в качестве одного из членов коллектива. Многомерность принятому во Франции подходу обеспечивает многообразие кластеров компетенций, «тяготеющих к тому или иному полюсу» и требующих построения различных шкал измерений. Английский и французский подходы интегрируют знаниевые, функциональные и поведенческие характеристики результатов обучения.

Немецкий подход ориентирован на компетенции действия. Особенность немецкого подхода состоит в том, что в нем фокус внимания смещается на учебные планы системы профессионального обучения. В начале каждого учебного плана представляется совокупность компетенций, специфических для каждого предмета и определяющих, в основном, приоритетные области изучения, а также (в меньшей степени) планируемые к усвоению знания, умения и навыки. Стандартная типология компетенций ориентирована на сферу будущей профессиональной деятельности выпускников учебных заведений. Она включает предметные, личностные и социальные компетенции.

Согласно той типологии, которая принята в немецкой системе образования, предметные компетенции познавательного и функционального характера характеризуют способности студента использовать предметные знания и навыки для решения задач и практических про-

блем. Общие когнитивные компетенции рассматриваются как предпосылки для развития предметных компетенций. К числу важнейших личностных компетенций, включающих в числе других когнитивные и социальные, относят способности студентов к поиску, анализу и оценке возможных путей саморазвития, самостоятельному формированию требований и ограничений в личной, трудовой и общественной жизни, развитию навыков выбора и реализации жизненных планов.

Помимо перечисленных основных кластеров компетенций, иногда в немецкую модель

включается дополнительно самокомпетенция, которая определяется как способность личности к отстаиванию положительного «Я-образа» и развитию нравственности, взаимодействию с другими членами общества рациональным и честным способом, включающим развитие чувства социальной ответственности и солидарности. В настоящее время в Германии выделено более трехсот профилей профессиональной подготовки, описанных по общему формату в рамках компетентностного подхода и включающих компетенции в рамках единого терминологического аппарата.

Зарубежные подходы к определению и выделению кластеров компетенций

Обобщая опыт зарубежных стран на пути развития компетентностного подхода (см. рисунок), можно констатировать, что одномерные модели, рассчитанные на построение единственной шкалы при оценивании качества результатов образования, значительно уступают многомерным оценочным структурам. Появление в моделях компетенций функциональных и когнитивных компетенций позволило расширить начальный поведенческий подход, сложившийся в США в период формирования представлений о компетенциях в образовании.

К настоящему времени компетентностный подход, характерный для Франции и Германии, имеет целостную структуру, в которую знания, умения и навыки вместе с поведенческими и мотивационными аспектами вошли как составные элементы общей кластерной структуры компетенций.

Модель многомерной структуры компетенций в развитых странах Европы уже широко используется при оценочных процессах, когда речь идет об измерении уровней сформированности компетенций в рамках компетентностного подхода. Согласно этой модели, профессиональные компетенции, необходимые для эффективной работы выпускников после окончания учебного заведения, включают в себя

кластеры когнитивных и функциональных компетенций. Личностные компетенции подразделяются на метакомпетенции, социальные компетенции и т. д. Необходимо подчеркнуть, что три кластера, включающие когнитивные, функциональные и социальные компетенции, являются универсальными (инвариантными) для всех рассмотренных авторами подходов. Метакомпетенции отличаются от первых трех кластеров, они служат базисом для приобретения других компетенций.

К настоящему времени многомерный (целостный) подход к трактовке и оцениванию компетенций используется все в большей степени, поскольку он обеспечивает расширение возможностей для синхронизации образовательного процесса с требованиями общества и рынка труда.

Компетентностный подход и оценивание качества результатов обучения с позиций федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения

Отдельные идеи компетентностного подхода были намечены в трудах советских педагогов еще в 60–70-е гг. XX века. Речь идет об идеях, связанных с теорией развивающего обучения и ориентацией обучения на формирова-

ние обобщенных способов учебной деятельности. С точки зрения авторов настоящей статьи, не совсем корректно утверждение того, что компетенции пришли на смену знаниям, если под знаниями будет пониматься не записанная в память информация, а сформированная в процессе обучения способность использовать обобщенные когнитивные новообразования в профессиональной жизни. В целом понятие «компетентность» включает в себя способность профессионала системно использовать обобщенные знания, умения, навыки и компетенции для решения определенного круга профессиональных проблем.

Понятия «компетенция» и «компетентность» отражают современные тенденции в понимании качества результатов образовательного процесса. Определение качества через совокупность компетенций не самоцель, главное состоит в ответе на вопрос о том, как следует фиксировать достигнутый уровень компетентности с помощью оценочных процессов и обеспечить его повышение. Именно поэтому каждая из компетенций выпускников вузов, характеризующая качество достигнутых результатов высшего образования, нуждается в структурировании путем выделения существенных признаков своего проявления в конкретных сферах профессиональной деятельности. Построенная структура создает возможность операционализировать отдельные компоненты компетенции в процедуре измерения. Например, каждая составляющая многокомпонентной структуры только одной компетенции менеджера инжиниринга требует отдельного анализа и является объектом системы управления, целенаправленного воздействия со стороны педагогов в учебном процессе. Эффективное управление формированием и развитием такой сложной системно организованной компетенции невозможно без наличия основанной на многомерных измерениях современной системы оценивания всех составляющих компетенций [5].

Оправдаются ли все ожидания и надежды, возлагаемые на возможности внедрения компетентностной модели подготовки бакалавров, магистров и специалистов с целью повышения качества результатов профессионального образования? Позволят ли представленные в ФГОС ВПО компетенции с высокой вероятностью прогнозировать будущие профессиональные успехи выпускников вузов? Обладают ли эти компетенции высокой прогностической валид-

ностью? Правильно ли был корреспондирован таксономический ряд «знать – уметь – владеть» и перечень дисциплин, содержащихся в основной образовательной программе профессиональной подготовки с составом компетенций по различным образовательным уровням при разработке ФГОС по разным направлениям подготовки? Произойдет ли существенная перестройка содержания и методов обучения с ориентацией на компетентностную модель подготовки специалистов? Сумеют ли вузы и структуры, занимающиеся государственной аккредитацией, создать адекватные компетентностному подходу системы контроля и оценки качества подготовки выпускников, обладающие высокой прогностичностью? Ответы на эти вопросы даст только многолетняя практика внедрения компетентностного подхода в отечественное образование.

В целом можно сказать, что процесс совершенствования перечней компетенций и дисциплин по различным профилям подготовки специалистов должен носить достаточно длительный во времени характер и основываться не только на мнениях экспертов из числа профессорско-преподавательского состава вузов или работодателей, но и на опыте реального преподавания, анализе тенденций изменения качества образования.

Однако сейчас уже понятно, что введение компетентностного подхода серьезно затрагивает все компоненты процесса обучения и требует существенного пересмотра содержания образования, методов обучения и используемых в вузах контрольно-оценочных систем. Согласно существующему законодательству, оценка качества подготовки выпускников происходит в процессе аттестации, требующей репрезентативного отображения требований ФГОС ВПО в содержании аттестационных оценочных средств. Поэтому теперь преподавателям вузов необходимо оценивать не привычные знания, умения и навыки, а уровень освоения достаточно большого набора общекультурных и профессиональных компетенций.

В этих условиях вузы и те структуры, которые занимаются комплексной проверкой деятельности учебных заведений, не смогут ограничиться существующими и ставшими уже привычными заданиями по отдельным предметам с выбором ответов, поскольку компетенции не являются некоторым набором предметных знаний, умений и навыков. Сегодня необходи-

мы новые оценочные средства, созданные на основе современных достижений теории педагогических измерений и позволяющие измерять уровень сформированности многоплановых и многоструктурных компетентностных характеристик качества подготовки выпускников вузов.

В связи с тем, что результаты компетентностно ориентированного образования в полной мере могут проявить себя только в послевузовский период, преподавателям вузов необходимо располагать надежными средствами диагностики компетенций. Необходимы аттестационные тесты с высокой степенью валидности, дающие вероятностный прогноз успешности выпускников вузов в сфере дальнейшей профессиональной деятельности. Валидность разрабатываемых тестов должна быть оценена методом корреляции результатов тестовых оценок с оценками качества профессиональной деятельности выпускников, собранными на протяжении первых двух-трех лет послевузовской работы. Начиная с 2011–2012 учебного года – первого года полномасштабного внедрения компетентностного подхода, каждый вуз приступил к работе по перестройке традиционной системы контроля на основе введения в учебный процесс компетентностно-ориентированных заданий. В этом направлении в подавляющем большинстве отечественных вузов сейчас делаются только первые шаги.

Проблема структурирования компетенций и создания необходимых для мониторинга измерителей является принципиально трудной, поскольку компетенции многофункциональны и надпредметны. В силу этого при мониторинге необходимы комплексные измерители, требующие включения различных оценочных средств, использования методов многомерного шкалирования и специальных методов интеграции аттестационных баллов по различным количественным и качественным шкалам.

При интерпретации оценок уровня освоения компетенций придется принимать во внимание, что формирование компетенций зависит от многих факторов: содержания образования, организационно-технологических педагогических решений, методов обучения, стиля взаимодействия преподавателей со студентами, качества системы контроля в вузе, степени вовлеченности студентов в образовательный процесс, характера учебных и производственных практик, стажировок и других.

Приступая к решению новых для нас и очень непростых научно-педагогических проблем, абсолютно необходимо учитывать опыт тех стран, которые работают в условиях внедрения компетентностного подхода в образовании уже 8–10 лет.

Для снижения субъективизма при оценке качества образования, реализуемого на основе компетентностного подхода, очень важной является обоснованная возможность использования тех показателей, которые допускают трансформацию в количественные критерии и нормы.

Заключение

Решение проблем реализации научно обоснованных целенаправленных процессов формирования общекультурных и профессиональных компетенций выпускников технических вузов, в том числе менеджеров инженерии, является принципиально важным и требует развития процессов фундаментализации профессиональной подготовки за счет коллективных усилий научно-педагогической общественности всех отечественных технических вузов. Коллектив преподавателей МАДИ занимается исследованиями в этой области в условиях координации своей деятельности с Международным обществом по инженерной педагогике IGIP.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сазонова, З. С. Подготовка менеджеров высоких технологий: студентоцентрированный подход / З. С. Сазонова, Н. Ю. Сидякина, В. В. Ищенко // Высшее образование в России. – 2010. – № 4. – С. 27–35.
2. Сазонова, З. С. Профессионально-педагогическая подготовка преподавателей технических вузов к реализации Госстандартов третьего поколения / З. С. Сазонова, Н. Ю. Сидякина // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). – 2010. – № 3–4 (13–14). – С. 73–78.
3. Сазонова, З. С. Междисциплинарная подготовка специалистов для автотранспортного комплекса / З. С. Сазонова, Н. Ю. Сидякина // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 7 (67). – Волгоград : ИУНЛ ВолгГТУ, 2010. – С. 102–106. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»).
4. Ищенко, В. В. Функционально-сетевые модели компетентностного подхода для описания интеграции образования, науки, производства / В. В. Ищенко, З. С. Сазонова // Труды методологического семинара «Россия в болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». – М.: Изд-во Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 52 с.
5. Звонников, В. И. Контроль качества обучения при аттестации: компетентностный подход / В. И. Звонников, М. Б. Чельшкова. – М.: Издательство: Университетская книга, Логос, 2009. – 272 с.

УДК 378.017.4
ББК Ч 481.3

А. В. Шеина

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ К СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: annashein@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о воспитании ответственности инженера за влияние результатов его профессиональной деятельности на природу и общество. Выделяется влияние мотивационной направленности личности на характер профессиональной деятельности. Определяются условия формирования гуманистической направленности личности будущего инженера.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, мотивация, мотивационная готовность, нравственность, направленность личности, социокультурная среда, профессиональная деятельность.

A. V. Sheina

CONDITIONS FOR THE FORMATION OF MOTIVATIONAL READINESS OF FUTURE ENGINEERS TO SOCIALLY RESPONSIBLE ACTIVITY

Volgograd State Technical University

The article discusses the education responsibility of engineer for influence of results his professional activity on nature and society. In this text we distinguish the influence of motivational directivity of personality on character of professional activity. Besides, this article determines the conditions of formation humanistic personal directivity of future engineer.

Keywords: scientific and technical progress, motivation, motivational preparation, moral, personal directivity, socio-cultural environment, professional activity.

В эпоху глобализации социально-экономических процессов и стремительного развития науки и техники наиболее актуальным становится вопрос ответственности специалиста за влияние результатов его деятельности на природу и общество. Достижения в различных областях науки зачастую используются не во благо, а во вред человеку и влекут за собой необратимые изменения в обществе, природные катаклизмы, экологические катастрофы, снижение культурного уровня и духовные конфликты.

Целевое использование тех или иных технологий определяется прежде всего морально-нравственным выбором и теми мотивами, которыми руководствуется человек в своей деятельности. Стремление к материальному обогащению путем применения технических инноваций без осознания последствий их влияния на природу и общество характерно для специалиста с низкой профессиональной культурой, мотивированного получением коммерческой выгоды, реализующего узколичные интересы. В связи с этим важное общественное значение приобретает воспитание нравственных установок будущих ученых и инженеров, осознание ими моральной ответственности за результаты своего труда. Одной из важных составляющих

профессионализма сегодня признается социальная компетентность специалиста, которая выступает как персональный резерв профессионального роста, гарантия принятия субъектом проектирования социально и нравственно оправданных инженерных решений. Наиболее важным становится не только овладение когнитивными стандартами профессии, но и актуализация субъектом профессиональной деятельности своих личностных функций (профессиональное целеполагание и смыслотворчество, профессиональная рефлексия и способ жизнедеятельности и т. д.), социальная компетентность приобретает все большую значимость [1].

Основой деятельности личности, является, по мнению большинства психологов и педагогов, ее мотивация и направленность. Именно эти психологические образования определяют характер деятельности человека – будет ли она являться созидательной либо разрушительной. Как отмечает Е. В. Шорохова, «мотивы выступают как стимулы, реальные двигатели человеческой деятельности, как мощнейшие регуляторы поведения» [2]. Любое действие или бездействие человека вызвано целым рядом личностных факторов, образующих в своей совокупности мотивационную систему. Причем иерархия мотивов определяется именно на-

правленностью личности, ее устойчивыми устремлениями, которые формируются в процессе усвоения личностью социального опыта. Практически все психологи под направленностью личности понимают совокупность или систему каких-либо мотивационных образований, явлений. Однако это лишь одна сторона ее сущности. Другая сторона заключается в том, что эта система определяет направление поведения и деятельности человека, ориентирует его, определяет тенденции поведения и действий и, в конечном итоге, определяет облик человека в социальном плане (В. С. Мерлин) [3]. Ввиду этого, целенаправленное формирование профессиональной направленности личности специалиста позволяет предопределить характер его дальнейшей деятельности. Причем устойчивость направленности по отношению к ситуативным, внешним факторам способствует сопротивлению прагматическим, материальным интересам, если в ее основе лежат такие смыслообразующие мотивы, как альтруизм, человеколюбие, социальная значимость результатов труда.

В образовательном учреждении ключевая роль должна быть отведена формированию системы мотивации будущего специалиста, воспитанию его культуры и нравственности. Только тот инженер способен осознавать общественное значение и социальные последствия результатов своего труда, для которого ведущими являются духовные смыслообразующие мотивы, моральные убеждения. Осознание, изменение и развитие мотивов личности происходит постоянно в процессе ее становления и развития. Причем характер общественно-значимой деятельности зависит от формирования мотивации на социальном и личностном уровне, что, в свою очередь, происходит под влиянием различных факторов социокультурной среды и характерной для нее системы ценностей.

В образовательных стандартах нового поколения обозначен перечень профессиональных и общекультурных компетенций, которыми должен овладеть будущий специалист. Причем формирование компетенций, в отличие от традиционного усвоения готовых теоретических знаний, предусматривает активную позицию студента в условиях специально организованной социокультурной среды вуза. Причем, понятие «социокультурная среда» необходимо рассматривать в широком значении, как «всю совокупность взаимоотношений субъекта (в дан-

ном случае – обучения) с коллективом, профессией, с социумом в целом, с естественной средой жизнедеятельности и искусственно созданными объектами техносферы, с культурой (в широком контексте) и нацелено на формирование личности будущего специалиста как агента и носителя культуры в сфере профессиональной деятельности» [4].

Формирование системы ценностей будущего инженера на основе усвоения нравственных категорий посредством выполнения социально-значимой общественной деятельности должно отразиться прежде всего на осознании им своей профессиональной миссии. Нравственные качества молодого человека показательны лишь при реализации конкретных инженерных решений. Реальный процесс инженерного проектирования технических объектов в вузе моделируется путем выполнения учебного междисциплинарного курсового проекта. Дополнение его социогуманитарной экспертизой [5] позволит применять не только усвоенные технические и функциональные знания, но и эмоционально переживать оценку морально-нравственной стороны предлагаемого решения. Это позволит студенту осознать характер собственных мотивов, проанализировать иерархию ценностей и личностные установки, которые в дальнейшем во многом определяют его поступки и направленность. В процессе такого анализа возможна переоценка ценностей будущего специалиста и обогащение его мотивационной сферы новыми духовными смыслами.

Выполнение курсового проекта позволяет реально пережить процесс принятия решения в моделируемой ситуации будущей профессиональной деятельности и включиться в осваиваемую предметную область. Будет ли будущий инженер руководствоваться интересами общества? Это покажет желание и умение обосновывать технические решения с точки зрения экологической безопасности и социальной значимости. Формирование этого умения происходит не только в рамках учебных занятий, а при воспитывающем влиянии социокультурной среды вуза, при акцентировании гуманистических императивов в квазипрофессиональной деятельности студенческой молодежи. В соответствии с деятельностным подходом (Л. С. Выгодский, Л. С. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов и др.) усвоение содержания исторического опыта людей осуществляется не путем передачи инфор-

мации о нем человеку, а в процессе его собственной активности, направленной на предметы и явления окружающего мира, созданные в процессе развития человеческой культуры [6, с. 86].

Развитием теории деятельности является контекстный подход, согласно которому необходимо использовать такие формы деятельности студента, которые позволили бы будущему специалисту получать необходимые компетенции при погружении в реальную профессиональную среду. Выделяются три базовых формы: учебная деятельность академического типа, квазипрофессиональная деятельность и учебно-профессиональная деятельность. Использование каждой из этих форм предусматривает личностное включение студента в осваиваемую предметную область деятельности [6, с. 88–89]. Важно акцентировать внимание на осознании студентом собственной иерархии мотивов, проведении анализа и оценки своей нравственной позиции при принятии того или иного решения.

Таким образом, готовность к социально-ответственной деятельности инженера определяется преобладанием в иерархии мотивов гуманистических ценностей, установок на интересы общества, сохранение и преумножение национальных ресурсов в интересах последующих поколений. Формирование личности происходит под влиянием системы взаимодействующих факторов социальной среды вуза,

в которой сочетаются специально организованные процессы и стихийно возникающие, обусловленные общественно-экономическими изменениями и культурными тенденциями. Включение нравственной компоненты в процесс принятия технических решений позволяет сформировать гуманистическую направленность личности и определить ее дальнейшие социальные позиции в сфере профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Петрунева, Р. М. Модель специалиста-инженера: от деятельности к компетентности: монография / Р. М. Петрунева / ВолгГТУ. – Волгоград, 2007. – С. 36–37.
2. Шорохова, Е. В. Социальная детерминация поведения / Е. В. Шорохова // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М., 1976. – С. 20–21.
3. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2008. – С. 174–175.
4. Васильева, В. Д. Социокультурная среда вуза – условие формирования профессиональной культуры специалиста / В. Д. Васильева, Р. М. Петрунева // Высшее образование в России. – 2011. – № 6. – С. 114.
5. Петрунева, Р. М. Будущие инженеры о социогуманитарном смысле учебного инженерного проектирования / Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева, Н. В. Дулина // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 9(69). – Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ, 2010. – С. 115–117.
6. Бакиаева, Н. А. Психология мотивации студентов: учеб. пособие / Н. А. Бакиаева, А. А. Вербицкий. – М.: Логос, 2006.

УДК 612.017.2

Г. А. Севрюкова, Е. В. Тюменцева*, П. Л. Севрюкова***

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

* Волгоградский государственный технический университет

** Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: gasevrykova@mail.ru, ltimenzeva@yandex.ru

В работе представлены результаты исследования структурно-динамических характеристик личности, умственной работоспособности, биоэлектрической активности мозга (фон и функциональные пробы) студентов в процессе обучения в вузе.

Ключевые слова: адаптация студентов, личностные характеристики, ЭЭГ, умственная работоспособность.

G. A. Sevrykova, E. V. Tyumentseva*, P. L. Sevrykova***

SOME ASPECTS OF STUDENTS' ADAPTATION IN THE LEARNING PROCESS AT THE UNIVERSITY

* Volgograd State Technical University

** Volgograd State Social - Pedagogical University

In the work presents the results of a study of structural and dynamic characteristics of the personality, mental work, EEG (background and functional tests) of students in the learning process at the university.

Keywords: adaptation of students, the personal characteristics, EEG, mental work.

Модернизация высшего образования, основываясь на гуманистическом и компетентностном подходе, направленном на развитие личности, предполагает изменение образовательных стратегий и технологий с целью повышения качества и эффективности образования [4]. Образовательная среда высшего учебного заведения строго регламентирует жизнь студента в течение всего периода обучения [3]. При этом интенсивный, а зачастую предельно интенсивный ритм жизни студента, не учитывающий его индивидуальные особенности, не может не сказаться на эффективности обучения, основными критериями которого являются умственная работоспособность и академическая успеваемость.

Анализ проведенных исследований показывает преобладание тревожно-депрессивных тенденций, эмоциональной напряженности, избыточной сосредоточенности на отклонениях от субъективной нормы как в плане межличностных отношений, так и в сфере самочувствия у студентов первого-второго годов обучения. В то же время снижение уровня личностного профиля у студентов на третьем-четвертом годах обучения по шкалам, отражающим тревожно-депрессивные тенденции, импульсивность, индивидуальность ($p \leq 0,05$) и повышение сознательного контроля за эмоциями, отражают желание добиться благожелательного отношения к себе со стороны окружающих, которое может сочетаться с незначительным беспокойством и неуверенностью. Поскольку такие качества, как доброжелательность и общительность улучшают социальную адаптацию, даже тенденция к повышению личностного профиля по шкале «Контроль за эмоциями» может рассматриваться как прогностически благоприятный признак.

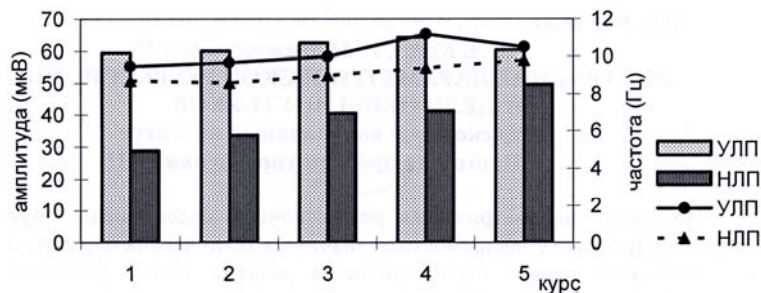
Сравнительный анализ умственной работоспособности показал, что параметры, отражающие устойчивость и распределение внимания, объем кратковременной памяти, способность к аналитическому мышлению, сенсорные функции у студентов на 1–2 курсах достоверно отличались по сравнению с таковыми у них же на старших курсах. В целом, студенты младших курсов затрачивали больше времени на выполнение тестовых заданий, одновременно допуская большее число ошибок, что свидетельствует об истощаемости внимания и памяти, обуславливающих увеличение периода вработываемости. Анализ нейродинамических реакций в группах студентов 1-х и 2-х курсов показал преобладание преждевременных реакций по сравнению с 4–5-м курсами

($p \leq 0,05$), что свидетельствует о наличии процессов торможения в нервной системе и признаках утомляемости.

Учитывая, что студенты относятся к группе повышенного риска развития заболеваний [1, 5], и тот факт, что в основе многих соматических заболеваний лежат психические нарушения, приводящие к изменениям в вегетативной и эндокринной системах [2], в работе проанализирована динамика параметров психофизиологической сферы у студентов с различным уровнем личностного профиля (неудовлетворительный, удовлетворительный).

Данные исследования позволяют заключить, что среди студентов первого года обучения преобладали лица с неудовлетворительным личностным профилем (63,2 %). Дальнейшее исследование позволило выявить позитивную направленность личностных изменений от 1 к 5 курсам. Однако и на третьем (26,5 %), и на пятом-шестом (15,9 %) курсах выявляется высокий процент лиц с неудовлетворительным личностным профилем.

Изучение умственной работоспособности, уровня активации ЦНС позволило установить позитивную динамику от 1 к 5 курсу не только в группе с удовлетворительным личностным профилем, но и с неудовлетворительным. В целом отмечалось уменьшение времени на выполнение тестовых заданий, повышение точностных характеристик деятельности. Однако были выявлены признаки утомления сенсорных систем и нестабильность нейродинамических процессов у студентов с неудовлетворительным уровнем личностного профиля. Динамика доминирующего альфа-ритма позволила выявить достоверное повышение амплитуды в среднем в 1,7 раза в группе с неудовлетворительным личностным профилем, тогда как в группе с удовлетворительным личностным профилем частотно-амплитудный профиль ЭЭГ затылочного и теменного отделов не изменился (см. рисунок). В ответ на афферентные стимулы при проведении функциональных проб во всех группах отмечается снижение частотно-амплитудных показателей доминирующего ритма ЭЭГ. При этом на протяжении всего периода исследования (1–5 курсы) группы с неудовлетворительным уровнем личностного профиля как на фоне фотостимуляции, так и гипервентиляции имели достоверно низкий амплитудный диапазон доминирующего ритма ЭЭГ по сравнению с группой с удовлетворительным личностным профилем.

Динамика параметров доминирующего ритма ЭЭГ студентов в процессе обучения в вузе

Все установленные закономерности динамики параметров умственной работоспособности, психофизиологических и личностных характеристик, биоэлектрической активности мозга в сравниваемых группах студентов-медиков нашли отражение в продуктивности их учебной деятельности. Успеваемость была представлена средней арифметической величиной, полученной при сложении всех экзаменационных оценок в зимнюю и летнюю сессии на первом курсе, и оценок по всем экзаменационным дисциплинам на старших курсах. У студентов с удовлетворительным личностным профилем на первом году обучения средняя оценка составила $3,96 \pm 0,04$, на третьем-четвертом – $4,05 \pm 0,07$, на пятом-шестом – $3,98 \pm 0,05$ балла; в группе с неудовлетворительным личностным профилем – $3,28 \pm 0,05$ балла, $3,53 \pm 0,04$ балла, $3,67 \pm 0,06$ балла соответственно.

Как следует из данных корреляционного анализа, эффективность учебной деятельности определяется исходно высокими количественно-качественными показателями умственной работоспособности, отсутствием акцентированных пиков в личностном профиле и увеличением уровня индивидуальных показателей альфа-активности, что подтверждается установленными интеркорреляциями академической успеваемости с темпом психических процессов ($r=0,557$; $p=0,036$), с коэффициентом утомления «Теппинг-тест» ($r=-0,643$; $p=0,031$), с объемом кратковременной памяти ($r=0,531$; $p=0,04$), с количеством ошибок при выполнении теста «Расстановка чисел» ($r=-0,525$; $p=0,048$), со шкалами ММРІ: демонстративность ($r=-0,627$; $p=0,035$), самоконтроль ($r=0,603$; $p=0,03$), эмоциональная лабильность ($r=0,516$; $p=0,04$), импульсивность ($r=-0,523$; $p=0,031$), подозрительность ($r=-0,574$; $p=0,044$), индивидуалистичность ($r=-0,564$; $p=0,041$). Вместе с тем выявлена прямая интеркорреля-

ция академической успеваемости с амплитудой доминирующего ритма ЭЭГ ($r=0,675$; $p=0,033$).

Таким образом, исследование психофизиологического статуса студентов показало преобладание на начальном этапе обучения лиц с неудовлетворительным личностным профилем, сниженной умственной работоспособностью по показателям общей психической продуктивности и сенсомоторной координации, признаками утомления зрительного анализатора и нестабильностью нейродинамических процессов. Специфика образовательного процесса медицинского вуза и влияние стресс-факторов во время обучения совершенствуют механизмы психосоциальной адаптации, что проявляется в увеличении к концу срока обучения количества студентов с удовлетворительным личностным профилем. У студентов отмечается положительная направленность структурно-динамических характеристик личности, повышение параметров умственной работоспособности, а также повышение амплитуды доминирующего ритма ЭЭГ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брагина, К. Р. Тревожная и депрессивная симптоматика в рамках невротических адаптивных расстройств у студентов-медиков на различных этапах обучения / К. Р. Брагина // Вісник Вінницького державного медичного університету. – 2003. – № 2/2 (7). – С. 849–851.
2. Вейн, А. М. Стресс, депрессия и психосоматические заболевания / А. М. Вейн, О. В. Воробьева, Г. М. Дюкова. – М.: Servier, 2004. – 240 с.
3. Коновалова, Г. М. Адаптация современной молодежи к условиям обучения в высшей школе: физиологический аспект / Г. М. Коновалова, Г. А. Севрюкова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 81–89.
4. Приложение к приказу Минобразования РФ от 11 февраля 2002 г. № 393.
5. Севрюкова, Г. А. Проблемы адаптации в системе высшего профессионального образования / Г. А. Севрюкова // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. – 2009. – № 1(29) – С. 20–22.

УДК 378.016:51

*А. А. Ермакова***РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА****Волгоградский государственный технический университет**

E-mail: 261984@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме – реализации компетентностного подхода в высшей профессиональной школе.

Ключевые слова: компетентностный подход, исследовательская задача, методические принципы, математика, процесс обучения в техническом вузе.

*А. А. Ermakova***IMPLEMENTATION OF COMPETENCE APPROACH IN THE COURSE OF TRAINING TO THE MATHEMATICS OF STUDENTS IN TECHNICAL UNIVERSITY****Volgograd State Technical University**

The article is devoted to an urgent problem – the implementation of the competency approach in higher vocational schools.

Keywords: the competency approach, a research problem, methodological principles, mathematics, training in technical university.

Происходящие в современной России общественные и экономические изменения, стремительное обновление знаний в различных областях науки и практики, безусловно, оказывают влияние на систему образования в целом и высшего профессионального образования в частности. Углубление теоретических основ подготовки будущих инженеров становится тенденцией современного образования, все больший акцент делается на практическую значимость теоретических знаний. Речь идет о новом качестве выпускника-инженера, определяющемся не только объемом, количеством знаний, которые он приобрел, но и в первую очередь его способностями к творческому мышлению. На первый план выступает задача подготовки специалиста, компетентного в своей области. Сложившаяся в последние годы в нашей стране образовательная ситуация, признаком которой является кризис знаниевой парадигмы, выявила необходимость перехода к иной методологической основе для решения проблем развития высшего профессионального образования. В качестве приоритетного направления в нашей стране закрепились идея компетентностного подхода.

В основе компетентностного подхода лежат понятия «компетенция» и «компетентность», понимание которых различно в отечественной педагогике. Принято считать, что компетенция – это наперед заданное требование к образовательной подготовке обучающегося, его будущей профессии. Компетентность – мера соответст-

вия этому требованию, степень освоения компетенции, личностная характеристика человека. Различают *ключевые компетенции*, относящиеся к общему содержанию образования, *обще-предметные компетенции*, относящиеся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей, например, естествознанию, и *предметные компетенции*, которые являются частными по отношению к двум предыдущим уровням, имеют конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов. Современные научные исследования в большей степени обращены к проблеме формирования ключевых компетентностей студентов. Согласно А. В. Хуторскому, выделение некоторой совокупности компетенций как ключевых показывает, что они являются ключом, основанием для других более конкретных и предметно-ориентированных компетенций. Однако необходимо констатировать недостаточную разработанность механизмов формирования межпредметных компетентностей в их взаимосвязи с ключевыми и предметными компетентностями. Большим образовательным потенциалом для этого обладают математика, естественно-научные дисциплины и их межпредметная интеграция. Поиск эффективных путей, связанных с разработкой и внедрением компетентностного подхода в процесс обучения математике студентов технического вуза, без сомнения, является актуальной и своевременной проблемой.

На взгляд автора, математика, как никакая другая наука, может внести весомый вклад в реализацию поставленных перед высшей профессиональной школой задач. Математика в техническом вузе является основой всего естественно-научного знания, и система математического образования в вузе должна быть направлена на использование математических знаний при изучении циклов общетехнических и специальных дисциплин. Но сохраняется традиционное противоречие между потребностью в изменении математического образования специалиста в указанном направлении и реальным его состоянием. Нередко приходится сталкиваться с тем, что студенты, владея достаточным запасом математических знаний, не могут использовать их на практике, об этом говорят наблюдения за ходом учебного процесса, беседы с преподавателями и студентами. Отмеченные недостатки обусловлены тем, что формирование математического аппарата в недостаточной степени ориентировано на его дальнейшее использование в профессиональной деятельности студента.

Эффективность общеметодических приемов в реализации потенциала математических дисциплин в условиях компетентностного подхода неоспорима. Так, например, в процессе решения задач студентам задавались вопросы о ходе решения задачи; использовались верные и неверные подсказки, контрпримеры, метод аналогии при решении задач, разбиение задачи на подзадачи, ввод вспомогательных неизвестных, рассмотрение предельных случаев, формулировка более общей задачи; осуществлялось стимулирование высказываний и вопросов студентов. Однако для реализации компетентностного подхода в процессе обучения математике перечисленных общеметодических приемов, по мнению автора, недостаточно, что и обусловило разработку собственных методических путей: *решение исследовательских задач профессионально-прикладной и социогуманитарной направленности; осуществление поэтапного*

конструирования решения задач; разработка и защита мини-проектов; выполнение домашних заданий продуктивного характера. При этом в качестве критериев, определяющих эффективность применения разработанной методики в процессе обучения математике в условиях компетентностного подхода, рассматриваются следующие: *умение решать исследовательские задачи различного типа; умение интерпретировать учебные ситуации в профессиональном контексте; умение осуществлять поэтапное конструирование решения задач; самостоятельная разработка и защита мини-проектов; умение решать домашние задания продуктивного характера.* Эффективность применения разработанных методических путей обеспечивается комплектами задач; совокупностью домашних и контрольных заданий учебно-исследовательского характера; тематикой мини-проектов.

Компетентностный подход в процессе обучения математике требует от преподавателя постоянно пересматривать арсенал методических средств и путей достижения поставленных перед высшей профессиональной школой задач, поэтому проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов рассматриваемой проблемы. К перспективному направлению дальнейших исследований следует отнести конкретизацию методики реализации компетентностного подхода в процессе обучения математике студентов технического вуза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ермакова, А. А. Сущностные характеристики учебно-исследовательской деятельности студентов технического вуза / А. А. Ермакова // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Серия «Педагогические науки». – 2009. – № 9. – С. 77–81.
2. Ермакова, А. А. Формирование учебно-исследовательской деятельности студентов как средства базовой математической подготовки в техническом вузе: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / А. А. Ермакова. – Астрахань, 2010. – 20 с.

УДК 378.016:94
ББК 4481

О. И. Ситникова, И. Н. Наумов

О ЗАДАЧАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: Sitn55@rambler.ru , Naumov1510@yandex.ru

Статья посвящена проблемам преподавания истории в техническом вузе. В ней говорится о необходимости более глубокого изучения российской истории в контексте мировой истории, определяются направления по совершенствованию научно-методической работы.

Ключевые слова: преподавание истории, своеобразие России, мировая история, совершенствование научно-методической работы.

O. I. Sitnikova, I. N. Naumov

ON THE TASKS OF «HISTORY» COURSE TEACHING IN TECHNICAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Volgograd State Technical University

The article is devoted to the problems of teaching history in a technical university. It states the need for a more profound study of Russian history in the context of world history, determines the directions for improvement of the scientific-methodical work.

Keywords: teaching of history, an originality of Russia, world history, perfection of scientifically-methodical work.

Преподавание истории в высшей школе с учетом требований ФГОС нового поколения рождает сегодня ряд проблем. Какую историю нужно преподавать в техническом вузе и как это делать при мизерном количестве часов, выделяемых на изучение истории, – вот два вопроса, прежде всего волнующих вузовских преподавателей истории. И в изданиях СМИ, и в работе научных конференций эти вопросы обсуждались в последнее время достаточно широко. Вопрос о месте исторической науки в современном вузе, в частности, был главным на научно-технической конференции по проблемам изучения истории XX века в высшей школе, которая работала 10–11 ноября 2011 г. в Институте социальных технологий в г. Казани [3].

О том, зачем специалисту любого профиля знать, что было с миром и его страной, сказано немало. Перемены, произошедшие в стране за последние два десятилетия, обострили наше восприятие Родины, вызвали взрывной интерес к истории у профессиональных исследователей, среди деятелей культуры, масс-медиа и рядовых граждан. Поиски ответов на вопросы: кто мы, откуда вышли и куда идем неизбежно приводят нас к обращению к нашей истории. За последние 20 лет по истории издано первоисточников, переиздано серьезных и переведено иностранных трудов, написано академических монографий и публицистических сочинений больше, чем за предыдущие полвека [4]. Ясно, что каждое новое поколение будет открывать

в истории те ее стороны, которые наиболее значимы для его сегодняшнего существования и восприятия мира, и каждое новое государство будет выстраивать собственную непрерывную историческую версию.

К сожалению, гуманитарные предметы занимают все меньше места в подготовке будущего технического специалиста. В федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения вместо дисциплины «Отечественная история» введен базовый курс «История», который начал изучаться в текущем учебном году. На изучение истории по новым ФГОСам отводится 54, 36 и даже 18 аудиторных часов. Можно сколько угодно сожалеть по этому поводу, но правильнее будет задуматься над тем, как в подобных условиях реализовывать цели и задачи, стоящие перед гуманитариями.

Итак, какую же историю следует преподавать сегодня в высшей школе? Отношение к данному вопросу неоднозначно. Как показали проведенные во время работы конференции опросы, многие еще не до конца адаптировались к системе новых федеральных государственных образовательных стандартов. Так, почти половина опрошенных (45 %) затруднились ответить на вопрос о том, изменится ли преподавание истории в вузах. Среди подходов к изучению истории лидировали приверженцы «цивилизационно-культурологического подхода» [3]. В итоговом документе конференции было под-

черкнуто: цель современной исторической дисциплины, включенной в ФГОС ВПО третьего поколения, состоит в том, чтобы сформировать комплексное представление о культурно-историческом своеобразии России, ее месте в европейской и мировой цивилизации [3].

Авторам также представляется правильным глубокое изучение российской истории в контексте мировой истории. Цель курса «История» – помочь студентам выявить основные особенности развития России в мировом историческом процессе. Безусловно, в новых условиях нужно совершенствовать как содержание курса, так и методику преподавания.

Исходя из опыта преподавателей кафедры истории, культуры и социологии ВолгГТУ, можно предложить следующий подход к совершенствованию научно-методической работы. В стране за последние два десятилетия родилось новое краеведение как особое направление исторических занятий просветительского и патриотического направлений. В ВолгГТУ работа с использованием краеведческого материала проводится давно и целенаправленно как в учебном процессе, так и во внеучебной работе, в частности, ежегодно проводятся студенческие краеведческие чтения «Край родной, навек любимый ...». Авторам представляется, что краеведческий компонент следует активно включить в организацию самостоятельной работы студентов. Тематика рефератов для самостоятельной работы должна не менее чем наполовину выстраиваться на основе краеведческого материала, включая такие вопросы, как написание своей родословной, истории своей семьи, малой родины, своего университета. Вторую часть ОРГСРС можно составить из заданий по изучению и реферированию соответствующей исторической литературы, написанной авторитетными историками-профессионалами. Такой подход позволит ослабить массивное бездумное использование студентами рефератов из электронных источников. До 2011 г., когда история изучалась на втором курсе, можно было в ходе полутрагодичной работы хотя бы приблизить студентов к пониманию того, как нужно писать и как должна выглядеть реферативная работа. В настоящий момент первокурсник, с трудом адаптируясь к условиям вузовских требований, скачивает из Интернета готовые рефераты и приносит их как свидетельство якобы самостоятельной работы. Сегодня это явление приобрело уже катастрофиче-

ский для интеллектуального развития студентов характер.

Одна из серьезных проблем современности заключается в том, что в Интернете и в бесчисленном потоке книжной макулатуры, не прошедшей какой-либо серьезной научной редактуре, выдвигаются порой абсолютно завиральные идеи. Другая проблема в том, что мы имеем сегодня дело с поколением, у которого иное сознание, чем у молодых людей 20 лет назад, его можно назвать клиповым сознанием, интернетовским, каким угодно, но оно другое. И у современных молодых людей иное восприятие прошлого. Это надо обязательно учитывать.

Задача вуза – прежде всего научить студентов учиться. Эту задачу можно решать за счет разработки проблемных курсов, за счет использования интерактивных методов преподавания, увеличения доли самостоятельной работы студентов, в рамках которой разработать такие задания, при выполнении которых студентам придется изучать уже не стандартные учебники, но более серьезную (и интересную) литературу. Нельзя сказать, что подобная работа не проводится в настоящее время, но новые программы требуют совершенствования этих направлений. И, как было сказано выше, необходимо обогащение изучения курса «История» в рамках краеведческих исследований, обращения к истории малой родины. Авторы полагают, что сочетание этих подходов может обеспечить серьезную основу построения современного учебного курса «История» в техническом вузе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Историческая память и социальная стратификация. Социо-культурный аспект // Материалы XVII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 16–17 мая 2005 г.: В 2 ч. / под ред. проф. С. Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2005. – Ч. 2. – 343 с.
2. Калинов, В. В. Каким быть курсу «История» в инженерном вузе? / В. В. Калинов, Е. В. Бодрова // Современные образовательные технологии и их использование в системе гуманитарной подготовки инженеров: материалы II Всероссийской научно-методич. конф., 2–3 декабря 2010 г. [Электронный ресурс]. – М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2010. – Режим доступа: fsgn.bmstu.ru/news.doc
3. Климова, Л. В. Казани обсудили место исторической науки в современном вузе / Л. Климова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soob.ru/archive/news/1476>
4. Тишков, В. А. История и историки в современном мире. Выступление на международном «круглом столе» «История, историки и власть». Москва, 2 февраля 2010 [Электронный ресурс] / В. А. Тишков // Мир истории. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://www.historia.ru/2010/01/tishkov.htm>

УДК 374.7
ББК Ч446.17

А. М. Митина, А. В. Карасик

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВТУЗОВ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: amitina@vstu.ru, boyfromstars@hotmail.com

Статья посвящена проблеме повышения эффективности обучения иностранным языкам студентов вузов за счет использования компьютерных технологий. Выявлены и представлены преимущества такого подхода для организации аудиторных занятий по английскому языку и самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам в вузе, компьютерные технологии, повышение эффективности обучения, преимущества компьютерных технологий в обучении иностранным языкам, эффективность самостоятельной работы студентов.

А. М. Mitina, A. V. Karasik

COMPUTER TECHNOLOGIES IN TEACHING ENGLISH TO STUDENTS OF HIGHER TECHNICAL INSTITUTIONS

Volgograd State Technical University

The paper is devoted to the problem of foreign language learning efficiency by means of computer technologies. Advantages of this approach for the organization of English class work and independent student work are found out and presented in the paper.

Keywords: foreign language teaching in higher technical institutions, computer technologies, learning efficiency increasing, advantages of computer technologies in teaching foreign languages, independent student learning efficiency

Владение английским языком является неотъемлемой составляющей профессиональной квалификации любого современного специалиста. Выпускнику технического университета необходимо не только уметь читать и переводить научные и технические тексты по специальности, но и вести устное и письменное общение в профессиональном контексте своей деятельности.

В целях изучения мотивации студентов к изучению английского языка и их предпочтений в использовании методов обучения, и, в частности, компьютерных технологий, было проведено исследование, в котором приняли участие 106 студентов первого и второго курсов факультета электроники и вычислительной техники Волгоградского государственного технического университета. Авторы выбрали студентов именно этого факультета, принимая во внимание, что уровень владения компьютерными технологиями для этих студентов должен быть профессиональным.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов понимают важность свободного владения английским языком в современном мире как языком международного общения. На вопрос анкеты «Согласны ли Вы, что свободное владение англий-

ским языком совершенно необходимо для современного специалиста?» большинство студентов (95 чел., 89,6 %) ответило положительно, отрицательный ответ дали только 7 чел. (6,6 %) и 4 чел. (3,8 %) затруднились с ответом. При этом абсолютное большинство опрошенных студентов, составляющее 103 чел. (97,1 %), осознает личностное значение языковой компетенции и хотело бы свободно владеть английским языком. Отрицательный ответ на этот вопрос составил только 1 % и затруднились ответить 1,9 %.

Несмотря на осознание важности владения английским языком, самооценка в отношении текущего уровня владения оказалась недостаточно высокой. Студентам было предложено оценить свой уровень английского языка, поставив от 1 до 10 баллов (свободное владение). Проценты ответов распределились следующим образом: менее 5 баллов – 2,8 %, от 5 до 7 баллов – 89,6 %, от 8 до 9 баллов – 7,6 %, 10 баллов – 0 %. То есть большая часть студентов оценивает свой уровень владения английским языком как средний или немного выше среднего. Наивысший балл, выражающий свободное владение английским языком, не поставил себе ни один студент. Для студентов первого и второго курсов, с учетом недостаточного количе-

ства аудиторных часов, отводимых на иностранный язык, такие ответы представляются вполне естественными и не пессимистичными. В то же время они требуют повышения внимания к проблемам повышения эффективности обучения иностранным языкам.

Итак, студенты факультета электроники и вычислительной техники осознают необходимость свободного владения английским языком и констатируют его недостаточный на сегодняшний день уровень. Как же помочь им в наиболее эффективной реализации этой важной потребности? Одним из решений является использование компьютеров. По мнению авторов, обучение с помощью компьютерных технологий может значительно ускорить овладение иностранным языком, а процесс обучения сделать более интересным и мотивированным.

В последнее время появилось много отечественных и зарубежных публикаций, в которых рассматриваются различные вопросы повышения эффективности овладения иностранными языками за счет использования компьютерных технологий [1–4 и др.]. Как свидетельствует опыт многих авторов, компьютерные технологии позволяют прежде всего индивидуализировать обучение, сделать его личностным и адресным, что обычно довольно затруднительно при обучении иностранным языкам в больших группах без использования компьютера. Возможности использования компьютеров в обучении весьма вариативны – от превращения компьютера в панацею и исключительное средство в овладении иностранным языком до их умеренного, то есть частичного использования в сочетании с другими технологиями и средствами обучения.

В случае невозможности личного контакта с преподавателем при дистанционном обучении компьютерные технологии становятся практически единственной реальной возможностью в овладении иностранными языками. В настоящее время скайп и другие интернет-технологии обеспечивают и личный контакт с преподавателем. Однако его качество отличается от непосредственных учебных встреч с преподавателем. И все же в ряде ситуаций, при дистанцированности учащегося от учебного заведения, они являются единственной возможностью визуального учебного контакта и все более широко используются в обучении, особенно в деловом мире.

В учебной аудитории вуза также возможны различные способы использования компьютер-

ных технологий. Компьютеры могут быть исключительным, главным и вспомогательным средством обучения на занятиях. В первом случае весь учебный процесс по иностранному языку осуществляется с помощью компьютерных технологий. Такой подход особенно полезен при контроле знаний студентов. Так, например, могут проводиться тестовые проверки достигнутого уровня владения иностранным языком. Во втором и третьем случаях компьютеры используются частично в сочетании с другими методами обучения.

Второй и третий типы представляют смешанное обучение («blended learning»), в котором использование компьютерных технологий сочетается с другими методами обучения. В условиях обучения в вузе могут успешно использоваться все три вида обучения, но преобладающим является смешанное обучение, дающее возможность проведения комплексного многофункционального занятия, реализующего несколько учебных целей.

Включение компьютерных технологий в процесс обучения иностранным языкам неизменно вызывает интерес и позитивно оценивается большинством студентов. Так, на вопрос анкеты «Считаете ли Вы, что применение компьютерных технологий повышает эффективность усвоения английского языка?» 79 чел. (74,5 %) ответили утвердительно. Отрицательный ответ дали 11 человек, что составляет 10,4 % и затруднились ответить 16 чел. (15,1 %). При выборе ответа на вопрос «Какие занятия по английскому языку Вы считаете максимально эффективными: 1) когда все занятие строится на применении компьютерных обучающих программ; 2) без применения компьютерных технологий; 3) когда использование компьютерных программ сочетается с другими формами работы (работа с видео, аудио, учебником и т. п.)» большинство студентов (84 чел., 79,2 %) выбрало третью позицию, то есть смешанный вид обучения как наиболее эффективный. Мнение об исключительности компьютерных обучающих программ в овладении английским языком разделили 12 чел. (11,3 %) и отсутствие желания использовать компьютерные технологии высказали 10 чел., что составляет меньшинство – 9,5 %.

Опыт использования смешанного обучения с применением компьютерных технологий позволил выявить ряд преимуществ в усвоении английского языка в сравнении с традиционными методами обучения:

- возможность индивидуализации темпа усвоения материала;
- оперативное выяснение проблемных зон в знаниях и навыках использования английского языка и их успешное преодоление;
- более быстрая обратная связь с преподавателем во время занятий с возможностью отследить прогресс каждого студента;
- быстрая самопроверка за счет наличия в предлагаемых компьютерных заданиях «ключей» (правильных ответов);
- оптимизация самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя;
- активизация мыслительных процессов;
- повышение мотивации к изучению иностранных языков.

Большое значение имеет использование компьютерных технологий для оптимизации самостоятельной работы студентов, в том числе при подготовке к занятиям. Опыт показывает, что качество выполнения самостоятельной работы дома с использованием компьютера повышается, поскольку появляется возможность незамедлительной самопроверки и коррекции знаний студентов за счет соответствующих справочных источников, обычно прилагаемых к компьютерным программам. Особенно это заметно, если учебная деятельность с использованием компьютеров практикуется и на аудиторных занятиях с преподавателем, а домашние задания являются ее органичным продолжением. Следует отметить и необходимость регу-

лярности в использовании компьютеров при обучении иностранным языкам для достижения наилучших результатов.

Таким образом, проведенное исследование и опытная работа со студентами факультета электроники и вычислительной техники ВолгГТУ позволяют сделать вывод о важности использования компьютерных технологий при обучении иностранному языку как дополнительному учебному ресурсу повышения эффективности обучения и мотивации изучения иностранных языков студентами втузов. И хотя исследование проведено на примере обучения английскому языку, авторы полагают его релевантным и в отношении овладения другими иностранными языками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андреева, О. А.* Изучение иностранных языков с использованием компьютерных технологий / О. А. Андреева. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/419719/>
2. *Карамышева, Т. В.* Изучение иностранных языков с помощью компьютера: В вопросах и ответах / Т. В. Карамышева. – М.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2001 г.
3. *Uschi, F.* Teaching languages online: Deconstructing the myths / F. Uschi // Australian Journal of Educational Technology. – 2003. – № 19(1). – P. 118–138. – Режим доступа: <http://www.ascilite.org.au/ajet/ajet19/felix.html>
4. *Davies, G.* CALL (computer assisted language learning) / G. Davies. – Режим доступа: <http://www.llas.ac.uk/resources/gpg/61>

УДК 811.161.2'271
ББК Ш 141.2–7

Л. Ф. Белякова

ЯЗЫК СМИ И АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ ОШИБОК В УНИВЕРСИТЕТСКОМ КУРСЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

Волгоградский государственный технический университет

E-mail: cars@vstu.ru

Акцентологические ошибки в языке средств массовой информации рассматриваются как источник языковой рефлексии в курсе культуры речи для инженерных специальностей.

Ключевые слова: медиатекст, языковые ошибки, культура речи.

L. F. Belyakova

MASS MEDIA LANGUAGE AND THE SPEECH MISTAKES ANALYSIS IN THE UNIVERSITY COURSE «THE CULTURE OF SPEECH»

Volgograd State Technical University

The aim of the article is to point out a lot of word stress mistakes in mass media texts and the significance of their analysis in systematic forming of a linguistic personality.

Keywords: media text, speech mistakes, culture of speech.

Повседневное совершенствование собственной речевой практики должно стать потребностью университетски образованного человека. Одной из задач курса культуры речи является коррективная орфоэпическая практика – автоматизация правильного произношения слов и их форм (ведь «по одежке встречают»).

Анализ речевых ошибок, источником которых, к сожалению, в последние десятилетия все чаще становятся средства массовой информации, помогает сформировать полезный навык лингвистической рефлексии [1].

Теоретическое знакомство с нормативным произношением, обращение к словарным и справочным материалам [2, 3] должно быть обязательно дополнено наблюдением над живой речью, выявляющим системность и окказиональность речевых ошибок. В статье анализируется часть примеров, собиравшихся автором преимущественно в методических целях в течение прошедшего десятилетия и являвшихся предметом обсуждения на практических и лекционных занятиях по культуре речи.

Болевыми точками речевого портрета младших и старших современников являются, как известно, акцентологические ошибки. Ошибки в ударении в многосложных словах, общеупотребительных и экзотических, собственно русских и заимствованных «бросаются в уши»: достаточно минут на сорок присесть перед телевизором или в течение получаса послушать новостные передачи по радио (по любому каналу на всех возможных частотах), чтобы обнаружить ненормативные языковые формы. На «Эхе Москвы» удивляются хитроумию олигарха, собирающегося защитить свою новую яхту от папарацци **бронированной** обшивкой вместо **бронированной** (28 февраля 2010 г.). На «Радио России – Волгоград» выражают озабоченность тем, что еще много зерна хранится **на токах** (21 марта 2010 г.). В фильме «Плесень» (премьера которого на первом канале состоялась 1 февраля 2009 г.), где это слово, его формы и производные является ключевыми, ударение в слове **заплесневелый** последовательно делалось на четвертом слоге (авторский текст озвучивал известный артист). Депутат Областной думы, произнося слово **намерение**, делает ударение на третьем слоге вместо второго (Муниципальное радио, 20 января 2010 г.), телеведущий канала «Культура» 13 апреля 2010 г. сообщает, что «о своем **премировании**» (вместо **премирования**) по телефо-

ну». «Они рядятся **в тогу** защитников ислама», – сказал депутат Госдумы, выступая по «Радио России» (23 октября 1999 г.). Работники правоохранительных органов продолжают бороться за терминологичность ударения на втором слоге в слове **осужден**: **осужден** к трем годам лишения свободы» (Муниципальное радио, 22 января 2010 г.).

Возвращение религиозного контекста в повседневность парадоксальным образом дало новую жизнь старым словам, но преимущественно с неправильным ударением. Так, в хорошем фильме Аркадия Мамонтова «Новый Иерусалим» (1 канал, 2 апреля 2010 г.) в авторском тексте звучат **догматы** вместо **догмата**, **послушник** вместо **послушника**, **знамение** вместо **знамения**. Здесь же, заметим попутно (грамматические ошибки не являются предметом нашей статьи, но в языке все связано), неверно употреблена словоформа **церквями**, а не **церквами**, в отличие от искусствоведа Алексея Парина, который говорит **о церквах** в сюжете о Пасхальном фестивале («И музыка, и слово», «Орфей», 11 апреля 2010 г.). Хотелось бы, чтобы скорбь «объединила людей разных взглядов и **вероисповеданий**, а не **вероисповеданий**» («Вести» на «Радио России» 12 апреля 2010 г.). В рекламном рассказе о турах по Израилю, конечно, постоянно говорится о Тайной **вечере** вместо **вечери** («Эхо Москвы», 5 июня 2010 г.). В слове **иконопись** (нормативное ударение на первом слоге) ошибается иногда даже М. Швыдкой («Россия-К», «Культурная революция», 28 января 2010 г.), искусствовед по образованию.

Грустно становится, когда досадные ляпы встречаются в образцовом чтении классических произведений известными артистами. Так, в первых строчках повести В. Набокова «Машенька» (Цикл «Литературные чтения «Радио России», 3 января 2005 г.) делается сразу две орфоэпические ошибки (вторая не связана с ударением): в пресловутой **вечере** (слово входит в название картины: «литографированная «Тайная вечеря») и в глагольной форме **поблекли** (читается «по писаному» вместо **поблекли**). Досадно, когда ошибки в ударении портят текст эрудированных ведущих. Так, рассказывая о новом мультфильме, кинообозреватель «Радио России», назвал противников ирландцев **норманнами** вместо **норманнов** «Взлетная полоса», 19 мая 2010 г.).

С другой стороны, иные чувства вызывает апломб (если не сказать снобизм) некоторых

радиогостей. В одной из передач Петра Алешковского о книгах выступала редактор издательства «Азбука» и на комплимент об оформлении серийной обложки сказала: «Петербургский вкус», сама же трижды ошиблась в ударениях (пусть два с половиной, если не очень придираются к последнему слову) в трехминутном анонсе: *премИ рованный* вместо правильного *премирОванный*, *ростОвщик* вместо правильного *ростовщИк*, *мАстерски* вместо нормативного *мастерскИ* («Радио России», 2 июля 2009 г.). В связи с этим вспоминается цитата обозревателя газеты «Культура» Георгия Осипова из заметки о выставке «Деньги – Пушкин – деньги» в Музее Пушкина: «Но, как однажды сказал один питерский гид, *«придворнАя* жизнь была Пушкину не по *средствАм*» («Культура», 15 октября 2009 г.).

Точно так же в одной из передач местного радио автор материала, желая похвалить своего героя, избрал сомнительный прием противопоставления среды и личности, закончив вульгарным ляпом: «Родившись в семье военного (в значении уступки – «несмотря на то, что ...»), он был человек чуткий, интеллигентный, *воспринЯл ...* (3 апреля 2005)». Что *воспринЯл*, а не *воспрИнял* герой, в дальнейшем изложении многим уже неинтересно.

Наконец, некоторые ошибки говорят об оскудении культурной памяти. «Вести» на «Радио России» обычно заканчиваются спортивным обзором, в одном из которых комментатор назвала спортсменку Екатериной *Строгáновой*. Не столь важно, идет ли ошибка в ударении такой культурно значимой фамилии от комментатора или от самой спортсменки. Неравнодушными к отечественной истории и культуре людьми это воспринимается как пропажа прецедентной фамилии, и прецедентного культурного текста, и культурного контекста.

Долгое время на разных радиостанциях включается в ротацию сейчас уже ретрошлягер «Поздний вечер в Сорренто нас погодой *не балУет*, вот и кончилось лето. До свидания, Италия». Рифма, конечно, не бог весть, но поддерживает ошибочное ударение в глагольной форме *не балУет*. В этом русле большое значение для подростков – сейчас уже студентов первого и второго курсов – имела песенка популярной группы «БиС» с незамысловатыми словами, повторяющимися десятки раз: «Катя, возьми телефон, это он ... *звонИт ... звонИт ... звонИт ...*». Общеизвестно, что «Гимн демокра-

тической молодежи мира» В. Мурадели на слова Л. Ошанина в течение нескольких дней (в исторической перспективе – мгновенно) отучил поколение дедов (конец 1940-х – начало 1950-х) ставить неправильное ударение в слове *молодежь*.

Вкраплению поптекста (что тоже предмет отдельно рассмотрения, ибо на ряде радиостанций только такие тексты и представлены) можно сопоставить слова шуточного рэпа в исполнении Е. Гусевой в «Новогодней ночи на канале «Культура» с Олегом Меньшиковым»: «Где она училась? Ну, не в Гарварде точно, она сказала *звОнит* 12 раз подряд. Пусть скажет еще раз, и я на лбу ей выжгу: «ЗвонЯт, звонЯт, звонЯт!» (31 декабря – 1 января 2005 г.).

Ударение – автоматизированный компонент речевого действия, и именно поэтому мы встречаемся с тем, что собеседники последовательно произносят ключевые (и, следовательно, часто повторяющиеся) слова с разным ударением. В разговоре о недвижимости по областному радио корреспондент последовательно говорил *договОры, договОрах*», а приглашенный специалист так же последовательно – *договорА и договорАх* (3 апреля 2005 г.).

Примеры можно множить. К каким выводам, однако, приходят студенты инженерных специальностей, знакомясь с приведенными и аналогичными языковыми фактами? Прежде всего они вырабатывают исторический взгляд на современную речевую практику, осознают устойчивость языковой системы, обеспечивающей возможность свободной коммуникации одновременно живущих поколений (а также и понимание текстов, написанных много десятилетий и столетий назад, но письменный текст не является предметом настоящего анализа). Так, сопоставление словарных статей, посвященных слову «ЗАПЛЕСНЕВЕЛЫЙ», в двух авторитетных орфоэпических словарях 1983 и 2008 годов [5, 6], разделенных четвертью века, выявляет одинаковое соотношение произносительных вариантов: основным литературным вариантом является *заплЕсневелый*, а допустимым разговорным – *заплесневЕлый*. Чем объяснить выбор второго варианта для озвучивания текста научно-популярного фильма? Видимо, тем, рискуем предположить, что большинство зрителей, если употребляет это слово, предпочитает именно этот вариант. Нормативное собственно литературное произношение на некоторое время отвлекло бы часть аудитории

от содержания, спровоцировав микросбой в коммуникации. Таким образом, студенты подходят к пониманию движения нормы: существования старшей (поколенческой) и младшей норм, возможности постепенной архаизации и исчезновения первого варианта из актуальной речевой практики. Постепенное изменение нормы демонстрируют и пометы в статьях, посвященных слову «МАСТЕРСКИ». Если в словаре 1983 г. произношение с ударением на первый слог запрещено строгой пометой *не рек!* (то есть «не рекомендуется»), то в 2008 г. это произношение считается допустимым (но не строго нормативным литературным вариантом).

Сопоставление значений слов *бронирОванный* и *бронИрованный* выявляет языковую тенденцию связывать варьирование формы (даже минимальное) с варьированием или изменением значения, специализацией сферы употребления. Последовательное проведение этой тенденции в речевой практике (не всегда осознаваемое) приводит к устойчивым речевым ошибкам, представленным в данном материале стремлением (часто даже формулируемым профессиональными юристами) отграничить общелитературную причастную форму *осужден* от якобы профессионального употребления с ударением на втором слоге.

Большое количество устойчивых ошибок в произношении лексики, связанной с религиозным культом, необязательно в религиозном контексте, предупреждает о возможном и быстром оскудении культурной памяти, об «усыхании» словаря (в пределах одного-двух поколений), если уходят тексты (в самом широком смысле), обслуживавшие сферу деятельности, которая потеряла (на время или навсегда) общественную значимость.

Анализируя ошибки конкретных людей в связи с их профессиональной деятельностью и статусом, студенты начинают понимать, что, казалось бы, незаметный перенос ударения со слога на слог заметно ухудшает впечатление от личности и порождает сомнения в достоверности высказывания.

Несомненно, ошибки в произношении слов, редко употребляемых в повседневной речи, вполне объяснимы: человек движется от незнания к знанию, осваивая форму слова в соединении с его значением, преодолевая агномию [4]. Однако полужнание, выставленное на пуб-

личное обозрение, как в случае с ударением в словоформе *тОгу*, понижает уровень серьезности обсуждения, порождает сомнения в компетентности говорящего.

Депутат в приведенном примере опросторечил слово *тОга*, перенеся ударение на его окончание. Обратный эффект книжного, неличного знакомства с тем, что является предметом репортажа, порождается переносом на первый слог ударения в словоформе *на токах*. Возникает сомнение, бывали ли корреспонденты вообще в деревне и знают ли, что происходит на токах.

Таким образом, непрерывно предъявляемые и воспринимаемые аудиотексты (в самом широком смысле, вплоть до отдельных высказываний, реплик в беседах и интервью и аналог.), могут, а иногда должны стать материалом для размышления над собственной речевой практикой, для осознания нормы на фоне отклонений, для понимания охранительной функции нормы для литературного языка и шире русскоязычного этноса, особенно в условиях меняющейся языковой ситуации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Белякова, Л. Ф.* Язык повседневного общения как объект рефлексии студенческого поколения двадцатилетних / Л. Ф. Белякова // Материалы III Международного научного конгресса «Наука, искусство, образование в III тысячелетии», Волгоград, 7–8 апреля 2004 г. – Волгоград: ВолГУ, – С. 336–340.
2. *Сидорова, Т. Л.* Речевая культура молодых преподавателей в техническом вузе / Т. Л. Сидорова // Теоретический и прикладной аспекты преподавания русского языка в техническом вузе: сб. материалов междунар. научно-практич. конф. (февраль 2011 г.) / под ред. С. Н. Белухиной. – М.: Московский государственный строительный университет, 2011. – С. 241–245.
3. *Сидорова, Т. Л.* Интеллектуальный инженер. Культура устной и письменной речи / Т. Л. Сидорова; под ред. Л. Ф. Беляковой. – 3-е изд., исправ. и доп. – Волгоград: ИУНЛ ВолгГТУ, 2010. – 59 с.
4. *Белякова, Л. Ф.* Формирование тезауруса выпускника технического вуза / Л. Ф. Белякова // Известия ВолгГТУ: межвуз. сб. науч. ст. № 4 (13) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2005. – С. 82–84.
5. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.
6. *Иванова, Т. Ф.* Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / Т. Ф. Иванова. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – XIV, 893 с.

УДК 378
ББК 74.202.4

Л. А. Сафина

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ОБЛАСТИ ДИЗАЙНА

Казанский национальный исследовательский технологический университет

E-mail: lsafina@mail.ru

В статье приведены результаты научно-практической деятельности, направленной на повышение эффективности процесса обучения дизайнеров. Выделены психолого-педагогические условия, которые позволяют развить у обучаемых творческий стиль деятельности как основной компонент профессиональной компетенции дизайнера.

Ключевые слова: дизайнер, дизайн-образование, творчество, творческий стиль деятельности.

L. A. Safina

PSYCHO-PEDAGOGICAL CONDITIONS OF CREATIVE STYLE OF DESIGNERS IN THE ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

Kazan National Research Technological University

The article presents result of the scientific and practical activities aimed to improving of efficiency of designers training in terms of additional professional education; determinates pedagogicheskie psychological conditions which allow to develop a creative style of work as the main component of professional competence of the designer.

Keywords: designer, design-education, creativity, creative style of work, additional professional education.

Обучение промышленному дизайну, в отличие от профессиональной подготовки юристов, врачей и архитекторов, не имеет общепринятой методики. В большинстве западных учебных заведениях высоко ценят практическую подготовку, опираясь на принципы ЕИД – стимулирование творчества студентов, использование современных технологий, актуальной информации, привлечение студентов к проектной работе.

Обоснование специфических целей дизайн-обучения должно основываться на глубоком изучении дизайна как профессиональной деятельности. Именно специфика профессиональной деятельности должна оказывать влияние на выбор содержания и определение условий процесса обучения.

Основной задачей деятельности дизайнера является создание нового в предметной среде, окружающей человека (одежда, здания, машины, интерьер и т. д.). Порождение нечто качественно нового, отличающегося неповторимостью, оригинальностью – это проявления творчества. Следовательно, основной характеристикой компетентности дизайнера как специалиста считается творческий подход к решению профессиональных задач, дизайнер должен обладать творческим стилем деятельности [1].

При поиске решения проблемы развития творческого стиля деятельности будущих дизайнеров было установлено, что основой для

организации дизайн-образования должно являться создание оптимальных условий для саморазвития личности. Анализ теории и практики творческой деятельности дизайнера позволил заключить, что дизайн-обучение должно ориентироваться на ключевые компоненты творческого стиля деятельности и создавать определенные условия для их формирования.

В ходе педагогического исследования в области дизайн-образования на базе Казанского государственного технологического университета были выделены *психолого-педагогические условия*, которые позволяют повышать эффективность образовательного процесса, направленного на саморазвитие личности обучаемых и формирование у них творческого стиля деятельности как главного компонента профессиональной компетенции дизайнера.

Итак, для формирования творческого стиля необходима *направленность образовательного процесса, его содержания, форм организации, методов обучения на саморазвитие обучающихся, реализацию их творческого потенциала и формирование творческого стиля деятельности.*

Формирование творческого стиля деятельности дизайнера возможно при организации процесса обучения как творческого, следовательно, необходимо использовать образовательные технологии, удовлетворяющие данное требование. К таким технологиям относятся технологии проблемного, активного и разви-

вающего обучения (ТАО), которые опираются не только на процессы восприятия, памяти, внимания, а прежде всего на творческое, продуктивное мышление, поведение, общение [2].

Важное значение имеет *формирование содержания обучения как гибкой, открытой, вариативной системы, имеющей блочно-модульную структуру, отражающую логику формирования творческого стиля деятельности и позволяющую учитывать образовательные потребности и возможности взрослых обучающихся, их профессиональный опыт и возрастные особенности.*

Данное условие обусловлено тем, что требования к психолого-педагогическим условиям формирования творческого стиля деятельности будущих дизайнеров состоят, главным образом, в необходимости такой организации обучения, которая отличалась бы гибкостью и адаптивностью к индивидуальным потребностям и возможностям взрослых обучающихся, предоставляла им самостоятельно определять свою «образовательную траекторию» [3].

Следующее психолого-педагогическое условие формирования творческого стиля деятельности дизайнера в системе дополнительного профессионального образования сформулировано так: *организация обучения на основе индивидуального подхода к обучаемым и их самодиагностики, позволяющей развивать способности к рефлексии, самооценке и осознанно выбирать собственную траекторию обучения и формирования творческого стиля деятельности.*

Практика проведения дизайн-обучения дает автору возможность утверждать, что *результат обучения индивидуален для каждого обучаемого.* Традиционные образовательные установки требуют от педагогов определять уровень обученности по заранее установленным пределам, однако это всегда вызывает сложности при обучении творческим специальностям. Целесообразнее говорить лишь об индивидуальном приращении в развитии творческого стиля деятельности каждого обучаемого, то есть сравнивать его с самим собой.

Для формирования творческого стиля деятельности дизайнера необходимо также *использование текущего психологического сопровождения процесса обучения, реализующего диагностирующую (определение индивидуальных особенностей личности обучающегося, выявление барьеров к выполнению творческой деятельности); коррекционную (преодоление барьеров*

и затруднений в развитии творческого стиля деятельности); реабилитационную (восстановление уверенности в своих творческих способностях, создание ситуации успеха); развивающую (выращивание творческих способностей путем использования средств арт-терапии) функции.

Для будущих дизайнеров важна прежде всего индивидуальность, способность выразить ее через присущие именно им стилистические черты. Известный педагог и художник Волков говорил: «Художником можно назвать лишь того, кто окрашивает творчество своими чувствами». Самовыражение и самопознание – важные условия протекания творческого процесса [4]. Психология – это не только дисциплина, входящая в состав содержания профессиональной подготовки дизайнеров отдельным модулем, но и основное условие протекания педагогического процесса, направленного на формирование творческого стиля деятельности.

Важное значение имеет *реализация преподавателями системы дополнительного профессионального образования творческого стиля своей профессионально-педагогической деятельности, способствующего выявлению и развитию творческого потенциала обучаемых в соответствии с их возможностями и потребностями.*

Эффективность обучения во все времена зависела от личности педагога и его профессионального мастерства. Преподаватель должен быть творческой личностью (без данного качества невозможно организовать творческий процесс обучения, а тем более учить творчеству); обладать демократичным стилем общения (так как обучаются взрослые) и способностью понимать эмоциональный мир обучаемых, то есть к эмпатии.

Реализация предложенных психолого-педагогических условий в процессе образования дизайнеров позволяет:

– ориентировать образовательный процесс на саморазвитие обучаемых, являющееся движущей силой их успешной профессиональной карьеры, путем использования содержания, форм организации, методов обучения, соответствующих дизайнерским методам познания;

– учитывать образовательные потребности и возможности обучаемых, их профессиональный опыт и личностные характеристики, что повышает их активность в процессе обучения и, в конечном счете, повышает эффективность

образовательного процесса, путем формирования содержания обучения на основе блочно-модульной структуры;

– развивать способности обучаемых к рефлексии и самооценке, являющиеся условием повышения их профессиональной компетентности и профессионального развития на основе использования самодиагностики результатов обучения;

– выявлять, корректировать и стимулировать развитие профессионально-значимых качеств личности, включать обучаемых в управление этим процессом посредством введения в курс дизайн-обучения программы психологической коррекции;

– провести профессиональный отбор педагогов высшего образования в соответствии с требованиями к творческому стилю их образовательной деятельности.

Практика показала, что предлагаемая сис-

тема психолого-педагогических условий, заложенная в основу организации дизайн-образования, позволяет формировать творческий стиль деятельности как основной компонент профессиональной компетенции дизайнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сидоренко, В. Ф. Дизайнерские методы познания / В. Ф. Сидоренко // Дизайн в общеобразовательной системе. – М.: ВНИИТЭ, 2000. – С. 148–156.
2. Тухбатуллина, Л. М. Педагогические условия использования проектного обучения в процессе профессиональной подготовки специалистов полимерного профиля / Л. М. Тухбатуллина, Л. А. Сафина // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 17. – С. 247–249.
3. Кирсанов, А. А. Развитие творческой активности учащихся в педагогическом процессе / А. А. Кирсанов. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1993. – 224 с.
4. Посталюк, Н.Ю. Проявление творческого стиля деятельности на уровне субъекта творчества / Н. Ю. Посталюк // Профессиональное образование. Казанский педагогический журнал. – 1996. – № 2. – С. 33–45.

УДК 378.14

О. В. Ситникова

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОВЛАДЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВОМ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ставропольский государственный педагогический институт

E-mail: sitnikova.oksana@mail.ru

В статье актуализируется одна из проблем современного музыкального профессионального образования – инструментальное исполнительство как необходимой профессиональной компетенции специалиста в области музыкально-педагогической деятельности.

Ключевые слова: инструментальное исполнительство, классическое и педагогическое музыкальное образование, профессиональные компетенции, алгоритм реализации образовательных позиций.

О. V. Sitnikova

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR MASTERING TOOL PERFORMANCE BY THE STUDENTS IN THE SYSTEM OF SPECIALISTS TRAINING IN THE FIELD OF MUSICAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITY

Stavropol State Pedagogical Institute

One of the problems of modern musical professional training is actualized. Tool performance is considered as a necessary professional competence of the expert in the field of musical and pedagogical activity.

Keywords: tool performance, classical and pedagogical musical education, professional competence, algorithm of realisation of educational positions.

В современном музыкальном профессиональном образовании существует ряд проблем, касающихся вопросов подготовки к музыкально-педагогической деятельности. Одна из таких проблем – овладение инструментальным исполнительством.

Инструментальное исполнительство как одна из важнейших профессиональных характе-

ристический музыканта предполагает свободное владение навыками игры на инструменте, способность раскрыть художественное содержание исполняемых музыкальных произведений, готовность к самостоятельной практической исполнительской и педагогической деятельности, а также владение навыками разнообразной исполнительской техники (педализация, динами-

ка, агогика и т. д.), владение навыками чтения нот с листа и транспонирование, аккомпанирование, инструментальную импровизацию и многое другое, то есть все те категории, которые образуют компетентностный ряд профессиональной подготовки специалистов в области музыкально-педагогической деятельности.

В то же время инструментальное исполнительство признается специалистами одним из самых трудоемких профессиональных компетенций. Так, по мнению В. И. Петрушина, игра на музыкальном инструменте представляет собой один из сложнейших видов человеческой деятельности, который требует для своей реализации и высокой степени личностное развитие в целом, и отлаженную работу психических процессов и безупречную согласованность тонких физических движений [3].

Многие специалисты в своих исследованиях отмечают приоритет эффективных способов овладения исполнительской техникой и грамматикой музыкального языка, накопления музыкальных знаний, выполнение аналитических процедур и технологических заданий перед педагогической направленностью образовательного процесса в подготовке специалистов в системе **классического** (консерваторского) музыкального образования [4]. Что же касается подготовки специалистов в системе **педагогического** музыкального образования, то технических (исполнительских) аспектов явно не достаточно. Одним из путей решения данного противоречия может стать интеграция, обоюдовыгодное взаимопроникновение двух систем музыкального образования.

Основываясь на личных педагогических наблюдениях за студентами-музыкантами факультета искусств в рамках образовательного процесса педагогического вуза, приходится констатировать факт, что учащиеся стараются избегать любого взаимодействия с обязательным инструментом (в данном случае фортепиано) на всех дисциплинах, где это косвенно необходимо: музыкально-педагогические практикумы, организация внеклассной и внешкольной работы по музыкальному воспитанию, введение в методику музыкального образования и т. д. Мотивацией этого выступает уверенность, что технические средства обучения являются достойной заменой их собственного исполнения.

Анализируя данную проблему, А. Г. Каузова оптимистично считает, что молодые учителя музыки мало отдают предпочтение собствен-

ному исполнению лишь по причине субъективного недооценивания живого исполнения музыкального произведения [2]. Но живое исполнение музыки учителем имеет колоссальную эмоциональную провокацию на раздражительную природу детей, на активизацию мотивационно-ценностной сферы. Особое внимание в музыкально-педагогической деятельности на всех его этапах необходимо уделять формированию мотивации обучения, потому что личностный и профессиональный рост оказывается напрямую связанным с этой психологической величиной.

Анализ трудоустройства и производственной деятельности выпускников педагогических вузов музыкального профиля показывает, что их профессиональная подготовка не в полной мере соответствует требованиям работодателей и условиям современного рынка труда. Выпускники педагогических вузов музыкального профиля, имеющие достаточный объем общих и специальных знаний, зачастую не могут реализовать себя в профессии, в том числе и по причине слабо сформированного умения инструментального исполнительства, а также по причине отсутствия умения применять полученные теоретические знания в практической деятельности и адаптировать их к конкретным условиям производственной ситуации.

В соответствии с Федеральными стандартами третьего поколения необходимо формировать у будущих специалистов широкие базовые компетенции, которые потом могут быть специализированы, профессионализированы в рамках либо магистерской подготовки, либо последующей профессиональной деятельности. Ссылаясь на положения данного стандарта, вуз половину дисциплин образовательного процесса наполняет самостоятельно, исходя из своих представлений, особенностей и предпочтений профессорско-преподавательского состава, из того рынка труда, на который они работают, тех работодателей, с которыми они взаимодействуют. В этом смысле у вузов есть возможность выстроить обучение в соответствии с лучшими образовательными образцами, социальными потребностями и своими возможностями.

Аудитория, для которой музыкальная деятельность является профессией, довольно разнообразная: исполнители (инструменталисты, вокалисты), композиторы, дирижеры, музыковеды, музыкальные педагоги, художественные руководители, музыкальные лекторы, критики,

журналисты и т. д. Таким образом, возникают необходимые предпосылки для формирования максимально эффективной системы подготовки специалистов в области музыкально-педагогической деятельности с учетом узкой и трудоемкой музыкальной специфики. Эффективность данного процесса обусловлена определенным алгоритмом реализации образовательных позиций:

- понимание логики формирования образа будущего специалиста в области музыкально-педагогической деятельности;

- формирование модели образа специалиста завтрашнего дня, призванного решать задачи музыкального образования как неотъемлемой части духовного, нравственного, эстетического становления личности;

- детализация компетентностного ряда;

- выстраивание логики профессиональной подготовки;

- определение последовательности теоретико-методологических и практико-ориентированных дисциплин.

Вышеизложенный алгоритм образовательных позиций – есть результат целенаправленного отбора, конструирования и применения элементов содержания, методов, приемов, технологий, а также организационных форм обучения для достижения образовательной цели. Соответственно, подобный результат рядом исследователей (В. И. Андреев, Н. М. Борытко) трактуется как педагогические условия, позволяющие эффективно выстраивать алгоритм образовательного процесса. При помощи алгоритмов достигается практический результат.

Четкость системы, ее алгоритм, позволяют студенту хорошо усвоить учебный материал в ограниченное время. Система алгоритма упорядочивает множество внутренних и внешних взаимосвязанных и взаимозависящих элементов, что дает возможность свободно решать сложные учебные и профессиональные вопросы. Эта точка зрения берет начало еще в работах К. Д. Ушинского, который считал, что «только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предмета, дает нам полную власть над знаниями» [5]. Используя логично выстроенный алгоритм изучения теоретико-методологических и практико-ориентированных музыкальных дисциплин, вузовская подготовка специалиста-универсала решает основную задачу – формирование специалиста широкого музыкального профиля, владеющего необходимым набором качественно сформиро-

ванных компетенций [1]. Автор считает возможным предложить один из путей решения данной задачи: каждый учебно-методический комплекс теоретико-методологической и практико-ориентированной дисциплины в системе вузовской подготовки специалистов в области музыкально-педагогической деятельности обязательно должен включать в себя формирование системы компетенций с обязательной структурной единицей в этой системе – инструментальным исполнительством. Ибо невозможно говорить о музыке без самой музыки в собственном исполнении. Индивидуальные особенности исполнительского облика несут колоссальный эмоциональный заряд в том случае, если само исполнение в достаточной мере профессионально и содержит глубоко личностное отношение к музыке. Поэтому в процессе специальной исполнительской подготовки специалистов в области профессиональной музыкально-педагогической деятельности должна формироваться установка на собственное исполнение музыки для разнообразной слушательской аудитории. Кроме того, технологические основы подготовки специалиста предполагают расширение рамок и разнообразие целесобразных форм, методов и технологий образовательного процесса музыкально-педагогической направленности для совершенствования исполнительской подготовки специалистов. К ним относятся: чтение простых музыкальных произведений с листа; эскизное и фрагментарное разучивание; параллельное освоение произведений, сложных по содержанию и техническим задачам и более легких для исполнения и более доступных для неподготовленного слушателя; иллюстрирование характерных интонаций оркестровых или оперных партий; составление инструментальных викторин; традиционные и альтернативные инструментальные ансамбли и т. д. При этом совершенно необходимо, чтобы будущие специалисты в области музыкально-педагогической деятельности накапливали весь свой музыкальный репертуар с позиции дидактики, задумываясь о том, когда и при каких условиях данное музыкальное произведение можно было бы качественно и информативно исполнить для аудитории.

Таким образом, взаимосвязь основных компонентов системы музыкальной педагогики выступает благоприятным педагогическим условием овладения студентами инструментальным исполнительством и составляет единый

организм профессиональной подготовки специалистов в области музыкально-педагогической деятельности, функционирующий на основе системного подхода и осуществляющий взаимодействие личности с образованием и образованием с обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». –

Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>

2. Каузова, А. Г. Исполнительская деятельность учителя музыки / Теория музыкального образования // А. Г. Каузова, Э. Б. Абдуллин, Е. В. Николаева. – М.: Академия, 2004.

3. Петрушин, В. И. Музыкальная психология: учеб. пособие для студентов и преподавателей / В. И. Петрушин. – М.: ВЛАДОС, 1997.

4. Сизова, Е. Р. Профессиональная подготовка специалистов в системе классического музыкального образования: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / Е. Р. Сизова. – М., 2008.

5. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения: В 2 т. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1974.

УДК 378
ББК 74.202.4

Л. М. Тухбатуллина

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОЛИМЕРНОГО ПРОФИЛЯ

Казанский национальный исследовательский технологический университет

E-mail: tuleissan@mail.ru

В статье описаны краткие требования, предъявляемые к специалистам полимерного профиля, особенности организации обучения специалистов полимерного профиля в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: полимеры, дополнительное профессиональное образование, организация обучения.

L. M. Toukhatoullina

THE ADDITIVE PROFESSIONAL EDUCATION OF POLYMERIC PROFILE SPECIALISTS

Kazan National Research Technological University

In article described the short requirements to the specialists of a polymeric profile, it's given particularities of the organization of the polymeric profile specialist's studying process in the system of the additive professional education.

Keywords: polymers, the additive professional education, organization of studying process.

Изменяющиеся социально-экономические условия, интенсивное развитие производительных сил, научно-технический прогресс приводят к возрастающей роли специалистов полимерного профиля в современном обществе.

Полимерные продукты затребованы во всех областях жизни современного общества – начиная от медицинских инструментов и заканчивая материалами для строительства. Создание изделий и материалов из полимеров приобретает систематический характер, который обеспечивается широким спектром исследовательских работ, маркетинга, коммуникации с различными группами потребителей, многообразной деятельностью технологических, конструкторских, учетных, финансовых, внешнеторговых, снабженческих, проектных и других служб. В современных условиях инженерная деятельность выходит за традиционные классические рамки и смыкается с исследовательской, научно-технической, а также

с социально-управленческой деятельностью, происходит ее движение в функциональном плане от производственно-технологического моделирования к социально-управленческому.

Таким образом, главной для высшей школы становится задача обеспечить соответствие содержания образования новым перспективам и приоритетам научно-технического, экономического и социального развития [1]. Решить поставленную задачу в состоянии система дополнительного профессионального образования специалистов полимерного профиля.

Во всем мире широкую поддержку получила концепция непрерывного образования, во многих развитых странах наблюдается отход от ориентации подготовки специалистов только в высшей школе. Система дополнительного профессионального образования, более гибкая и результативная, превращается в завершающую ступень профессионального образования [2].

Сравнение высшей школы и дополнительного профессионального образования как ступеней непрерывного профессионального образования показывает, что высшая школа тяготеет к фундаментальной подготовке специалистов, а система дополнительного профессионального образования – к их специализации.

Современные темпы научно-технического развития выдвигают свои требования к специалистам полимерного профиля. Сегодня им приходится решать задачи с недостающими данными и, соответственно, с той или иной степенью неопределенности области поиска. В связи с этим программа дополнительного профессионального образования таких специалистов должна не только содержать информацию о новейших разработках в области полимеров, но и давать практические навыки генерирования новых идей, развития нестандартного подхода в постановке и решении проблем, принятия ответственных решений.

Подготовка специалистов в системе дополнительного профессионального образования происходит в ограниченные сроки, что делает

необходимым разработку и внедрение в практику обучения современных эффективных методов и средств (смещение акцентов с информирования на развитие умения мыслить, анализировать, обобщать, общаться с коллегами; проведение занятий на профильных предприятиях; использование игровых методов; компьютеризация и т. п.). Результаты дополнительного образования, как правило, дают эффект адекватно времени обучения, тогда как обучение в высшей школе направлено на перспективу. Дополнительное образование имеет дело со взрослыми людьми, имеющими устойчивую мотивацию к определенному виду деятельности.

Многие ученые (П. Лангран, Дж. Бернгардин, Дж. Расселл и др.) считают, что будущее образования, если рассматривать его в целом, и его способность к обновлению зависят от развития образования взрослых.

Процесс организации обучения преимущественно взрослых людей в системе дополнительного профессионального образования требует особой организации учебного процесса [3], представленной в таблице.

Особенности организации обучения специалистов полимерного профиля в системе дополнительного профессионального образования

Особенности обучения	Рекомендации по организации обучения
Обучающимся по программам дополнительного профессионального образования необходимо знать, почему они должны учить что-либо	– Учитывать потребности и мотивацию обучающегося; – знать намерения обучающегося, прояснять его цели; – приступать к обучению с интересующих обучающихся проблем; – не обязательно изучать темы в логике построения курса; – демонстрировать передовой опыт в области полимеров, концептуальные разработки и т. д.
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования, как правило, уже обладают жизненным опытом	– Не ограничивать процесс обучения традиционной лекцией; – необходимо использовать опыт обучающихся, вести диалог с тем, чтобы связать новую информацию с их личным опытом
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования имеют стремление к самостоятельности и самореализации	– Представлять возможность занимать ведущее место в обучении; – создать возможность личностного включения в обучение; – учитывать ожидания обучающихся, их возможности и ограничения; – использовать проектное обучение
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования готовы учиться, когда жизненная ситуация создает необходимость	– Помочь правильно сформировать из потребностей цели обучения; – демонстрировать востребованность новой информации и ее возможности
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования имеют разный уровень знаний и умений в профессиональной области	– Использовать личностно-ориентированный подход
Эпизодичность периодов обучения	– Ориентироваться на короткие вспышки учебной активности; – разбить материал на выполнимые разделы
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования имеют конкретные образовательные потребности	– Организовывать содержание обучения по индивидуальной образовательной траектории, включающей интересующие темы

Окончание таблицы

Особенности обучения	Рекомендации по организации обучения
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования стремятся соединить обучение с профессиональной деятельностью	<ul style="list-style-type: none"> – Идти в обучении от профессиональных проблем и опыта обучающегося; – широко использовать деловые игры, моделирование, тренинги; – знать различные стили обучения, развивать у обучающихся навыки обучения
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования, как правило, обладают высокой самоуправляемостью	<ul style="list-style-type: none"> – Благоприятный психологический климат обучения, основанный на взаимном уважении и совместной работе; – частичное делегирование полномочий
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования, как правило, имеют много ограничений в учебе, конкурирующих интересов	<ul style="list-style-type: none"> – Создавать компактные и эффективные циклы обучения; – использовать технологии концентрированного обучения
Обучающиеся по программам дополнительного профессионального образования рассчитывают на немедленное применение результатов обучения	<ul style="list-style-type: none"> – Связывать новый материал с имеющимися знаниями, опытом и реальной практикой; – чаще обращаться к опыту обучающихся; – стремиться активизировать обучение, сделать его исследовательским; – поощрять и подкреплять достижения обучающихся на основе обратной связи; – идти от упрощенных задач к более сложным; – строить целое из частей, отделяя значимое от малозначимого; – для закрепления материала полагаться на понимание, а не на память; – использовать демонстрационные приемы; – разрабатывать в качестве учебных реальные проекты, имеющие шанс на реализацию

Система дополнительного профессионального образования специалистов полимерного профиля способна более точно и гибко по сравнению с традиционной подготовкой удовлетворять потребности общества за счет краткосрочного концентрированного обучения, направленного не только на передачу новых знаний, но и на выработку обучающимися системы переработки информации, профессиональных навыков разработки новых продуктов, активизацию собственного творческого потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кочнев, А. М. Проектирование и реализация подготовки специалистов двойной компетенции в техническом вузе: дисс. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / А. М. Кочнев. – Казань, 1998. – 408 с.
2. Сафина, Л. А. Формирование творческого стиля деятельности дизайнера в системе дополнительного профессионального образования: дисс. ... канд. пед. наук / Л. А. Сафина; науч. рук. Л. И. Гурье; Казанский гос. технолог. ун-т. – Казань, 2004. – 168 с.
3. Тухбатуллина, Л. М. Педагогические условия использования проектного обучения в процессе профессиональной подготовки специалистов полимерного профиля / Л. М. Тухбатуллина, Л. А. Сафина // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 17 – С. 247–249.

УДК 373 (430)
ББК Ч 424(4Г)

В. В. Стельник

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ГЕРМАНИИ

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

E-mail: ViktoriaStelnik@rambler.ru

В статье рассматривается период проведения реформ в системе образования Германии. Анализируются причины возникновения несостоятельности немецкого образования в 1970-е годы. Рассматриваются пути выхода из кризиса, возникшего в системе образования Германии.

Ключевые слова: немецкая школьная система, образовательная политика, Германия, педагогика, критико-конструктивная дидактика, образовательная реформа.

V. V. Stelnik

SOCIAL PEDAGOGIC ASPECTS OF EDUCATION IN GERMANY

Volgograd State Social Pedagogical University

In the article is considered the period of reforming in the system of education in Germany. Also are analyzed the reasons of appearance of flimsiness of German education in 70s years. In the article are considered means of egress out of recession, which was in the system of education in Germany.

Keywords: german school system, educational policy, Germany, pedagogy, critical constructive didactic, educational reform.

Программа международной оценки учащихся выявила несостоятельность немецкой школьной системы, поскольку здесь речь идет о Федеративной Республике Германия и ее 16 автономных землях. Немецкие чиновники проявили большие усилия, чтобы найти причины несостоятельности немецкой образовательной системы. Было проведено множество научных исследований и различных программ, в рамках которых обнаруживались постоянно все новые пробелы в процессе развития образования, которые, с одной стороны, заполнялись эволюционной цепью заданий, с другой стороны, одновременно изобреталась масса всевозможных предложений. Исследователи в образовании и педагоги испытывали огромный интерес к результатам деятельности созданной по этому вопросу комиссии [4].

Образовательная теория и критико-конструктивная дидактика Вольфганга Клафки, впоследствии названная коротко «педагогика Клафки», оказывала и оказывает значительное влияние на образовательную систему, точнее, школьную систему федеральных земель [1].

В. Клафки удался прорыв в рамках курса лекций под названием «Педагогика» по гессенскому радио в 1969–1970 годах. Его педагогика проявила себя в школьных законах, планах и образовательных учебных программах для учителей, всеохватывающе в народном образовании Германии, а также придала современный вид немецкому народному образованию. Она

связана с правильно поставленными задачами, не только реагирующими на общественные отношения и развития, но и судящее и участвующее в образовании [3].

В 1957 году по рекомендации Ериха Венигера Клафки была присуждена ученая степень. Его диссертация под названием «Педагогическая проблема начального обучения и теории категориального образования» в научных кругах была принята с большим вниманием. В 1963 году В. Клафки принял приглашение на должность профессора педагогики в университете Марбурга. В это время он являлся консультантом социал-демократической партии под руководством гессенского земельного управления профсоюза воспитания и науки. В вопросах образования В. Клафки достигает вскоре нового положения, и становится политическим видным деятелем [1].

Он вывел свою критико-конструктивную педагогику по своему высказыванию, из критической педагогики, основанной на критической теории Хоркхаймера, Адорно, Маркузе и Халбермаса, и перевел соответствующе созданную политико-идеологическую терминологию образования, «всеобщее образование».

Педагогика В. Клафки берет свои истоки также из классической гуманитарной педагогики В. Гумбольдта и И. Г. Песталоцци. Он заимствует идеи И. Канта «sapere aude» (решишься быть мудрым); явно придерживается «образовательно-политических воззрений социал-демо-

кратической партии Германии» [2]. Для ученого важен Фридрих Шлермахер, современник В. Гумбольдта и И. Г. Песталоцци, он подписывается настоятельно под всеми мыслями философско-педагогической классики. В. Клафки основывает необходимость радикального перелома в образовательной области, которая требует его педагогика.

В. Клафки направляет при этом фокус педагогических стараний не только на индивидуума, но и сразу на общество, на человечество в целом. Он посвящает свою критико-конструктивную педагогику непременно статусу всемирной педагогики; мечтает о «международном сознании, во всех учебных планах и школах всех государств и общества» [1].

В. Клафки представлял с его глобальным, фундаментальным пониманием образования и всеобщего образования постоянно идеальные аргументы для всех реформ, предполагающих модернизацию немецкого общества под лозунгом: «Вопросы образования это вопросы общества». При этом он полагал, что «следует охранять исторические достижения гражданского общества и вносить изменения в развитие де-

мократического социализма». В федеральных землях, которые в большей или меньшей степени следовали философии В. Клафки, было переформулировано школьное законодательство. Согласно его идеям, были приспособлены школьные планы, переструктурированы и идеологические линии. Критико-конструктивная педагогика В. Клафки – это тип философско-политической педагогики с претензией на общую действенную теорию и пригодную на практике дидактику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Christian Böhm unter Mitarbeit von Birgit Böhm: Evaluation der Pädagogik Wolfgang Klafkis. Vierzig Jahre kritisch-konstruktive Didaktik an Deutschlands Schulen (= Schriftenreihe Studien zur Schulpädagogik; 57), Hamburg 2008, p. 14
2. Gudjons, H. Pädagogisches Grundwissen / H. Gudjons // Bad Heilbrunn: Klinkhardt, 1996. – 235 p.
3. Воробьев, Н. Е. Дидактическая система В. Клафки / Н. Е. Воробьев, О. В. Новакова // Педагогика: научн.-теорет. журнал / под ред. В. П. Борисенкова, А. Я. Данилюк. – 2004. – № 2. – С. 80–84.
4. Джуринский, А. Н. История педагогики: учеб. пособие для студ. педвузов / А. Н. Джуринский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 432 с.

УДК 378.
ББК 74.58

Н. В. Тельтевская

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: teltevskaia@rambler.ru

В статье рассмотрены специфика и педагогические условия развития творческих способностей студентов.
Ключевые слова: творчество, творческая деятельность, творческие способности, педагогические условия.

N. V. Teltevskaia

TO THE PROBLEM OF THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' CREATIVE ABILITY

The article considers specific character and pedagogic conditions of the development of students' creative ability.
Keywords: creative power, creative activity, creative ability, pedagogic conditions.

На современном этапе развития системы высшего образования, когда главной задачей повышение качества профессиональной подготовки выпускников, обеспечивающей их конкурентоспособность на рынке труда, на первый план выдвигается проблема поиска новых подходов к организации учебно-воспитательного процесса, которые способствуют творческому саморазвитию личности, творческому применению знаний в конкретных ситуациях, то есть на-

хождению своего индивидуального, оптимального пути решения различных задач и вопросов.

Для решения поставленной проблемы, которая по своему содержанию многоаспектна, первоначально необходимо определить соотношение понятий: творчество, творческая деятельность и творческие способности.

В философии творчество рассматривается как процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и

духовные ценности. Основываясь на этом методологическом положении, многие исследователи определяют творчество как деятельность человека, создающую новые, имеющие общественную значимость материальные и духовные ценности.

В работах психологов (Б. Г. Ананьев, Д. Б. Богоявленский, П. Я. Гальперин, Л. С. Выготский, Е. Н. Кабанова-Меллер, А. Н. Леонтьев, В. Ф. Паламарчук, Я. А. Пономарев, С. Л. Рубинштейн, Ю. А. Самарин, В. И. Слободчиков, С. Д. Смирнов) творчество отождествляется с творческой деятельностью. Так, у Л. С. Выготского находится высказывание о том, что творчество есть «...такая деятельность, которая создает нечто новое, все равно будет ли это создание творческой деятельностью какой-нибудь вещи внешнего мира или известным построением ума или чувства, живущим и обнаруживающимся в самом человеке» [1, с. 3].

По утверждению психологов Э. В. Безчеревных, А. В. Брушлинский и других, человеческая деятельность по самой своей сущности есть творчество, в результате которого человек находит что-то новое, неизвестное.

Несмотря на существующие различия в раскрытии сущности понятия «творчество», можно проследить определенную общность во взглядах исследователей, касающихся показателей процесса создания нового, содействующего развитию личности.

В педагогической и психологической литературе достаточно часто говорится о проблеме развития творческих способностей. Следует заметить, что способности относятся при этом к наиболее существенным психическим свойствам индивида. Большинство психологов, исследующих проблему способностей, соотносят способности и умения в определенном виде деятельности, и что понятие «способность» исходит из характеристики человека, который выполняет данную деятельность.

Проблеме способностей посвящены работы Б. Г. Ананьева, В. А. Крутецкого, С. Максимова, А. С. Обухова, Я. А. Пономарева, С. Л. Рубинштейна, в которых говорится, что творческие способности можно развивать, а в процессе овладения знаниями о способах исследовательской деятельности и умениями ее осуществления происходит развитие личности в направлении ее подготовки к деятельности на уровне творчества. По утверждению С. Л. Рубинштейна, только через знания и умения формируются способности.

Творческие способности, по мнению Н. Ю. Посталюк, включают в себя: 1) способности к видению проблемы как важнейшее качество, определяющее системность практико-познавательного процесса; 2) оригинальность мышления, раскрывающаяся в способности смотреть на предмет нетрафаретно, увидеть его в новом свете; 3) диалектическое мышление как важнейшая интегральная характеристика творческого стиля деятельности; 4) легкость ассоциирования как способность создавать новые психологические образования; 5) легкость интегрирования идей или способность генерирования идеи; 6) способность к оценочным действиям и критичность мышления, рассматриваемая как строго контролируемое отношение к поступающей информации; 7) способность к широкому переносу знаний [7, с. 75–77].

Развитию творческих способностей способствуют как личностные, так и социальные факторы, которые в образовательном процессе трансформируются в педагогические факторы, связанные прежде всего с организацией учебной деятельности студентов.

Многие исследователи полагают, что творчеству можно обучать. «К акту творчества, – утверждает Я. Скалкова, – способен каждый нормальный человек, это значит, что и каждый ученик в определенной степени может вносить элементы творчества в свою учебную деятельность» [10, с. 56].

Успешная организация процессуальной стороны творчества, как считают А. Ньюэлл, Дж. С. Шоу, Г. А. Саймон, возможна, если:

- продукт мыслительной деятельности обладает новизной и ценностью;
- мыслительный процесс также отличается новизной в том смысле, что требует преобразования или отказа от ранее принятых идей;
- мыслительный процесс характеризуется наличием сильной мотивации и устойчивости, протекая в течение значительного периода времени (постоянно или с перерывами), либо с большой интенсивностью;
- проблема, поставленная первоначально, смутна и плохо определена, так что требуется ее переформулировка [5].

Следовательно, осуществление деятельности в новых условиях требует новых подходов к совершаемым предметным действиям, нахождения новых способов. Из сказанного можно сделать вывод о том, что при создании определенных условий студенты могут включаться в активную творческую деятельность.

Одним из важнейших условий является совершенствование содержания профессиональных знаний, которое должно постоянно приводиться в соответствие с современными достижениями науки и техники, чтобы способствовать формированию профессиональных интересов, склонности и способностей студентов, их намерениям в отношении продолжения образования.

Реализация междисциплинарных связей, выступающих в качестве системообразующего фактора, содействует развитию диалектического мышления посредством осознания обучающимися двойственной природы знаний как результата и метода познания, всеобщей связи явлений и процессов, что способствует успешному применению этих знаний в практике на основе широкого переноса в новые ситуации. В процессе усвоения системных знаний вырабатывается определенное отношение к ним и ценностные ориентации, развиваются познавательные потребности, реализующиеся в активной и самостоятельной познавательной деятельности. Необходимо также предусмотреть включение в содержание учебных дисциплин элементов, требующих от студентов творческого поведения (решение задач и различного рода проблем).

Значимым условием является формирование отбор форм, методов и средств обучения, благодаря которым учебная деятельность приобретает творческий характер, и в ходе которой студент не только усваивает знания и способы их получения, но и сам создает новые знания и приобретает новый опыт, что является лично-значимым и действенным источником развития творческих способностей

Используемые формы, методы и средства обучения должны быть тесно увязаны с познавательной активностью, которая с учетом современных тенденций в образовании проявляется в отношении обучающихся к учению, стремлении проникнуть в сущность явлений и их взаимосвязей и овладению способами деятельности. Сущность познавательной активности В. Г. Рындак понимает как «деятельное состояние личности, которое характеризуется стремлением к учению, умственному напряжению и проявлению волевых усилий в процессе обладания знаниями» [8, с. 63].

В основе творческих способностей, как полагает большинство исследователей, является познавательная самостоятельность, характери-

зующаяся способностью субъекта действовать без посторонней помощи.

Самостоятельная работа, способствуя постепенному преобразованию обучения в самообучение, по сути дела, является средством, детерминирующим изменение отношения субъектов к окружающим явлениям и предметам, что обеспечивает развитию творческих способностей.

Познавательная самостоятельность характеризуется стремлением и умениями обучающихся действовать самостоятельно, что предопределяет необходимость такой организации их деятельности, которая ориентирует на самостоятельное получение новой для них информации. Поэтому познавательную самостоятельность следует рассматривать как качество деятельности, в которой проявляется отношение личности к содержанию, характеру деятельности и стремление к достижению поставленной задачи.

Организация такой деятельности оказывает влияние на развитие личности, «поскольку внешний план действий переходит во внутренний, смысловой план, а развитие психических процессов (интеллектуальных, анемических, эмоционально-волевых), претерпевает экстерриоризацию (переходя из внутреннего плана в последующие предметные действия), включаясь в процессуальные стороны действительности, поднимают действия и деятельность в целом на более высокий уровень» [6, с. 17–18].

Традиционным в вузах является написание рефератов, курсовых и дипломных работ, участие студентов в работе научных кружков, студенческого научного общества, что, безусловно, способствует овладению ими умениями ведения исследовательской работы. В настоящее время получили широкое распространение инновационные формы академических занятий, вызывающих у студента интеллектуальные затруднения, возбуждающих у студентов познавательный интерес и создающих внутренние психологические условия для активного усвоения новых знаний.

Еще одним условием является организация творческого сотрудничества преподавателей и студентов, понимаемое нами как процесс взаимодействия преподавателей и студентов по достижению поставленных задач. В такой деятельности творческий потенциал субъектов образовательного процесса реализуются наиболее полно и достигает качественно нового уровня развития. В. В. Давыдов утверждает,

что «...любая конкретная деятельность субъекта (индивида) осуществляется лишь в системе вполне определенных общественных отношений. Например, трудовая или познавательная деятельность субъекта имеет весьма содержательную историю своего общественного развития и поэтому вне системы производственных и других социальных отношений рассматриваться не может» [3, с. 20].

В исследованиях психологов и педагогов показано, что решающее влияние на становление человека как активного субъекта деятельности оказывают социальные межличностные отношения, в которые включается каждый отдельный индивид, в результате чего осуществляется переход от внешних социальных воздействий к социальным воздействиям внутри личности. «Всякая высшая психическая функция, – писал Л. С. Выготский, – была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией, она была прежде социальным отношением двух людей. Средство воздействия на себя первоначально является средством воздействия на других или средством воздействия других на личность ... Мы могли бы сформулировать общий генетический закон культурного развития в следующем виде: всякая категория в культурном развитии ребенка проявляется дважды, в двух планах, сперва – социальном, потом – психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая» [2, с. 197–198].

Подлинное творческое сотрудничество проявляется в выборе наиболее эффективных вариантов организации педагогического процесса, что способствует развитию творческих способностей каждого из субъектов образовательного процесса. Оценка эффективности организуемого творческого сотрудничества должна осуществляться по результатам усвоенных знаний, умений и навыков и выявлению творческой активности студентов. При этом качественно меняется роль самого преподавателя, который должен способствовать развитию каждой отдельной личности, вводя иную систему отношений в совместной деятельности, в которой отражается интериоризация межличностных социальных связей.

Развитию творческих способностей студентов будет способствовать формирование у них опыта исследовательской деятельности, кото-

рая является способом освоения действительности и средством организации учебного процесса. Известно, что исследование как вид деятельности характеризуется присущим человеку стремлением к познанию, заложенным в нем «инстинктом непрерывного поиска, инстинктом уменьшения неизвестного» [11, с. 274].

В последнее время, по мнению специалистов в области психологии и педагогики, «исследование в ближайшее время способно занять в образовании центральную роль, оно может и уже начинает переходить в сферу образования как главную сферу своего воплощения и культурного существования ...» [9, с. 37], и что развитие способности у обучающихся занять исследовательскую позицию является важнейшей задачей образования и воспитания

Использование исследовательской деятельности при организации учебного процесса «дает возможность развития у учащихся важнейшего инструмента оперативного освоения действительности – возможности осваивать не только суммы готовых знаний, а методы освоения новых знаний в условиях стремительного увеличения совокупных знаний человечества» [9, с. 37].

Кроме того, существует мнение, что развитие способности у студентов занять исследовательскую позицию является важнейшей задачей образования и воспитания. Становится очевидной необходимость включения студентов в исследовательскую деятельность и создание для этого оптимальных условий.

Существуют различные подходы в организации исследовательской деятельности студентов, но при этом важно определить, какие знания и умения они должны приобрести.

Автор принимает точку зрения Г. Иванова, высказывающего свое мнение по данному вопросу. По его мнению, учебно-исследовательская деятельность должна способствовать выработке следующих знаний и умений:

- самостоятельно объяснять и доказывать новые факты, явления закономерности;
- классифицировать, сравнивать, анализировать и обобщать ранее изученные явления, закономерности;
- проводить эксперименты, выдвигать и обосновывать гипотезы;
- устанавливать причинно-следственные связи и отношения;
- рассматривать одни и те же факты, явления, закономерности под новым углом зрения;

– применять научные методы исследования (теоретического анализа и синтеза, экспериментального, математического моделирования и т. д.);

– находить несколько вариантов решения, выбирать и обосновывать наиболее рациональный;

– рецензировать и оценивать собственную работу исследовательского характера, а также работы товарищей [4, с. 70].

Выделенные авторами педагогические условия, которые взаимосвязаны и взаимозависимы, по-видимому, могут дополняться. Вместе с тем реализация названных педагогических условий требует определения приоритетных направлений и форм развития творческой активности учащихся.

Развитие творческой активности учащихся может обеспечиваться, на взгляд автора, только современными образовательными технологиями, четко определяющими ориентиры, цели, содержание и способы достижения прогнозируемых результатов, и оперативную обратную связь.

Таким образом, к важнейшим педагогическим условиям, обеспечивающим успешное развитие творческих способностей студентов относятся: а) совершенствование содержания профессиональных знаний; б) отбор форм, методов и средств обучения; в) организация творческого сотрудничества преподавателей и сту-

дентов; г) формирование у студентов опыта исследовательской деятельности. Выделенные авторами педагогические условия взаимосвязаны и могут дополняться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Выготский, Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. – СПб.: Союз, 1997. – 96 с.
2. *Выготский, Л. С.* Развитие высших психических функций. Из неопубл. тр. / Л. С. Выготский. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960. – 500 с.
3. *Давыдов, В. В.* О понятии личности в современной психологии / В. В. Давыдов // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 4 – С. 22–32.
4. *Иванов, Г.* Готовим юных исследователей / Г. Иванов // Народное образование. – 1999. – № 6. – С. 69–71.
5. *Ньюэлл, А.* Процессы творческого мышления / А. Ньюэлл, Д. С. Шоу, Г. А. Саймон // Психология мышления: сб. / пер. с нем. и англ. – М.: Прогресс, 1965. – С. 500–530.
6. *Пономарев, Я. А.* Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарев. – М.: Педагогика, 1976. – 280 с.
7. *Посталюк, Н. Ю.* Творческий стиль деятельности: педагогический аспект / Н. Ю. Посталюк. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989. – 206 с.
8. *Рындак, В. Г.* Творчество. Краткий педагогический словарь / В. Г. Рындак. – Оренбург, 2001. – 106 с.
9. *Симонов, В. П.* Планирование, организация, анализ и оценка эффективности урока: учеб. пособ. по спецкурсу / В. П. Симонов. – М.: Изд. Московск. обл. пед. ин-та, 1988. – 92 с.
10. *Скалкова, Я.* От теории к практике обучения в средней общеобразовательной школе / Я. Скалкова. – М.: Педагогика, 1983. – 88 с.
11. *Энгельгард, В. А.* Познание явлений жизни / В. А. Энгельгард. – М., 1984. – 215 с.

Н. В. Дулина

**НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНОВ
(по материалам конференции)**

Волгоградский государственный технический университет

Под названием, вынесенным в заголовок статьи, в Казани с 12 по 15 октября 2011 года прошла VII Всероссийская научно-практическая конференция по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», которая проводилась на базе Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). На конференции были представлены доклады из 21 региона страны. В центре докладов и обсуждений находились три комплексные проблемы:

– что происходит: социокультурная стагнация или модернизация России и ее регионов – параметры, проблемы, прогнозы;

– конфликты в региональных сообществах: факты, способы профилактики и разрешения;

– общество и власть, качество социального управления в регионах.

Конференция была проведена в обновленном формате: каждой комплексной проблеме посвящено пленарное заседание, а тематика пленарных докладов более полно раскрывалась на заседаниях «круглых столов», которые вслед за каждым пленарным заседанием одновременно проходили в нескольких аудиториях университета. Всего состоялось три пленарных заседания и восемь «круглых столов». На них были заслушаны и обсуждены 10 пленарных докладов и свыше 50 выступлений.

Первое пленарное заседание «Социокультурная стагнация или модернизация России и ее регионов: параметры, состояние, проблемы, прогнозы, сценарии» открылось докладом Н. И. Лапина (чл.-корр. РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН) на тему «Социокультурные измерения стагнации и модерниза-

ции России и ее регионов», в котором он рассмотрел ключевую альтернативу современной России и ее регионов – продолжение стагнации или интенсивная модернизация. Автор доклада охарактеризовал проблему в контексте двойной модернизации в мире и сосредоточил внимание на ее человеческих измерениях в России по сравнению с развитыми странами Европы. Докладчик обратил внимание участников конференции, что в настоящее время задача измерения социокультурных параметров модернизации в каждом регионе страны первоочередная при подготовке портретов регионов. В докладе Л. А. Беляевой (д-р соц. наук, Институт философии РАН) «Агенты модернизации в России и регионах (социоструктурный анализ)» был представлен социоструктурный анализ субъектов, обладающих возможностями активного участия в модернизации. Г. Ф. Ромашкина (д-р соц. наук, профессор, проректор Тюменского государственного университета) в докладе под названием «Социокультурная динамика: модернизация или регресс?» показала особенности динамики социального самочувствия населения Тюменского региона до и после недавнего экономического кризиса. Доклады участников «круглых столов» дополнили рассмотрение проблемы модернизации, предложив свое видение данной проблемы.

В работе второго пленарного заседания «Социально-экономические, политические, этнокультурные конфликты: факты, прогнозы, способы профилактики и разрешения» рассматривались конфликты в региональных сообществах. С основным докладом выступила Л. М. Дробижева (д-р филос. наук, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН), в котором поставила вопрос о роли этнической мо-

билизации (это фактор развития или деструкции?). А. Л. Салагаев (д-р соц. наук профессор, зав. кафедрой социальной и политической конфликтологии КНИТУ) охарактеризовал причины и обозначил пути решения этнолингвистического конфликта в Республике Татарстан (тема доклада «Этнолингвистический конфликт в Республике Татарстан как следствие противоречий языковой и образовательной политик»). На «круглых столах» разговор продолжился в основном по проблемам конфликтов в Республике Татарстан и других регионах страны.

Третье пленарное заседание «Избирательные кампании и качество социального управления в регионах» было посвящено рассмотрению вопросов взаимоотношений власти и общества, качества социального управления в регионах. Е. А. Когай (д-р филос. наук профессор, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета) рассмотрела коммуникационные стратегии развития региона; Н. Г. Семедова-Полупан (Чебоксарский филиал ФБГОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации») обратила внимание участников конференции на социокультурные аспекты доверия общества к власти. А. Н. Юртаев, начальник информационно-аналитического управления Президента Республики Татарстан, предложил на обсуждение аудитории доклад «Принципы создания, функционирования и развития инновационной системы электронного правительства». В докладах на «круглых столах» были рассмотрены вопросы инноваций в управлении, институциональные ловушки, коррупция и др.

В рамках конференции Н. В. Дулина (д-р соц. наук профессор, зав. кафедрой «История, культура и социология» (ИКС) ВолгГТУ) выступила модератором «круглого стола» «Актуальные аспекты социокультурного развития в портретах регионов», предложив в качестве стартового материала выступление на тему «Уровень социального самочувствия как вектор социокультурной эволюции региона (по итогам мониторинга «Волгоградский Омнибус»)». О накале страстей и остроте обсуждаемых проблем можно судить по темам выступлений, которые обсуждались.

Итак, на «круглом столе» были заслушаны и обсуждены следующие выступления: «Современные тенденции развития системы обра-

зования Владимирской области» (М. В. Калмыкова, Владимирский филиал РАНХиГС), «Астраханская область: менталитет населения в культурном ландшафте региона» (Е. В. Каргаполова, Астраханский инженерно-строительный институт), «О роли символов в развитии культурного ландшафта региона» (Е. А. Когай, Курский государственный университет), «Трезвенническая субкультура региона в контексте инноваций и традиций» (В. М. Ловчев, КНИТУ), «Политизированные молодежные субкультуры в регионе (на примере антифа в Республике Татарстан)» (А. Л. Салагаев, КНИТУ), «Развитие информационно-телекоммуникационной сферы в России на примере сети Интернет» (А. А. Шебунова, Институт социально-экономического развития территорий РАН), «Динамика процессов инновационного развития в Ульяновской области» (Е. П. Галкина, Ульяновский государственный университет), «Коррупция в Ульяновской области как социальное явление» (В. В. Ошкин, Ульяновский государственный университет) и «Анализ социальной ситуации в республике» (Г. В. Манзанова, Республика Бурятия).

По итогам работы конференции были приняты резолюция, в которой отражены основные итоги работы и намечены планы на год, до очередной конференции на базе Института социально-политических и правовых исследований Академии наук Башкортостана (г. Уфа).

К началу работы конференции были изданы ее материалы (Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов, 12–15 октября 2011 г. / М-во образования и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2011. – 444 с.). На страницах этого сборника представлены тексты практически всех участников конференции, пленарных докладов и выступлений, заявленных в рамках «круглых столов».

Кроме того, в рамках конференции состоялось заседание научно-координационного совета «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, членами которого от Волгоградского региона являются Н. В. Дулина и В. В. Токарев, доцент кафедры ИКС ВолгГТУ.

О. И. Ситникова

СЛЕДУЯ ТРАДИЦИИ...

(по итогам краеведческих чтений «Край родной, навек любимый...»)

Волгоградский государственный технический университет

29 ноября в ВолгГТУ состоялись шестые по счету межвузовские студенческие краеведческие чтения «Край родной, навек любимый...». В этом году в них приняли участие более 34 студентов из ВолгГТУ и его филиалов в Волжском и Камышине, а также ВолгГАСУ, Волжского филиала МЮИ. Свои работы представили и учащиеся гимназии № 3 Волгограда.

Возникает вопрос: надо ли заниматься этой работой и надо ли это вообще кому-нибудь сегодня? В приветственном слове заместитель председателя оргкомитета доцент кафедры ИКС ВолгГТУ О. И. Ситникова отметила, что краеведческие чтения объединяют удивительных, увлеченных ребят, небезразличных к своей малой родине, именно от них зависит ее процветание. Студенты восстанавливают неизвестные страницы истории, изучают судьбы конкретных людей, историю обычных семей, повседневную жизнь прошлого и настоящего.

Изучение родного края – это не только расширение и углубление знаний, это и формирование умений и навыков общения, оформления исследовательских работ. Но и главное в этих занятиях то, что молодые люди растут как личности, закаляют свой характер.

Доклады заслушивались в двух секциях: «Путешествуем по Волжскому краю в пространстве и времени» и «Летопись памяти в камне», «Ментальность любимого города». Были представлены работы в области истории, культуры, социологии. География исследований, проведенных ребятами, охватила города и районы нашего края – это Волгоград, Волжский, Камышин, Котельниково, Жирновск, Урюпинск, поселки, хутора, казачьи станицы.

Заранее была проведена тщательная экспертиза работ. Результатами экспертизы жюри руководствовались при определении призеров. Экспертная оценка каждой работы производилась по следующим критериям:

- новизна и оригинальность методов исследования;
- введение в научный оборот неизвестных документов или предметов материальной культуры;
- практическая, теоретическая, социальная или культурная значимость;

- апробация, внедрение;
- личный вклад автора (авторов) в представляемую работу;
- качество оформления работы;
- качество доклада и компетентность докладчика при обсуждении работы на секции;
- использование иллюстративных и иных демонстрационных и фольклорных материалов, выразительных художественных средств.

Среди победителей смотра-конкурса следующие студенты: Секция «Путешествуем по Волжскому краю в пространстве и времени»: 1 место – *Тихонова Жанна Александровна* (ВолгГТУ). Работа: «Глубинкой жива Россия. История хутора Верхне-кардаильского», научный руководитель Ситникова О. И.; 2 место – *Литвинюк Олеся Сергеевна* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа «Граф Олсуфьев и его вклад в развитие города Камышина», научный руководитель Латкина Т. В.; *Каширский Сергей Сергеевич* (ВолгГАСУ). Работа «Волго-Донской судоходный канал», научный руководитель Песков А. Е.; 3 место – *Соболева Екатерина Константиновна*, (ВПИ, филиал ВолгГТУ). Работа «Поселения Волжского края, начиная с XVII в. К истории поселка Среднее Погромное», научный руководитель Сидорова С. Н.; *Арлаков Антон Сергеевич*, Романов Сергей Витальевич (ВолгГТУ). Работа «Волгоградский планетарий: вчера, сегодня, завтра», научный руководитель Соловьева А. В.; Поощрительное место – *Ашнина Юлия Александровна* (ВолгГАСУ). Работа «Моя малая Родина – г. Жирновск», научный руководитель Песков А. Е.; *Мурзагалиев Нурланбек Бурамбаевич* (ВПИ, филиал ВолгГТУ). Работа «Организация паромных железнодорожных перевозок через Волгу в годы Великой Отечественной войны», научный руководитель Опалев М. Н.; *Зан Тхань Хоай* (ВолгГТУ). Работа «Храни, Господь, родной Волжский», научный руководитель Наумов И. Н.

Секции «Летопись памяти в камне», «Ментальность любимого города»:

1 место – *Туголукова Дарья Александровна* (ВолгГТУ). Работа «История организации и проведения Покровской ярмарки в г. Урюпинске», научный руководитель Ситникова О. И.;

2 место – *Дудина Дарья Геннадьевна* (ВолгГТУ). Работа «История создания музыки, звучащей у Вечного огня», научный руководитель *Естрина О. В.*; *Лисина Анастасия Алексеевна* (ВПИ, филиал ВолгГТУ). Работа «Сохранение архитектурного исторического наследия Царицына-Сталинграда-Волгограда», научный руководитель *Дьякова М. Г.*; 3 место – *Балабанова Елена Александровна* (ВПИ, филиал ВолгГТУ). Работа «Возвращаясь к истории казачества», научный руководитель *Сидорова С. Н.*; *Селезнева Наталья Алексеевна* (ВолгГТУ). Работа «Герой Советского Союза Константин Иосифович Недорубов», научный руководитель *Стафеев С. Г.* Поощрительное место – *Колмаков Всеволод Михайлович* (гимназия № 3, 8 «А» класс). Работа «Гимназии родного города», научные руководители *Соловьева А. В.*, *Мартынова О. А.* (ВолгГТУ); *Золотарев Николай Николаевич* (КТИ, филиал ВолгГТУ). Работа «История Камышинского драматического театра», научный руководитель *Латкина Т. В.*

РЕГИОН В ДИНАМИКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОЛЕЙ

(рецензия на монографию *Н. В. Дулиной, О. В. Естриной, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситниковой*
«Социокультурное пространство региона: методология исследования»)

Бытие современного социального мира характеризуется объективными процессами глобализации. Одновременно в последние десятилетия наблюдается и обратная тенденция локализации социальных практик, что актуализирует повышение исследовательского интереса к структуре социокультурного пространства, а также региональным формациям социальной жизни. Регионализм («регионность») в этом случае можно рассматривать как один из путей формирования новой социальной структуры, а регион – как элемент социально-стратификационного пространства страны, групп государств и т. п. Актуальность исследования регионализма обусловлена необходимостью моделирования и прогнозирования степени интеграции / дезинтеграции социального пространства страны; осмысления «регионности» не только как социально-дифференцирующего, но и социально-интегрирующего элемента в потенциале социального развития страны, так как социальное развитие государства возможно на основе устойчивого развития ее регионов; выявления таких составляющих регионального социокультурного пространства, которые способны занять значительное место в выборе альтернатив будущего социального развития региона как на макро- (институциональном), так и на микроуровне отдельных личностей и межличностного взаимодействия.

Это в полной мере осознают авторы рецензируемой монографии, теоретическая значимость и своевременность которой не вызывает сомнения. В целом работа вносит большой вклад в развитие регионалистики как научной области исследования, способствует глубокому переосмыслению социальных процессов как на уровне отдельного региона, Российской Феде-

рации, так и современного общества в целом. Авторы предлагают «аналитический подход, позволяющий более полно и точно отразить настоящую социокультурную реальность в новых объяснительных моделях» [1, с. 58].

Несомненной научной ценностью первой главы монографии является использование междисциплинарного подхода, метапарадигмальной методологии в сочетании социокультурной и синергетической парадигм, что позволяет авторам рассматривать структуру социокультурного пространства региона как сложноорганизованную среду, состоящую «из множества взаимодополняемых полей» [1, с. 34].

Во второй главе авторы развивают данное положение, выявляя природу, структуру и типологию социокультурных полей, определяя социокультурное поле как реальность, возникающую в результате совместной деятельности людей, а также как «сложную открытую диссипативную систему с нелинейным взаимодействием элементов» [1, с. 58]. Далее авторы конструируют категории глобального и локального социокультурных полей региона.

В третьей главе авторы подчеркивают значимость информационного поля как глобально-системообразующего феномена социокультурного пространства региона, выявляют механизм его функционирования в терминологии социокультурной преемственности. К заслугам монографии следует отнести концептуализацию социокультурной преемственности, выделение ее уровней (инструментально-коммуникативный, информационно-коммуникативный) и форм (объективированная социальная память, интересубъективная социальная память, менталитет, коллективное бессознательное, средства, способы и формы коммуникации).

Четвертая глава посвящена анализу трансформационных процессов в современном социокультурном пространстве региона в контексте синергетической методологии. Авторы акцентируют значимость функционирования механизмов социокультурной преемственности и институциональных взаимодействий в трансформации региона. При этом, по их мнению, динамическое развитие возможно в случае обеспечения социокультурной преемственностью не только базовой системы ценностей, традиций, но и инновационного хаоса, а институциональные взаимодействия должны основываться на рациональности, взаимовыгоде, взаимоподдержке и согласованности.

В целях развития и обогащения теоретических положений данной монографии авторам хотелось бы порекомендовать решить актуаль-

нейшую задачу концептуализации комплексной методологии эмпирического исследования регионального социокультурного пространства в совокупности взаимодополняемых полей, а также состояния его глобального информационного поля и уровня ценностно-культурной преемственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дулина, Н. В. Социокультурное пространство региона: методология исследования: монография / Н. В. Дулина, О. В. Естрина, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситникова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. – 132 с.

Канд. соц. наук доцент кафедры
«Философия, социология и лингвистика»
Астраханского инженерно-строительного института
Е. В. Каргаполова

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 8(95), 2012 г.

Серия «ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ»
(Выпуск 11)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан 2012 г. (научные издания). Поз. № 1н.
Подписано в печать 26.06.2012. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 16,37. Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400005, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400005, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «Известия Волгоградского государственного технического университета» (серия «Проблемы социально-гуманитарного знания») извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются на следующих условиях.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Культурология», «Педагогика и психология», «Научная жизнь: хроника, события, комментарии», «Книжная полка». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем статьи – 5–10 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

а) *на русском и английском языках* (полностью идентичные по содержанию):

- заглавие и подзаголовочные данные;
- фамилию, имя, отчество автора; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
- e-mail;
- аннотацию;
- 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).

б) *на русском языке*:

- индекс УДК и ББК;
- текст статьи;
- библиографический список (при необходимости – примечания, приложения).

4. Схема построения статьи: индекс УДК; далее *на русском языке* – название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилии авторов; наименование организации (или организаций); e-mail; аннотация, ключевые слова, далее *на английском языке* – название статьи, инициалы и фамилии авторов, наименование организации (или организаций), аннотация, ключевые слова, *на русском языке* – текст статьи, библиографический список. При наличии авторов из нескольких организаций звездочками указать принадлежность каждого автора.

Текст статьи набирается с применением автоматического переноса слов.

5. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

6. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Excel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4.

7. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.
- Пристатейный список литературы, озаглавленный как **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.
- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бурдые, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. *Витгенштейн, Л.* Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.
3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

- Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

8. Статья должна быть подписана всеми авторами.

9. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника

Надеждой Андреевной Овчар

г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ,

кафедра истории, культуры и социологии, ауд. В-804,

тел. (8442) 24–84–85, e-mail Izvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией
высылается наложенным платежом.

Редакционный совет